

Анастасия Сагран

**Ты сама пришла
ко мне в руки**

Вселенная Бесцейна: только сладкое

16+

Анастасия Сагран

Ты сама пришла ко мне в руки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66613126

SelfPub; 2022

Аннотация

Что происходит с побеждённой армией? Если войска состояли из генетически совершенных бойцов, чистокровных алмазных варлордов, то почему бы за их счёт не улучшить генофонд империи Бесцейна? Победители рассчитывают, что вливание свежей крови произойдёт на добровольной основе, но герцогиня Сарма Дайиси, дочь принца Рашингавы, не хочет долго ждать. К ней в руки попадает сын погибшего вражеского царя, молодой и красивый Кармин Тахри. Сарма сможет зачать от него идеального ребёнка, если изобразит попавшую в беду девушку. Как вдруг сахарный мальчик вырывается из предела. Теперь он таинственно непредсказуем, и Сарме нужно быть готовой к тому, что Кармин, попав во внешний мир, разрушит всю её жизнь.

Содержание

Кармин Тахри	4
Сарма Дайиси	147
P.S. Я – больше не коварный. Если только чуть.	281

Анастасия Сагран

Ты сама пришла ко мне в руки

Кармин Тахри

Лето 97-го – 120-й год Единой империи Бесцейна.

Сарма возвращалась с тренировки. Устала. Пульс всё ещё бешеный, в ногах и руках тяжесть, голова работает, но как-то не так. Жарко. Братья почти сразу же, от порога принца, бросили её и разъехались кто куда, и Сарма осталась совершенно одна. Но она не юная беззащитная красотка – до дома добраться сможет, пусть прежде ей редко удавалось пройти по городу вот так, совсем одной. Её сопровождали либо сёстры, либо герарды и устрашающие охранники-инуэдо, либо братья.

Путь был долгий. Но Сарма считала, что это идеальный способ убить время, когда и так измотана дальше некуда.

– Смотри же какая девушка!.. – услышала она, проходя через пустынную площадь.

Неподалёку от крохотного магазинчика остановилась группа мужчин. Полураздетые, они составляли разношерстную группу из представителей перевёртышей и всех, навер-

ное, типов нечистокровных. Но даже по изношенной, неяркой, совсем дешёвой одежде, оставшейся на них ниже и выше пояса, слишком скоро становилось ясно, что господа не принадлежат к категории тех, о ком мечтают девушки. Или даже могут мечтать.

Скорее всего, мужчина обращался к своим друзьям. Эти парни как по команде повернулись посмотреть на Сарму, и она это почувствовала.

– Какая грудь!.. А зад? О, она – да, ничего, – обсуждали Сарму эти мужчины.

В их тоне и словах было что-то не слишком лестное. Что-то вроде "я бы позволил ей согреть мою постель, но только раз или два". Значит, для этих парней Сарма вовсе не богиня, а так, ничего восхитительного. Да, она одевалась неярко, не пользовалась красками для лица, волосы коротко обрезала, а едва отросшие локоны собирала в куцый хвостик так, чтобы не мешались на тренировке. И конечно, ей не досталось и толики отцовской красоты.

И всё же Сарма шла не слишком быстро. Один из этих мужчин мог бы попытаться остановить её и пригласить куда-нибудь, но нет. И Сарма разочарованно вздохнула.

Папа рассказывал, что именно так он познакомился с мамой – просто подошёл к ней на улице огромного города. Он был в рабочей робе, и пятна от брызг химикатов не слишком красиво раскрашивали его облик. Вышел из лаборатории со своими учениками за какими-то железками в ближай-

шую барахолку. Волосы спутаны, под глазами тени от бессонных ночей, на щеке чернила... Практически, как и всегда. Но он увидел маму и тут же всё решил.

Родителям было не важно, кто они такие, не важно ничто на свете. Они любили друг друга очень долго. До тех пор, пока ужасная катастрофа не прервала жизнь матери.

А теперь папа снова женат и снова очень любит некую женщину. Он тоже увидел её случайно, как маму. Говорят, их первая встреча пролетела ещё скорее, чем с матерью Сармы. Папа просто увидел Марию в толпе и тут же потерял. И он нашёл её, отыскал. И снова ужасно счастлив.

Сарма верила, что однажды кто-то вот так же отыщет её потом, всё хорошо обдумав после встречи, если только не подойдёт на улице сразу.

Сейчас она понимала, что вероятность того, что один из этих мужчин с улицы может завести с ней роман, куда выше, чем возможность, что такое случится с кем-то чуть более высокого социального статуса.

Эти парни, обсуждавшие только что её внешность, не имеют никаких амбиций, связей и устремлений. Иначе бы обратили внимание на значки на её куртке и поняли, что они обозначают. Но они даже не знают, что на ней красуется символ власти герцогства Дайиси предела Рашингавы. И думают, что Сарма "просто какая-то девушка".

Парни, имеющие хоть какое-то место в любой сфере, сообразили бы, что девушки с такими значками слишком доро-

ги даже для того, чтобы на них смотреть. Только титулованным и их наследникам они могут быть по карману. И только ветераны войн, спортсмены-мечники, придворные и титулованные империи прекрасно знают саму герцогиню в лицо – её, Сарму Дайиси, дочь принца Рашингавы.

Странно сложилась жизнь. Бездельники, балансирующие на грани нищеты, для которых роман с герцогиней мог бы стать сказкой, воплотившей мечты, не видят саму герцогиню достаточно привлекательной. А все те, кто знает, что именно скрыто под sereneйшей внешностью, не могут и мечтать об обладании герцогиней Дайиси.

Но вот и предел отца – ныне огромный дворец, возвышающийся над поверхностью, на самом деле только венчающий подземный город с научными лабораториями и целыми фабриками.

В подконтрольной Дайиси части лабораторий сидит её пленник – её надежда и спасение.

Сарма заторопилась вниз, как можно ближе к нему.

– Он стабилен, – наконец-то услышала от лаборантов Сарма.

Сначала она испытала наиполнейшее удовлетворение потому, что эта фраза означала, что узник действительно сдался после полугода упрямства и ещё одного полугода затаённой злости. Лучшие учёные герцогини Дайиси, Сармы Э, исследовали этот великолепный объект, изучали каждое его движение и каждую мысль, учились контролировать горде-

ца, и вот теперь он готов к использованию.

Сарма пошла к себе, чтобы привести себя в порядок, приказать герардам одеть её как подобает, и нанести на её лицо краски. Её же руки дрожали. Она думала, что пойдёт к нему в камеру, ощущая головокружение – настолько волнуются теперь её тело и душа. От одного вида этого мужчины, ещё совсем юноши, она чувствовала что-то особенное. Никто не мог сравниться с ним. Никакая придуманная романтическая история не убьёт в ней желание видеть его снова. Кажется, он красивее всех виденных мужчин. Он великолепен даже когда хмурится. И очень мил, когда спит.

Но перед самой дверью Сарма вдруг остановилась. Переодами продумываемый план теперь казался неудачным. И мелькнувшая внезапная идея заставила её пойти назад и раздать совершенно другие распоряжения. Она улыбалась, разбираясь с делами и отменяя все встречи.

Кармин вздрогнул, услышав шорох, похожий на звук ссыпающегося песка. С такого звука обычно начинался процесс выдвигания из стен блоков, в которых были спрятаны трубки, подающие усыпляющий газ. Его комнату, такую красивую, подобным образом и приводили в порядок – после его усыпления. Однако время уборки прошло совсем недавно. Значит, они хотят сделать с ним что-то. Однажды, усыпив, они вшили ему под кожу какие-то крошечные приборы. От них у Кармина зудела кожа, но не более того.

Да, вот они – из стен выдвигаются белые, как кости животных, небольшие блоки. Они словно вскипают – так много крошечных трубок начинает выпускать газ.

Кармин уже изучил этот процесс до каждого мгновения. На счёт четыре надо замедлить дыхание, а на счёт шесть его полностью прекратить. Да, он вдохнёт немного газа, но затем перестанет дышать вовсе и так в лёгкие проникнет совсем немного отравы. Он будет сонливым, но спать не будет.

Он привычно устроился на золотисто-белой софе, откинул голову и притворился спящим.

По массе всего окружающего он мог легко определить, придёт к нему кто-то или нет. На этот раз через лабиринт ходов охранники вели к нему женщину. Она вошла одна и осталась в его комнате, в углу, неподвижная. Она что, вдохнула газ и уснула? Кармин терпеливо выжидал, отсчитывая время по биению своего сердца. Торопиться некуда абсолютно: войска отца разбиты, весть о его проигрыше не могла не разнестись по звёздным системам, и дядя уже наверняка захватил трон. Кармин, как алмазный варлорд, мог бы ещё быть нужен дяде, но кузены просто отравят его, если он вернётся домой как сын погибшего царя. Кармин даже внутренним взором не мог охватить огромные территории, на которых уже побывал по воле отца, но так же не мог представить, где бы мог укрыться, сбежав отсюда.

Но вот вышло отпущенное на сон время. Действие газа должно было уже закончиться. Однако женщина всё не ше-

велилась. За ней должны будут прийти и унести её, если она вдохнула газ. Одиноким герарде не место в камере пленника.

И всё же... за ней никто не пришёл. Она просыпается – пошевелилась. Значит, самое время проснуться и ему. И будь что будет.

Кармин сел не торопясь и даже не оглядываясь. Старался смотреть только перед собой, будто медленно приходит в себя. Его гостя поднялась с пола, но тут же спряталась за креслом. Он даже не успел увидеть, какая она.

– Эй! – заговорил он на всеобщем. – Что ты здесь делаешь?

Но ответом ему было молчание. Женщина продолжала прятаться.

– Я видел тебя. Отвечай мне!

– Я... попала сюда по ошибке, – тихо ответила женщина.

Её голос прозвучал бархатисто, неровно, медлительно, будто она говорила с трудом.

Кто бы ни была эта женщина, следует обращаться с ней благожелательно. Это делает разумных доверчивыми до беззащитности.

– Если ты действительно попала сюда по ошибке, то тебя скоро заберут, – сказал женщине Кармин. – Можешь меня не бояться – я тебя не трону.

Из-за края кресла показались немного растрепавшиеся, неровные пряди цвета прошлогодней листвы. И один глаз, почти такой же серо-карий, как и волосы. Женщина смотре-

ла на него из-за кресла так внимательно и так настороженно, словно что-то знала. Ему показалось, что она хочет что-то сказать. Но она снова скрылась за креслом. И с немалым удивлением Кармин услышал, что женщина плачет.

– Эй, я могу чем-то помочь? – быстро и громко спросил он, как бы глупо это ни было.

Пленник? Да кому и чем он может помочь? И тем более ей.

– Да! – вдруг вскрикнула женщина и быстро встала, чтобы выпалить ему: – Не подходите ко мне, прошу вас!

– Даже не думал, – быстро заявил он.

Но она продолжала смотреть на него, ощупывая взглядом его тело. И Кармин не смог устоять – принялся отвечать взглядом на взгляд. Так он, наконец, разглядел её лицо и плечи.

Он убедился в том, что в этой женщине нет ничего выдающегося. Обычное невзрачное лицо, не красивое, но и не уродливое, волосы блестящие, но короткие – заложенные за уши прядки едва доходят до плеч, а кожа на теле... на ней кровоподтёки и вспухшие рубцы и... кажется, на ней нет одежды.

Он с некоторым трудом заставил себя думать не только о том, что леди, запертая с ним, абсолютно голая. И начал соображать в несколько другую сторону, чтобы заслужить доверие:

– Я могу поделиться рубашкой.

– Вы можете? Благодарю.

Кармин встал и пошёл в соседнюю комнату за чистой рубашкой. Бросил её загадочной гостье не глядя, и женщина быстро завернулась в голубой шёлк. Кармин лишь успел увидеть, что голубой почему-то очень идёт женщине. А она спряталась за креслом снова. На этот раз полностью.

– Если вы сядете в кресло, а не за него, ничего ужасного не случится, – заверил её Кармин, стараясь говорить как можно уважительнее.

– Я... хорошо... только я ещё немного посижу тут. За мной должны прийти. Меня должны увидеть... Что я тут.

Кармин не стал продолжать разговор. Но нельзя просто сидеть и приглядывать за гостьей, и его голос зазвучал в камере слишком скоро:

– Ваше имя?

– Леммай. Леммай Аффор.

– Я Кармин Тахри. Мне сто сорок четыре года. А вам?

– Пятьдесят.

– Совсем ребёнок. Кто над вами так подшутил, отправив сюда?

– Эм... мои... подружки.

– Прошу прощения, но кто-то должен сказать вам, что такие подружки хуже врагов.

– Я понимаю. Но других подруг у меня нет. Как и врагов.

Это прозвучало именно так: я совсем никому не интересна, кроме этих злобных стерв, но я не хочу быть совсем одна

в жестоком мире.

Разговор снова закончился. Кармин не знал, что на такое можно ответить. Потому что мир действительно жесток и если для выживания нужно стать тенью какой-нибудь колючей дряни, то ты сделаешь это, несмотря на внутреннее сопротивление.

Но, всё-таки, это слишком странно – просто ждать того, что будет дальше. Это первый живой и доступный собеседник за целый год. И это первая женщина лет за пять, пожалуй, которой не запрещено даже разговаривать с ним.

– Вы обучаетесь ремеслу воина? – спросил Кармин.

– Да.

– Нет желания свернуть с пути?

– Н-нет... – заметно помедлив, ответила Леммай.

– На вашем теле много шрамов.

– Да, я не слишком талантлива.

– Мне жаль вас.

Леммай не ответила. Кармин, наклонившись вперёд, увидел, что женщина, не отрывая глаз, смотрит на дверь. И с каждой проходящей сотней биений сердца становилось ясно, что смотрит она зря. Более того, она взволнована, сомневается и чего-то побаивается.

– Если вас ещё не вытащили отсюда, то, значит, никто, кроме ваших подружек не знает, что вы здесь. Это странно, конечно, но ничего не поделать. Ваши близкие, полагаю, начнут беспокоиться о вас к ночи, – проговаривал Кармин, чув-

ствуя себя то ли азартным игроком, то ли мозгоправом – так странно в нём сейчас смешались чувства и эмоции.

– Что вы хотите сказать?

– Только то, что уже сказал. Советую вам расслабиться. В этой камере время течёт тем медленнее, чем сильнее вы напряжены.

Леммай снова ничего не ответила. Почему всё-таки выглядит так, будто она действительно испугана? Он, Кармин, действительно внушает ей ужас или это не имеет отношения к нему?

– Вам что-то наговорили обо мне? – поинтересовался он.

Он понимал, что его упорное желание разговаривать не соответствует ситуации, да и выглядит не слишком вежливо, но всё же простил себя за это. Уж слишком давно он разговаривал с женщинами в последний раз. К тому же голос этой малышки словно делал его живым, возвращал к реальности.

– Нет, вовсе нет, – словно хорошенько подумав, ответила она.

– Скажите, в вашем пределе держат много подобных мне?

– Я... не знаю. Я не слышала о пленниках. Мне говорили только о вас.

– И что же говорили?

– Что... вы... существуете.

Кармину уже было надоела эта игра в вопросы и ответы, и теперь ему захотелось рассмотреть женщину подробнее. Теперь, желательно, целиком.

– Я хочу, чтобы вы сели в кресло, – громче обычного сказал Кармин, – и я настаиваю.

– Но...

– Садитесь!

Герарда встала, но, почти не разгибаясь, обогнула кресло и села в него. Его рубашка закрывала ей ноги до середины бедра, и этого было бы достаточно... Кармин вдруг забыл, о чём он думал до сих пор. На этих длинных, совершенных ногах тоже темнели уродливые синяки и ссадины, но на них не находилось ни единой чешуйки, ни одного рогового нароста. Эта женщина либо очень ухожена, либо относится к чистокровным варледи.

– Варледи? Я должен был понять это раньше.

– Нет! – огромными глазами посмотрела на него Леммай. – Я шипастая. Мои доспехи и шипы отпали совсем недавно.

Кармин понимал, что втройне невежливо не сводить глаз с ног женщины, но даже притом, что извинить себя за это не мог, отвести взгляд оказалось сложно. Тень, глубокая чёрная тень, образовывалась в треугольнике, верхнюю грань которого образовала пола его рубашки, а нижний угол – сведённые ноги герарды. И эта тень... всего на миг, внезапно подстегнув его воображение, открыла путь лавине самых горячих желаний, влившихся в мысли и тело Кармина. Он такого от себя не ожидал.

Но не говорить же Леммай, что ей всё-таки следует вер-

нуться за кресло?

– Расскажите о себе, – попросил он, с трудом переведя взгляд на её лицо.

– Простите, но я... не... можно я не буду?.. – робко проговаривала Леммай.

– Хорошо. Может быть вам хочется пить? На том столике есть вода.

– Спасибо. Я... я налью себе немного.

Кармин зачем-то пронаблюдал за тем, как Леммай встаёт и идёт к столу. И прежде чем понял, зачем смотрел, поморщился от прилива крови к паху. Потому что на самом деле Леммай роскошна. Или дело в том, что он давно не видел обнажённых женщин? Мог ли представить он, Кармин Тахри, наследник царя, алмазный варлорд, что будет упиваться одним видом такой бесцветной женщины, якобы типичной зажатой и необученной герардой, привлекательной разве что свежестью восприятия?

Она выпила едва ли глоток воды и тут же вернулась в кресло.

Кармин ощутил, как краска бросилась в лицо от одного только обрывка сцены, которой он вообразил себе сейчас.

– Господин Тахри, вы не могли бы так не смотреть на меня? – вдруг виновато попросила Леммай.

– Не думаю.

Леммай опустила голову и долго сидела в такой позе. Но Кармин вдруг подумал, что, возможно, Леммай просто за-

дремала.

И да, так и оказалось.

Вскоре в комнату для трапез с шумом открылась дверь. Леммай резко вскочила:

– Что это?

Спросонья она всё равно крепко сжимала кулачки с полами рубашки, и Кармину не удалось увидеть ни кусочка кожи на её груди. Разочарованный, он не сразу ответил:

– Подан ужин. Не думаю, что на вас накрыто, но я готов поделиться едой. Пойдёмте.

Кармин встал и прошёл к трапезной. Но, даже не войдя, он крепко застыл, потому что увидел, на столе ужин... на двоих.

Это ощутимо всё меняло. И это просто прекрасно. Для него, не для неё.

– Леммай, я думаю, что нам повезло и здесь еды вполне достаточно для двоих. Идите сюда. Смелее.

Леммай вошла и увидела стол. Мгновение спустя Кармин увидел на её лице ужас. Леммай вперила в него выжидательный взгляд.

– Да, я понял, что вы здесь надолго, раз о том, чтобы вы ели, позаботились мои тюремщики, – кивнул ей Кармин. – Весь вопрос в том, намеренно вы солгали мне или нет?

– Солгала в чём?

– В том, что вы здесь по ошибке.

– Нет-нет, я не лгала.

– Мне это не нравится. Вы должны выполнить то, зачем вы здесь и убраться отсюда. Я не хочу думать, что должен опасаться вас.

– Но это не так! Я не опасна.

– Откуда я могу знать? Очень хитрый ход – рассеять моё внимание обнажённостью женского тела. Говорите, зачем вы здесь?

– Я... я... ваш подарок, – вдруг сказала она.

– Что?

– Н-ни...

– Перестаньте мямлить и говорите внятно!

– Не... могу... и не... хочу!

– Вы должны.

– Я... я – подарок вам за ваше хорошее поведение! – внезапно выпалила Леммай и вся сжалась.

– В каком смысле – подарок? – растерянно поинтересовался Кармин.

Но Леммай только испуганно и виновато смотрела на него.

И до Кармина начало доходить:

– Подарок... как женщина для мужчины? – на всякий случай уточнил он. – В смысле... удовлетворение потребности в сексе?

Леммай не отозвалась, но в этом не было особой необходимости – по её глазам ответ легко читался.

Значит, тюремщики рассчитывают, что он будет у них ещё

очень долго.

– Чего ещё они хотят от меня? – спросил Кармин.

– Я не знаю.

– Что же вам вообще сказали?

– Мне... м... сказали, что я... не должна плакать и жаловаться.

– И что же пообещали?

– Сказали, что всё, что здесь произойдёт, будет моим искуплением.

Кармин глубоко вздохнул.

– Следовательно, если я откажусь от подарка, вы не получите искупления?

Леммай кивнула.

Злость и возбуждение в Кармине перемешалось так тесно, что его голова закружилась.

Какое чудо, что маленькая сексуальная гостья теперь оказалась его собственной наложницей. Ни одному пленнику ещё не делали такого подарка!.. Больше нет нужды сдерживать свои желания. Подарить пленнику часть свободы вот так?

Обрадованный, Кармин всё же немного оробел. Ему настолько не верилось в то, что можно вот так легко получить эту женщину, что в его голове закрутились схемы соблазнения её, к которым он сам ещё не был готов. Он прикрыл рот пальцами левой руки, запрещая себе говорить о своих мыслях и впечатлениях. А правая уже тянулась к шее Леммай

Аффор. И он дотронулся до неё.

– Вы неопытны? – вдруг спросила она.

Её взгляд изменился. Она смотрела почти с симпатией. Нет, Леммай не требуется соблазнять. Она уже отбоялась своё и выражение его лица, похоже, настроило её на едва ли не сочувствующий лад. В любом случае, она решила, что он не опытен, а значит не извращенец и бояться нечего.

Но Кармин не смотрел ей в глаза и не собирался отвечать. Он медленно стягивал с Леммай рубашку. Опасался, что сейчас она всё поймёт и воспротивится, но Леммай точно перестала бояться и только расправила плечи. Белизна кожи и совершенство женской груди затмили разум мужчины, и он даже не помнил, как он взлетел воздух и поднял Леммай, как всё случилось, словно бы само собой. Да, он даже не разделся. Да, это было слишком быстро. Но Леммай, возможно, оказалась самой сладкой из всех женщин, что у него были. Сладше самой первой герарды и самой умелой жрицы Хенера.

После первого восторга ему захотелось ласкать её так, чтобы и ей было приятно с ним, но Леммай задремала, положив голову ему на грудь и продолжая обвивать его бёдра ногами. Значит, ей тоже было хорошо.

Её волосы оказались предельно шелковистыми и пахли умопомрачительно, а кожа – бархатистая и мягкая. Он понял, что тело Леммай – это единственное, чего он хотел бы сейчас касаться. И остался плавать в воздухе, не спеша сни-

мая одежду. Ему хотелось, чтобы Леммай коснулась каждого кусочка его кожи. Она вскоре очнулась и не сразу поняла, что происходит.

– Искушение, – тихо напомнил ей Кармин, и Леммай, всё вспомнив, кивнула.

Её губы коснулись его шеи. Леммай казалась горячей, обжигающей.

– Ещё, – попросил он, и её поцелуи полились ручьём, влажным и бодрящим, вниз по его телу.

Кармин почти не верил происходящему и боялся, что она исчезнет. И потому крепко держал её, хотя и так было ясно, что она никуда не денется.

– Ты невероятно красивый, – услышал он.

Его снова захлестнуло сильнейшее желание. На этот раз он должен был лучше контролировать себя и доставить Леммай большее удовольствие, но сейчас она была его наградой, с ней можно было делать всё, что угодно, и он решил воспользоваться этим.

Сарма водила пальцем по совершенным линиям носа пленника, по линии его губ и скул, и этот мужчина позволял ей это. Впервые за чудовищное количество времени она не ждала от мужчины абсолютно никакой боли. Это её подкупило в нём и в происходящем теперь. Прошло уже несколько недель наедине с ним под новым именем Леммай. А пленника всё ещё хотелось ласкать и нежить, и в ответ он ласкал и

нежил её. Ни один мужчина с самой юности не был так внимателен и отзывчив с Сармой. Всё из-за статуса сильнейшей женщины предела и всей империи. Сколько мужчин, красивых и умных, теряло свою привлекательность в её глазах из-за желания доказать ей, Сарме Дайиси, что место женщины – у ног мужчины, а не рядом с ним и уж точно не впереди! Этот мужчина не пытается ничего доказать, не взывает к превосходству силы, и этим он хорош. Хорош сейчас. Стоит ему сказать, что она не жалкая герарда Леммай, а гордая герцогиня предела, способная в бою защищать свой статус, как и этот красавец переменится.

И всё же алмазные варлорды настолько же великолепны, насколько редки. За всю свою жизнь, все шесть тысяч лет, Сарма ни разу не видела настоящих алмазных варлордов. Они слишком красивы, ценны, неуязвимы. Говорили, что они – вымысел, легенда. Что таких не бывает. И если подумать, то существуй они со своими алмазными доспехами и мечами в самом деле – поработили бы вселенную в два счёта.

Только отец упрямо утверждал, что они существуют. Говорил, что видел их, жил среди них. Утверждал, что алмазные варлорды, даже нечистокровные, действительно быстро захватывают все звёздные системы на своём пути, но космос настолько велик, что вероятность нападения армии алмазных варлордов уничтожительно мала. И вот теперь, Кармин Тахри – здесь. Ровно год назад его отец привёл свою армию сюда, к Пенрину. И был убит. Конечно же, на всякую силу

всегда есть сила превосходящая. Ей оказался принсипат империи – гении войны, древнейшие учёные и маги, а кроме них ясновидящий, за несколько десятилетий предсказавший нападение.

Империя Бесцейна в небе над планетой Пенрин увидела настоящих алмазных варлордов.

И теперь, благодаря невероятному стечению обстоятельств, Сарма получила в свои руки самый прекрасный из осколков разбитого принцами отряда наследников алмазного царя.

Эти белые, словно луна Ора, волосы и совсем светлая кожа кажутся волшебством. Угольно-чёрные ресницы и брови отражают так много света, что иногда словно вспыхивают звёздами. Лицо точёное, красивое, как у молодой девушки. Тело изящное, но большое. Этому мужчине она едва достаёт до середины груди. Попробуй-ка, Хэллис, взглянуть на такого варлорда сверху вниз! И насколько же великолепны будут сыновья этого мужчины? Но его глаза – вот что похоже на бриллианты!.. В чёрных кольцах светло-серые радужки прячут мириады ровных граней, многие из которых словно проникают в глаза смотрящего тёплым оранжевым или розовым, ослепительной лазурью или ярким, шокирующим фиолетовым. Эти цвета внезапно вспыхивают и пылают, ослепляя как солнечный свет и вводя в недоумение. Сарма уже много раз видела эти вспышки и уже много раз думала о том, что не достойна даже рядом находиться. Но Кармин, похоже,

получил своё имя за притягательность. Иной раз его глаза искрились таким ярким красно-пурпурным цветом, а губы так разгорались от поцелуев, что Сарма и представить себе не могла, какая женщина не отдала бы ему свою душу и не последовала за ним.

И большая ли цена – ложь – за возможность быть с таким мужчиной?

В тот день Кармин спал слишком долго, а проснувшись, понял две вещи: во-первых, Леммай больше нет в его камере, а во-вторых, это – чудовищно. Сперва он думал, что её срок искупления закончился и следует смириться с этим, но внутри всё вопило от злости и мысли вскоре приняли иное направление.

Его тюремщики обладают отличными знаниями в химии и психологии – им удалось не только поймать его после побега из адаптационного лагеря, но и оставить в этой, новой тюрьме. Он, алмазный варлорд, мог доставить им кучу проблем, мог высечь себе выход и убить множество их парней, но они сумели научиться его контролировать. Как? Они усыпляли его практически постоянно – в ответ на любое опасное для целостности камеры действие; они вводили вещества, похожие на яд, но не убивающие его, если он отказывался делать то, что они хотели. И так они приучили его к идеальному времяпрепровождению – он ел, спал и даже тренировал тело и ум так и тогда, когда они этого хотели. Леммай была его

наградой. Те, кто управлял им, хотели добиться его идеального физического и умственного состояния. И они точно так же понимали, что здоровому мужчине нужен секс. Но они дали ему женщину в качестве награды, и в этом была самая унижительная для Кармина хитрость с их стороны. Получив Леммай, Кармин не удержался в рамках их правил. Нельзя сказать, что он забыл обо всём. Нет, он был внимателен к тому, как они реагируют на то, что он нарушает их правила. А реакции не было. И он расслабился. Ко всему прочему, он не хотел показывать Леммай, насколько велика власть тюремщиков над ним. Дурацкая гордость. Сколько десятков лет с ней боролся и проиграл, когда от этого многое зависело.

А в результате они забрали её. Или Леммай ушла сама, едва отбыла свой срок? Да какая разница?!

План побега сформировался не за один день. И не за один день Кармин принял решение бежать любой ценой.

Он не знал многих вещей. Но самое важное, что ему было неизвестно, это то, сколько проводящих газ блоков спрятано внутри стен камеры и сколько – снаружи, есть ли распыляющие яд блоки вне камеры. Эти умники должны были подстраховаться на тот случай, если пленник окажется не полнейшим идиотом и сам научится задерживать дыхание. Они должны были подстраховаться на тот случай, если он всё же вырвется из своей клетки.

Они понимали, что он – сын царя и уважали его за это. Они дали ему красивую, в золоте и самоцветах, одежду. Но

они не учли, что он может использовать против них даже это. Он нашёл идеальный момент – время сна. Все двери, кроме двери в уборную, закрыты плотно – никакой газ не пройдёт. Следовательно, им придётся выпускать газ только в спальне и уборной. Но эти комнаты не так уж велики и он успеет сломать все выдвигающиеся сопла с ядом, а что касается газа, то он давно научился блокировать собственную систему дыхания. Это было почти так же сложно, как научиться оставаться в безвоздушном пространстве. Но выкаченный из лёгких кислород и охлаждение тела для перелёта с планеты на планету – это всё же проблема немного иного порядка, чем полное исключение взаимодействия с окружающей воздушной средой. На это рассчитывали тюремщики. И просчитались.

Кармин ещё вчера приготовился к побегу – он выбрал самые плотные, богатые на вид золочёные ткани, закрывшие его полностью, разве что не лицо. Он сбросил их на пол возле своего ложа, чтобы теперь, в полной темноте, быстро одеться и ещё быстрее начать выламывать стену в уборную. Она должна быть удалена вся – так, чтобы ничто не мешало ему с максимальной скоростью перемещаться из уборной в спальню и обратно. Это заняло у него сто двадцать биений сердца. И вот он – тот самый звук ссыпающегося песка – газ. Кармин старательно запоминал зоны, в которых выдвигались блоки. По одним только этим зонам и врождённой чувствительности к массам он сможет определить, где и как подведён газ. И

хотя бы предположить, где, как и в каком порядке подводится яд – его самый главный враг. Яд не обязательно вдыхать. Яд, стоит ему лишь попасть на кожу, выведет его из строя. Он надел эти богатые, непромокаемые одежды, чтобы защититься, но если яд попадёт в лицо, то это конец.

Кармин надвинул капюшон, надел тренировочные перчатки и схватил со стола тетрадь с формами задач на прозрачных листках. Тетрадю он закрыл глаза от случайного попадания яда – скоро его начнут обрызгивать им, чтобы успокоился. И вот оно – шелестение яда. Кармин взрастил совсем короткий клинок. Блоки выдвигались, Кармин едва успевал сминать крошечные сопла разбрызгивателей ударами оружия сверху вниз, а в его мозгу вспыхивали зоны стен, за которыми этого яда должно быть ещё больше. Но этого было не достаточно. Яд вытекал даже из разбитых сопел – он стекал по стенам на пол широкими струями и если не поторопиться, то спальню просто начнёт затапливать. И какой бы непромокаемой ни была одежда – она всё равно рано или поздно начнёт пропускать яд. Это только подстегнуло мозг Кармина, заканчивающего своё уравнение. У него осталось ещё несколько сотен биений сердца, когда он посчитал, что нашёл участок глухой стены, за которой нет ничего токсичного, и взрастил алмазный широкий клинок, чтобы со всей данной от природы силой начать высекать в камне проход. Часть камней он выломал плечом, и едва смог протиснуться, как выглянул в тускло освещённый коридор. Как и

предполагалось – все стены этого коридора были увиты трубами, подающими яд и газ, и ему следует очень аккуратно пробираться здесь. Кармин полетел вдоль этих труб в поисках резервуаров и насосов, возле которых должны быть ходы для обслуживающего персонала. И действительно, сделав почти полкруга вокруг своей тюрьмы, Кармин нашёл такой проход. Дверь не поддавалась, словно была заблокирована по всему своему периметру, но Кармину уже было плевать – алмазный клинок способен был вырезать в двери новый ход.

Кармин встретился с удивлённым мужчиной, сперва тоже взрастившим клинок, а затем в испуге вжавшимся в стену. И так на протяжении всего пути наружу – те, кто не спал и оказывался у него на пути – отступали. Но Кармин метался не долго – его взгляд случайно наткнулся на план эвакуации на одной из стен, и вскоре он уже вдыхал свежий воздух, стряхивая с себя сонливость, и полоскал в большом городском озере свою вымокшую в яде одежду. Но, кажется, обрадованный освобождением и всё ещё сонный, он не был достаточно осторожен. Кармин понял это, когда сознание начала перекрывать липкая дурнота, смыкающая веки и парализующая. Последнее, что он ощутил – это своё падение на одежду, в озеро, и то, как прохладная вода и одежда обволакивают его.

Он очнулся, когда какая-то сумасшедшая рыбина попыталась откусить ему кусочек нижней губы. Это оказалось неожиданно больно. Ещё больнее было ощутить давление

воды в горле, желудке и лёгких, и удивительнее – понять, что за сто сорок четыре года так и не научился плавать, потому что не думал, что это может пригодиться.

Верхняя одежда спутывала ему руки и ноги, и пришлось сначала вырваться из неё и только потом предпринимать что-либо ещё. Кармин долго не мог понять, в какую сторону нужно двигаться и только коснувшись дна ногами, смог понять, где поверхность. К этому моменту вода внутри уже начала причинять серьёзную боль. Но, едва подняв нос над поверхностью воды, Кармин метнулся на глубину, потому что какие-то перевёртыши группой летели над водой. Он не знал, ищут ли они его, но предпочёл спрятаться.

Что бы хоть как-то отвлечься от вынужденной боли, Кармин спустился на дно в поисках своего клинка и за своей одеждой. Похоже, ткани уже избавлены от яда и, высохнув, отлично послужит ему снова.

Кармин выбрался на воздух, убедившись, что над водой больше никого нет. Он рефлекторно вдохнул, и внутри заклокотала вода. С кашлем она постепенно вышла.

Старался вести себя тихо, чтобы не будить обитателей ближайших домов, зданий совсем крошечных и, напротив, гигантских, как колоссальные стены с башнями. А вскоре должно было взойти солнце – полоска света уже окрашивала оранжевым небо с одной стороны. Алмазный клинок будет давать невероятные блики. Впрочем, сверкает он и на свету фонарей.

Кармин спрятал клинок в полах королевски свободной одежды.

Он видел каких-то человекоподобных на противоположном берегу, но они выглядели не как перевёртыши, и он решил, что их можно не бояться. И всё же спрятаться за ближайšie дома на берегу стоило как можно быстрее – он не хотел, чтобы его заметили те, кто полагается на острое зрение. В одной из нешироких тихих улочек он попытался отжать одежду, но это оказалось сложно из-за металлических вставок. Некоторое время он пробирался по таким же улочкам в поисках места, где мог спрятаться. Но ничего похожего на открытое окно заброшенного здания не увидел. И стремглав, даже не оглядываясь, бросился прочь из города. Он пролетел мимо множества больших светящихся и маленьких тёмных домов, подивился невероятных размеров деревьям, как будто совсем нерукотворным, и вскоре оказался над нескончаемым полем с мелькающими деревушками и проносящимися мимо башнями крошечных, но необычных и красивых городов. Поле, однако, вскоре закончилось, и взору Кармина предстал лес, абсолютно весь из больших деревьев с широкими и ровными рыжими стволами, кора которых источала смолу с бодрящим ароматом. Но в таком лесу сложно спрятаться от других перевёртышей – слишком велико расстояние между ветвями. И Кармину пришлось лететь дальше, к другому лесу. С первым лучами светила он отыскал низкорослый, но густой лесок, чтобы улечься в са-

мой непролазной гуще и выспаться. Но едва он забрался в подходящее место, сумрачное от обилия ветвей и листьев вокруг, как прирученный тюремщиками желудок взбунтовался, а сонливость перестала наваливаться прежним образом. И Кармин получил время на тщательный анализ всего, что видел и что сделал.

И сразу же стало казаться, что он сделал недостаточно. Именно потому он аккуратно и медленно взлетел, не сломав ни одной гибкой веточки, а лишь всколыхнув листья, и отыскал другое место, в которое забрался ещё осторожнее, чтобы не оставлять следов.

Только после этого ему удалось заснуть, и, отлично отдохнувший, он выбирался из леса, любуясь оранжево-алыми лучами уже заходящего солнца.

Кармин обрёл свободу и готов был лететь в любую сторону и делать что угодно. Казалось, что единственная его забота – не попасть снова в ту же клетку, что прежде. Но, вздохнув и подумав обо всех своих прежних желаниях, он удивился, потому что отчётливо и ярко на фоне всего прочего теперь существовало одно желание: найти своих тюремщиков и выведать у них, где Леммай. Любой мужчина на месте Кармина почувствовал бы, что такая, как она, точно заслуживает свободу.

У неё отвратительные тренера. Он, Кармин, скажет ей, что поднимет её навык, не оставляя на её коже страшных ссадин. И что она сможет выбирать, быть ей с ним или нет. Он уверит

её в том, что оставит ей выбор в отличие от тех, кто её запер вместе с ним.

Кармин точно знал, что сказать всё это необходимо.

Ночью он отыскал место, из которого сбежал. Это оказался столичный предел принца-варлорда Рашингавы, и находился он кошмарно недалеко от того места в озере, где прятался Кармин. А о принце Рашингаве ещё до заточения Кармину говорили всякое: и то, например, что в его лабораториях проводятся страшные опыты над разумными, и то, что Рашингава бросил всё ради возлюбленной полуживой фитки, в честь которой назвал первую колонию. Собирая слухи, ещё менее того похожие на правду, Кармин не решался возвращаться в тюремный предел без подготовки. Он принял наблюдать за теми, кто летел в сторону предела Рашингавы и вылетал оттуда в сторону Ньюна. Но Леммай среди этих разумных не было. И тогда пришлось начать разрабатывать план проникновения. Сложность была в том, что Кармин слишком бросался в глаза. Его одежда оказалась слишком богатой даже для того, чтобы интересоваться слухами у местных бездельников, а глаза – слишком яркими, чтобы ими следить за передвижениями перевёртышей. Только как следует надвинутый капюшон – ночью! – маскировал Кармина. А ярким утром или на закате ещё не так сильно заметны были его глаза. Но они были заметны. Он буквально чувствовал, как докладывают о нём его тюремщикам прямо сейчас. И Кармину пришлось выбирать – либо проникнуть в пре-

дел теперь, полагаясь на силу и удачу, либо усложнять свой и так отсутствующий план проникновения при условии, что вокруг предела Рашингавы воздух будет переполнен перевёртышами.

Кармин понимал, что даже если его держали в пределе в качестве пленника, убивать перевёртышей этого предела – значит стать врагом Рашингавы. А он слишком могущественен здесь, на этой планете, и очень силён в бою. Рашингава был среди прочих принцев империи Бесцейна, сражавшихся с Кармином и его братьями, и он... чудовищно силён.

Итак, выбор сделан: пробиваться в предел сейчас. В конце концов, ему нужна только Леммай, а в поисках её он всё равно переполошит весь предел.

Перевёртыши даже не успели вылететь из предела и столпились в воротах, когда Кармин влетел в их гущу и сбил нескольких с ног. Он искренне понадеялся, что ничего никому не сломал и, отпихнув нескольких вояк, рванулся внутрь предела. Сперва его смутила технологичность всего, что он увидел. Выбираясь из предела недавно, он ни на что подобное не обращал внимания. Но теперь голова Кармина, собирая любую информацию для того, чтобы найти Леммай, запоминала всё до мельчайших подробностей: и светящиеся письмена на стенах, и разноцветные линии и необычные барельефы, созданные с таинственной целью, не похожей на следование только лишь задаче банального украшения. Но по счастью, предел Рашингавы остался хорош своей про-

ходимостью – все направления чётко очерчены, есть планы эвакуации на стенах и указания на всеобщем, куда и кому нельзя. Но Кармин всё равно провёл там слишком много времени – и наткнулся на внезапно закрывающиеся перед самым его носом двери, и метался без толку в поисках Леммай в доступных помещениях, а всё же не увидел ни одной похожей на неё герарды.

И прежде, чем он отчаялся, перед Кармином появился легко, но богато одетый варлорд, представившийся как регент принца Рашингавы на Пенрине, герцог Нинио.

– Я не хочу убивать тебя, – самоуверенно сообщил герцог. – Скажи, зачем ты здесь?

Кармин понятия не имел, сможет ли этот герцог Нинио оказаться полезен, но что-то в нём понравилось почти с первого взгляда. Герцог Нинио хорош собой даже слишком, его волосы вызвали в памяти серый пепел, лицо немного напомнило Леммай, и Кармин подумал, что родство Леммай с герцогом почти бросается в глаза.

– Я ищу Леммай Аффор. Вы знаете её?

– Нет. Кто она?

– Герарда, которую держали в моей камере в вашем пределе.

– В вашей камере? – нахмурился герцог Нинио.

– Здесь нет ошибки. Около года я жил именно в этом пределе взаперти.

– Я ничего не знаю об этом, и мне жаль, но я не думаю, что

у меня получится помочь вам в два счёта. Завтра на закате я найду вас и сообщу всё, что узнаю об этом деле. Или попробую предоставить вам Леммай Аффор. А сейчас соблаговолите покинуть предел. Я провожу вас для того, чтобы на вас никто не вздумал напасть. Вы, надеюсь, согласны с тем, что никому не нужны лишние жертвы?

На закате следующего дня Кармин прибыл к пределу Рашингавы, чтобы у герцога Нинио не было повода показывать своё могущество и шокировать своим появлением возле Кармина где-нибудь в глухом лесу.

Герцог Нинио ждал его на ближайшем к пределу холме, словно заранее знал, что в голове и на сердце Кармина.

– К сожалению, я могу вам сказать, что Леммай Аффор... не существует. Но я верю вам. Я выяснил, как вы попали в заключение и кто виновен в этом. Моя сестра, герцогиня Дайиси, воспользовалась вашим побегом из адаптационного лагеря и подослала к вам отравителей, чтобы схватить. Вероятнее всего, она лишь изучала вас, но я пойму, если вы предъявите ей обвинение в похищении.

– Если герцогиня Дайиси отдаст мне Леммай и оставит в покое, то я не стану обвинять её.

– Но Леммай не существует.

– Существует, – упрямо гнул свою линию Кармин. – И кто-то из умников герцогини знает, где она находится или, предположим, знает её настоящее имя.

– Если так, то я выясню это имя.

– Я буду ждать. Завтра я вернусь на это место в то же время. И послезавтра. До тех пор, пока не получу Леммай.

Герцог Нинио кивнул ему и улетел в предел. Невероятное дело – за всё время пребывания в империи Бесцейна, Кармин был уверен только в одном парне – в том, с которым только что разговаривал. Будто бы только он не способен был солгать или просто забыть о Кармине.

Но ведь существовали другие парни, которые, вероятно, ещё помнят о нём – его братья. И если они всё ещё находятся в адаптационном лагере для бывших военнопленных – он их найдёт. А если это не так, то, возможно, они предоставят ему безопасное место для ночлега.

Кармин даже не представлял, где находится адаптационный лагерь. Он помнил, как выбирался из него, стараясь оторваться от преследования любыми способами. Но даже не знал, в каком направлении летел прочь.

У него было не так уж много времени до следующего заката, чтобы рыскать по всей планете.

И он спросил на улице города, где находится штаб допешников. Кармин слышал о них ещё в адаптационном лагере. Группа так называемых допешников следила за тем, как соблюдается закон в империи. Хотя, знакомым с системами подобных организаций в нескольких империях, Кармину и его братьям допешники показались скорее охотниками на преступников, чем кем-то ещё. А Кармин мог числиться преступником, потому что сбежал из адаптационного

лагеря. И пусть он постарался никого не изувечить, но сам факт побега в этой империи мог оказаться преступлением. Истинного положения дел Кармин в точности не знал.

Но сомнительно, чтобы в их штабе работали принцы империи, а кроме них только отравители Дайиси смогли бы схватить алмазного варлорда, коим был Кармин. А если так, то доспешники не так уж опасны.

Доспешники, легко узнаваемые по чёрной униформе с бронёй, шипами и лентами, окружили его прежде, чем он достиг их штаба. Несколько явных перевёртышей предложили спуститься ему вниз на улицу. Внизу его ждали двое крылатых в такой же униформе.

– Над Ньюном запрещено летать, – сообщили они ему. – Вам стоит пользоваться транспортом или ходить пешком.

– Скажите мне, как добраться до адаптационного лагеря. Доспешники переглянулись и пригласили его последовать в штаб.

– Я – преступник?

– Вам нужно встретиться с нашим командиром.

– Если только он скажет мне, как добраться до адаптационного лагеря.

– Возможно, он обеспечит вам сопровождение до интересующего вас места.

– Мило.

– Следуйте за нами.

Совсем скоро Кармин сидел в крошечной комнате, чет-

верть которой занимал стол, а ещё одну четверть – ящики с мириадами бумаг и странное техническое устройство из металла и разноцветных крупинок неизвестного происхождения. Благодаря периоду, проведённому в адаптационном лагере, Кармин знал, что это транслятор – штука, которая воссоздаёт реальность из крупинок. Он слышал, что кто-то "лепит" образ по подобию реальности и передаёт в трансляторы, но не знал, как делаются эти слепки. Понял только зачем: благодаря трансляторам он и его братья в адаптационном лагере познакомились со всей империей Бесцейна, увидели императора Эрика и ясновидящего Сапфира, прочли их обращение к побеждённым. И, возможно, если бы Кармин не сбежал, то узнал бы куда больше. И не попал бы к умникам Дайиси. Но он должен был.

В комнату вошла высокая девушка. Кармину она показалась деревянной, нервной и чуточку злой, но усевшись за стол, она успокоилась, улыбнулась и расслабилась.

– Я командир доспешников в Ньюне, – произнесла она неожиданно хриплым, но тёплым и мелодичным, грудным голосом. – Моё имя – Кристиан Санктуарий, я ношу титул герцога Рэйли.

– Герцога?

– Я – мужчина, если вы об этом.

– Прошу прощения.

Кармин ещё раз оглядел сидящую перед ним девушку. Но лучше от этого не стало. Он и сам носил длинные волосы, но

раньше не видел, чтобы оттенок волос какого-либо мужчины оказался настолько нежного розового оттенка. Не видел и таких огромных чистых глаз в сочетании с аккуратным точёным носиком и свежими розовыми губами, нежности которых позавидовали бы лепестки цветов. Впрочем, приглядевшись, Кармин опознал вполне мужскую фигуру, разве только герцог перед ним казался слишком худым и картинно изящным.

– Почему вас до сих пор не похитили? – поинтересовался Кармин.

– Понятия не имею, – со смехом отозвался командир дошпешников. – Думают, что это не так-то просто? Но скорее бы уже похитили, честное слово. Желательно леди, конечно.

– Что ж... Я не хочу отнимать у вас много времени, потому сразу о цели визита: я хочу узнать, являюсь ли я преступником в соответствии с законами вашей империи и планирую встретиться со своими братьями – сыновьями Деказруа Шестого. Они всё ещё в адаптационном лагере?

– Вы, я так понимаю, Кармин Тахри? Царь Кенны и Нангатори, наследник великого царя Деказруа Шестого?

– Я был им. Полагаю, планеты, пожалованные мне отцом, более не принадлежат мне.

– Примерно так. Ясновидящий объявил о множестве смертей среди братьев Деказруа Шестого. Выживший занял трон империи Деказруа.

– И кто же это?

– Дамуан. Ваши земли принадлежат теперь одному из его сыновей. Но ваши братья говорят, что Дамуан – фальшивка. Вы можете объяснить, что это значит?

– Он не чистокровный алмазный варлорд. Но он превосходный воин, как и все члены моей семьи, и будет защищать то, что считает своим.

– Ясно. Я передам ваши слова императору.

– Это странно.

– Что именно?

– Вы не смогли расспросить моих братьев? Почему? Где они? Они отправились к Дамуану?

– Некоторые из них – да. Большинство ещё не приняло официального решения о своей дальнейшей судьбе и сейчас ещё находится в адаптационном лагере, куда вас сопровождают. И, поскольку желание вернуть свои земли ещё зреет в головах некоторых из них, как вы понимаете, ваши братья очень скупы на информацию о бывшей империи вашего отца. А теперь скажите, где вы были целый год?

– Умники герцогини Дайиси отравили меня и удерживали в пределе Рашингавы.

– Совсем рядом!.. – с несчастным видом простонал командир доспешников.

– Верно.

– Так вы не сами покинули адаптационный лагерь?

– Сам. Решение было полностью моим и никто не помогал мне. Потому я и хочу узнать, преступник ли я.

– До тех пор, пока вы не присягнули на верность Бесцейну вы – не преступник. Но вы считаетесь опасным для империи. И станете врагом, если кто-либо умрёт по вашей вине. Потому я хочу узнать, каковы ваши дальнейшие планы. Собираетесь ли вы уговорить братьев улететь с вами или нет.

– Я думал, что они помогут мне принять решение.

– Что касается герцогини Дайиси... – начал было Кристиан Рэйли, но Кармин прервал его:

– Я встретился с её братом, герцогом Нинио, и он произвёл на меня впечатление мужчины, способного решить наши разногласия. По поводу этих разногласий я должен быть на закате следующего дня возле предела Рашингавы. Потому не думайте, что я останусь в адаптационном лагере надолго.

– Я должен напомнить, что в адаптационном лагере созданы наилучшие условия для вашего пребывания, тогда как вовне небезопасно. Вас снова могут похитить, но на этот раз это будут перевёртыши другого предела. И герцог Нинио ничего не сможет сделать в этом случае.

– У меня есть то, ради чего я хочу рискнуть.

– Что же это?

– В мою камеру попала герарда предела Рашингавы. Я хочу узнать о судьбе этой девушки. Я уверен, что с ней всё в порядке, но я должен удостовериться.

– Это благородная цель. Надеюсь, вас ждёт успех. Сообщите мне, если вас постигнет неудача. Это важно.

Как и обещал нежной наружности командир доспешни-

ков, Кармина проводили до самого адаптационного лагеря, расположившегося в широком поле в отдалении от городов и деревень, и даже предупредили охрану о том, что Кармин должен выйти из лагеря меньше, чем через сутки.

Адаптационный лагерь представлял собой поле с выстроенными рядами тёплых, просторных и красивых домов-убежищ, в которых содержалась мужская часть проигравших в битве потомков Деказруа Шестого, включая его потомство до восьмого колена. Похоже, сёстры и племянницы содержались где-то ещё, но под более строгим, неусыпным присмотром. Всё же алмазные варледи на такой планете – это не только сверхценность, но и действенный рычаг для любых политических манипуляций.

Кармин скоро нашёл братьев. Они совершенно несерьёзно пили какие-то пьянящие жидкости и драли глотки, распевая песни на чужом языке, может быть даже немного похожем на один из местных.

Остаток ночи Кармин провёл в центре лагеря под большим навесом, сидя за длинным столом и болтая с младшим братом Тэем. Самый доброжелательный и безобидный из всех, Тэй из года в год рисковал прослыть восторженным идиотом, но именно этот брат Кармина был так хорош в науках, что вызывал уважение не у него одного.

Утром, когда проснулись и пришли под навес Девайин и Крон, Кармин принялся расспрашивать их о том, что они делали целый год.

– Кармин, дружок, – лениво протянул Девайин, – ты, как всегда, немилосердно торопишь события. Посланные домой ещё не вернулись. У нас просто нет информации кроме той, которой нас здесь кормят. Их ясновидящий утверждает, что дядюшка Дамуан отравил большую часть претендентов на трон и... нет, ты только представь?! Дядюшка Дамуан!.. Это же смешно.

Крон усмехнулся и покачал головой, после чего тихо сказал:

– Это такой бред, что поверить сложно. Но без знания истины нет смысла строить планы.

– Кто полетел домой? Дайтус-Лил, Камилл и Хорген?

– Ага, – отозвался Девайин, самый старший из братьев здесь, в адаптационном лагере, – им тоже не терпелось, как и тебе.

– Если бы ты немного подождал, то мог бы полететь с ними, – Крон бросил на Кармина суровый взгляд из-под густых бровей.

– Да, я не подождал. Вы все были слишком изранены. Но Крон... почему остался ты? В чём дело? Или твои раны оказались страшнее, чем выглядели?

– Нет, я оправился скоро. Мы все оправились скоро. Всё дело... в женщинах, которых нам дали.

– Женщинах? Вам дали женщин в награду за хорошее поведение? И это всё?

– Нам дали их, чтобы мы остались и подумали над прися-

гой Бесцейну. И это не просто женщины, Кармин. Нам прислали эскортесс. Что это такое? Это красивейшие женщины. И они сами бросаются к тебе и умоляют позволить ласкать тебя. Да, они глупы и жестоки, но словно созданы для того, чтобы мужчины наслаждались их телами. Хочешь, я отведу тебя к ним?

– Я... не хочу отвлекаться от своей цели, – помедлив, покачал головой Кармин.

На деле он ощутил серьёзную неуверенность. Если уж такая неяркой внешности герарда, как Леммай, почти мгновенно свела его с ума, то эти прославленные эскортесс сделают из него безмозглого раба.

– Правильно, – кивнул Девайин. – Всего однажды проведя время с эскортесс, ты уже не сможешь забыть об этом, захочешь снова и снова... они слишком хороши.

– По правде говоря, – после недолгого молчания внезапно заговорил Крон. – Камилл понадеялся, что соблазнит кого-нибудь рассказами об эскортесс и сюда удастся привести армию больших размеров.

– Если это и произойдёт, то не раньше следующего тысячелетия, – невесело усмехнулся Кармин. – Что бы там ни произошло, но если дядюшки травили друг друга, то и наших кузенов тоже. А это значит, что армия потеряла большую часть самых сильных бойцов. Никто всерьёз не полетит за Камиллом, будучи уверенным, что прикрытия чистокровных алмазных варлордов практически не будет.

– Я тоже так сказал, – медленно проговорил Девайин. – Но даже если мы останемся, эскортесс постепенно уйдут из наших рук. Время с ними стоит слишком дорого. Они – внучки местных принцев.

Не успел Кармин ответить, как вошли братья Сол, Дайдрус и Тамиджи. А за ними и почти все остальные. От серовато-белых, но при этом очень ярких похожих лиц в полутьме под навесом зарябило бы в глазах, но мозг Кармина словно настроился на контраст теней и тех слепящих бликов, которые отбрасывали глаза, волосы и сияющие улыбки братьев.

– Я чуть не упустил, что ты вернулся. Мне показалось, что я перепил, и ты мне привиделся, – быстро сказал Дайдрус, внимательно разглядывая Кармина своими красивыми, широко расставленными глазами, заметно различающимися по оттенку. Как всегда в своей манере, Дайдрус откинул голову, рассматривая его.

– Ты действительно был в плену целый год? – спросил Сол, усаживаясь рядом.

– Да.

– Как им удалось?

– Они постоянно распыляли усыпляющий газ и яд, от которого сознание мутнело.

– И как ты сбежал?

– Отчасти благодаря тому, что повезло. И из-за их прочётов, конечно. Вы тоже считаете, что нужно дождаться ве-

стей из дома?

– Я – нет, – объявил Дайдрус.

– А я подожду, – пожал плечами Сол. – Вариантов всё равно не так много.

– Дайдрус выглядит так, будто у него уже есть готовый план свержения местного императора, – насмешливо сказал Девайин, переменяв позу.

– Ну что ты, нет, конечно, – в тон брату ответил Дайдрус, хотя взгляд его показался Кармину загадочным, когда он пояснил: – Мы с Тамиджи собираемся присягнуть Бесцейну. Нам предложили неплохие условия, благодаря которым мы сможем возвыситься.

– Единым кланом?

– Нет. Каждый сам за себя, – быстро заговорил Тамиджи. – Представь себе: у них здесь нет ни одного алмазного варлорда. Принц Рашингава самый ценный из всех, но скоро, говорят, он станет отдавать дочерей... буквально, э-э... кому попало, представляешь! Иначе говоря, они будут выходить замуж за тех, кого сами выберут. Так что есть шанс соблазнить какую-нибудь варледи Рашингавы и основать собственную династию. Знаешь, сколько будут стоить наши дочери? Можно будет разбогатеть и покупать эскортесс столько, сколько захочется!..

– Это только в том случае, если дочь Рашингавы позволит, – возразил Сол. – Женившись по любви, ты, возможно, обяжешь себя хранить верность. Быть может, здесь в цене

как верность женщинам, так и доносы.

– Не обязательно держать возле себя варледи целую вечность. После того, как её дочери начнут приносить мне деньги, она сама уже и не будет нужна, – парировал Тамиджи.

– Но ты не сможешь увеличить своё достояние... – продолжал разубеждать Сол.

– Я буду достаточно богат, чтобы купить себе жену, которой не нужна будет моя верность, – стоял на своём Тамиджи.

Дайдрус молчал, глядя на Тамиджи, и его глаза поблескивали с теплотой и юмором, но от него самого почему-то повеяло холодом. Кармин знал, что это очень плохой признак, но мгновенно потерялся в догадках.

– Уже не будет женщин лучше, чем дочери Рашингавы, которые, кстати, за тебя больше не пойдут, – всё спорил Сол.

– Я куплю герцогиню Дайиси!.. – запальчиво воскликнул Тамиджи.

Кармина передёрнуло. Братья, расхохотавшиеся над самоуверенностью Тамиджи, это заметили, но решили, что такая реакция Кармина на звучание ненавистного имени вполне естественна.

– Она не продаётся. К тому же она – тоже дочь Рашингавы, – возразил Дайдрус.

Братья спорили между собой так, будто до сих пор не обменивались мыслями. Но возможно так и было. Сонное, полупьяное состояние обласканных таинственными красавицами варлордов... так же убивает время и притупляет разум,

как и наркотический сон.

– Что? – не поверил ушам Тамиджи.

– Да. Но это так же значит, что она свободна и её можно соблазнить, – подмигнул братьям Девайин.

– Это не так-то просто, – всё не сдавался Сол. – До того, как Рашингава стал хозяином первой колонии, в его пределе было правило: он не продавал восемь сильнейших серен предела. А самой сильной из них давал титул. И насколько, ты представь, сильна Дайиси, раз она забрала себе титул герцогини – титул, равный титулам сильнейших его наследников! По рейтингу смертоносности она считается равной пятым наследникам других пределов. Слышал, она единственная тренируется с мужчинами. И ни разу не была в контракте как серена. Думаешь, её бы уже не соблазнили, если бы это было возможно?

– Да уж, – вздохнул Девайин, – наверняка у неё есть парочка любимых наложников, удовлетворяющих её настолько, что другие мужчины ей не слишком интересны.

Тамиджи смотрел исподлобья, и по выражению его лица стало ясно, что брат элементарно сбит с толку. Недоступность какой-либо женщины прежде была для него и нескольких его братьев чем-то вроде мифа. Каждый слышал, каждый восхвалял и превозносил, но чтобы вот так действительно встретить?..

Но тут вдруг и молодой Дайдрус, которого прежде, казалось, не интересовали ни плотские удовольствия, ни возмож-

ность занять собственную семью, залюбопытствовал:

– Может ли быть, что она хороша собой?

– Есть слепки с ней? – спросил Кармин у братьев, стараясь скрыть внезапную нервозность.

Лучше знать заранее и наверняка, понравится ли Сарма Э Дайиси его братьям или нет.

– Есть знак её герцогства, – отозвался Крон. – Давайте посмотрим, в конце концов, мне тоже любопытно посмотреть на Дайиси.

– Почему, кстати, мы ещё не видели её? – негромко сказал Тамиджи.

– Потому что не в интересах принцев, чтобы Дайиси соблазнилась на одного из нас, – ответил Дайдрус. – А она могла бы соблазниться. В конце концов, здесь до нас не было ни одного алмазного варлорда.

Начались поиски слепков с лицом герцогини. Но, едва увидев значки Дайиси на группе герард и серен, Кармин вскочил с места, потому что среди прочих женщин увидел и Леммай. Она шла в одежде с символом Дайиси на плече, почти ничем не отличаясь от своих спутниц.

– Кто-нибудь знает, как зовут эту герарду? – спросил он у братьев, подойдя к транслятору и показав на Леммай.

– Я даже не знаю, которая из них Дайиси, – поморщился Крон.

– Они все слишком бесцветны, – протянул Девайин, – и пусть они хорошенькие, самой герцогини среди них явно же

нет. Давайте следующий слепок.

Но Кармин получил всё, что хотел, узнал всё, что нужно, и оживился настолько, что уже не мог усидеть на месте. Попрощался с братьями и устремился к выходу из лагеря.

Но Тамиджи догнал его:

– Ты знаешь, как обстоят дела у девчонок?

Тамиджи – один из младших братьев. Но он не так уж молод. И потому кажутся удивительными и жалкими его высоко поднятые брови, неуверенный и в то же время просящий взгляд, полуоткрытый рот и застывшее в ожидании желанного ответа тело.

– Не знаю, – постарался отвязаться Кармин. – Я не был в женском лагере. Я даже не знаю, где он.

– Дайдрус говорит, что нам нужно будет отстоять девочек, если хотим остаться, – пошёл на опасную откровенность Тамиджи. Кармин тут же решил, что его хотят втянуть в скрытую борьбу, но слушал, не прерывая: – Как думаешь, у нас есть шансы?

И всё же Кармин понял, что широко раскрыл глаза, услышав о части планов Дайдруса. И усмехнулся своему открытию: он даже не осознавал, что шурился до сих пор. Будто так отвык от сияния братьев, что его глаза теперь с трудом воспринимают их внешность.

– Тамиджи, – после глубокого вдоха начал Кармин, – чтобы ты заговорил о таком со мной, нужна была особая причина. Скажи мне, какая она.

– Я верю, что Дайдрус может многого добиться, оставшись в империи Бесцейна. Но не думаю, что сражаться с другими братьями за герард... вообще имеет смысл. Это смертельно опасно. Более того, братья захотят сплотиться против нас. Но Кэрайн и Майтени... я очень люблю их. Я не хочу, чтобы братья забрали их себе.

– Тамиджи, я очень сочувствую, но если ты заботаешься о сёстрах, то верного решения нет. Ты думаешь остаться здесь и основать свою династию. Но понравится ли девочкам здесь? Не будет ли для них оскорблением выйти замуж за одного из местных мужчин? А дома, боюсь, они уплывут из твоих рук.

– Они – женщины, Кармин. Даже если за каких-нибудь мужчин им и оскорбительно выходить замуж, они это сделают, потому что я так хочу.

– Они могут узнать, что здесь другие порядки.

– Но это не так! Серены здесь точно также продаются и покупаются каждые пять лет.

– Тогда парни здешнего императора уже наверняка пообещали нашим девочкам кого угодно в обмен на защиту от посягательств на брачные обязательства.

– Ты мог бы выяснить это?

– Сейчас ещё нет. Но как только представится возможность... я... учти, я люблю вас всех одинаково, Тамиджи. Тебя настолько же, насколько и твоих братьев. Так что если я что-то узнаю, то сообщу сразу всем.

– Сволочь, – сразу вспыхнул яростью и разочаровался Тамиджи.

– Перестань, – попросил Кармин. – Все братья уже подумали о том, чтобы забрать сестёр. Просто при тебе вслух этого никто, кроме Дайдруса, не говорил. Честно говоря, я удивлён тому, что Дайдрус разоткровенничался. Скорее это его ловушка, чем предложение тебе союза.

И, не смотря на добродушное предупреждение, Тамиджи бросил злой взгляд и отправился обратно к братьям.

Похоже на то, что Дайдрус начал думать головой в новых направлениях. Прежде он особенно хорош был в подавлении восстаний – ему это нравилось. Но теперь, в новых условиях... его таланты к плетению нитей судеб могут оказаться опасны для всех вокруг. А Девайин как прежде считает, что всё под контролем. И пусть так думает и дальше. Если Дайдрус перерос его ещё в чём-нибудь, то старшему брату стоит понять это самостоятельно, на собственном опыте.

Кармин полетел к пределу Рашингавы, свободно выпущенный из лагеря. Да, летать над столицей запрещено, но никто здесь не ограничивает полёты над всей остальной землёй Бесцейна.

Да, верно, здесь все чистокровные алмазные варледи будут стоять чудовищных денег. Возможно, здесь никто и не сможет платить столько за брачный контракт с такими женщинами, и Эрик Бесцейн просто не знает, что с ними делать. Это наверняка так. Иначе бы Кармин даже в своей камере

услышал бы шум свары из-за алмазных варледи.

А если бы местный властитель понизил цену на алмазных леди, то даже стоимость контракта с Леммай упала бы следом. Упала бы до нищенской цены. И Леммай продали бы какому-нибудь грубому и жестокому идиоту. Впрочем, семья и подруги Леммай могут завести её и в такую историю. Ради искупления ещё чего-нибудь.

Он так и не расспросил её о том, что она могла сделать против законов Рашингавы, чтобы потребовалось искупление. Он забыл обо всём.

Надо как можно скорее забрать её из предела Рашингавы.

Кармин дождался заката и появления герцога Нинио.

– Я точно видел на слепках Леммай. Она была в свите герцогини Дайиси! – выпалил Кармин, не успел герцог Нинио и рта раскрыть.

– В таком случае... следуйте за мной, – спокойно сказал Нинио и полетел к пределу.

Перед герцогом открывались резные золотистые деревянные и узорные металлические двери в покои леди: одна, другая, четвёртая, шестнадцатая.

Как вдруг Кармин вскрикнул от неожиданной радости – навстречу ему поднялась сама Леммай! Увидев его, она слегка улыбнулась и тут же сделала знак молчать им с герцогом Нинио. Последний вздыхал и качал головой, не сводя глаз с Леммай.

– Разбирайся сама! – шепнул Нинио Леммай и исчез.

– Жди меня ночью в самой густой траве возле предела, – тихо сказала Леммай Кармину. – Я приду.

– Скажи своё настоящее имя!

– Ещё рано его говорить. Улетай!

Кармин лежал в траве так долго, что небо успело расчиститься, а сердце – заволноваться от вида звёзд и луны. Или оно заволновалось от скорой встречи с Леммай... среди благоухающих стеблей высокой, густой травы? Кармину казалось, что Леммай будет ласкова и рада встрече с ним точно так же, как и он, и разрешит насладиться моментом так, как потребуют того их тела.

Но Леммай долго не появлялась, и Кармин начал наполняться злостью от глупого впечатления, что его обманули. Что, если Леммай боится его и решила не приходить, а назначила свидание только затем, чтобы скорее спровадить неудобного гостя?

Но что-то изнутри дёрнуло Кармина – он ощутил приближающуюся женщину. Она опустилась в траву и побежала прямо к нему. Через несколько биений сердца, заколотившего тяжело и глухо, зелёные стебли стремительно раздвинули руки Леммай, и герарда опустилась на колени перед Кармином. Она улыбалась.

– Кармин! – восторженно, но тихо засмеялась она. – Я так рада, что ты не улетел! Так рада видеть тебя! Я должна сказать тебе... я беременна!

– Леммай!.. – задохнулся Кармин. – Славься Антадь! Я

не ожидал. Никак не ожидал такого!.. Ты слишком молода – мне так казалось.

– Кармин... скажи, ты защитишь меня? Я понятия не имела, что буду делать, если ты улетишь с планеты!..

– Я бы не покинул планету. Я помнил о тебе и хотел дать тебе свободу, такую же свободу, как моя. И я точно не улечу теперь. Твой ребёнок принадлежит мне. И ты принадлежишь мне.

Леммай рассмеялась, обвила его шею руками и поцеловала в висок.

Кармин посылал Сарме записки и раз за разом выманивал из предела.

Сарма не переставала удивляться ему и радостно, но не без смущения, хихикать над его письмами к ней, своей возлюбленной Леммай. У этого изнеженного сына алмазного царя были какие-то своеобразные представления о собственном достоинстве, но это вовсе не запретило ему пойти к допешникам и наняться к ним тренером и патрульным допешником. Он писал, что хочет непременно заработать денег для того, чтобы купить дом.

Сарма думала о Кармине свечи напролёт, не могла сдержаться и шла на свидание, чтобы объяснить, что даже на двойную оплату за три лунных периода на дом не накопить. Кармин слишком мало знал о том, как живут в империи. И, похоже, он слишком мало советовался с другими dospesh-

никами. Но ах, как же шла ему форма доспешника!.. Этот чёрный цвет защитных доспехов и скрывал бледность Кармина и, что удивительно подчёркивал яркость и красоту его внешности. Нацелившиеся в небо изогнутые шипы на плечах, такие настораживающие в столице, на Кармине выглядели умопомрачительно. А две длинные широкие ленты поверх плаща, так яростно треплемые ветром, словно возвращали взгляд Сармы к телу Кармина каждый раз, когда она пыталась отвернуться и не смотреть на него.

И в следующей записке он писал, что согласен снимать для неё комнату в казарме, пока не наберётся на дом. Сарме пришлось идти на новое свидание, чтобы объяснить, что в казарме она жить и растить ребёнка не станет, потому что её нельзя будет покинуть – едва она покажется на свежем воздухе с малышом, как его сцапают, а она не сможет его защитить.

"Я нашёл тайное место для нас", – написал он в следующем письме.

Но не рассказывал, что это за тайное место. При встрече лишь без конца спрашивал, как она себя чувствует, согревал горячими руками её живот и целовал прохладные щёки Сармы.

У неё кружилась голова от удовольствия и волшебства момента, воздух поверхности впервые стал настолько сладок, что казался райским, ночь – загадочна и непостижима, а сердце теперь билось в новом ритме.

Нет, идти на каждое последующее свидание у неё причин не было. И она, до сих пор такая прагматичная и волевая женщина, не знала, как оправдать себя. Но потом причина появлялась. Сарма шла для того, чтобы смотреть на Кармина, слушать его нежный шёпот, чувствовать на своём теле крепость его рук, нежиться в его объятиях, чтобы снова наслаждаться сладостью ветра и непознаваемой сутью прелести ночи. В качестве самого значимого оправдания себе она подумала, что быть с таким как он – слишком ценно, чтобы упускать даже шанс встретиться.

Да, она влюбилась. Давно и крепко.

Хотя лучше бы влюбилась в какого-нибудь уличного оборванца, а не сына алмазного царя. Обоим в таких условиях нечего терять, но именно варлорда у неё захотят отобрать. Именно варлорда у неё могут похитить точно так же, как похитила его она сама. Она говорила ему, чтобы был осторожен. Он смеялся, и его глаза сверкали, будто бы она сказала ему что-то лестное.

День рождения яйца Сарма запомнила слишком хорошо. Чем ближе подходил этот день, тем страшнее ей становилось, и тем ненадёжнее казались охрана покоев, герарды и даже крепость стен подземного предела отца. Сын единственной герцогини в империи и алмазного варлорда должен стать одним из сильнейших в империи воинов. Если о возможности его появления знает хоть одна живая душа, то малыш уже в опасности. Вернее, в опасности принадлежность малыша

Сарме. Такого ребёнка будут холить и лелеять, но спрячут надёжно, как от матери, так и от родного отца.

Сарме ужасно хотелось провести Кармина в свои покои и оставить охранять яйцо, когда оно появится. Но тогда он, вероятно, поймёт то, кто она. Кармин не прост, он способен зачитать истинные мысли, чтобы однажды просто забрать своё дитя и быстро исчезнуть. Он будет растить его диким и полуголодным, но присвоит. Алмазные варледи слишком редки, как говорят, во всех вселенных. И потому самая лучшая мать для ребёнка алмазного варлорда здесь – это она, Сарма Э Рашингава, герцогиня Дайиси.

О том, чтобы сбежать с Кармином в глушь, притворившись обычной герардой, и речи нет. Её слишком хорошо знают в империи. А у Кармина очень и очень яркая внешность. Его обязательно запомнят, о нём обязательно расскажут всем, кто захочет слушать. Даже в колониях с ним потеряться не удастся. Нет, его обязательно выследят, найдут, и так обнаружат малыша.

Остаётся только одно – быть внимательной и закрыться ото всех.

В день рождения яйца Сарма серьёзно мучилась, но после всей той боли, которую она познала на тренировках в классическом пределе, роды показались ей не более чем просто утомительными. Пережив это, она больше не боялась, что слишком устанет, крепко уснёт и так потеряет малыша навсегда. Она словно перешла в новое состояние полудрёмы и посто-

янной слежки за всем происходящим за стенами. Удивительно, как она смогла провести в таком почти неподвижном состоянии все эти периоды... но однажды яйцо просто треснуло под светло-серыми локоточками крошечного, но уже такого сильного живого существа. Этот сильный ребёнок почти сразу же разметал всю скорлупу и взлетел в воздух, раскинув руки и ноги, распрямившись и тонко запищав.

Это девочка. Она была похожа на худенькое сказочное создание с большой головой и мутными глазёнками. Сарма чувствовала: дочке нравится быть свободной. Ей слышался смех в этом звуке, который издавала малышка.

Едва наступала ночь, и если начало её было безлунным, Кармин мчался к пределу Рашингавы. Теперь он уже без опаски мог стать во весь рост на самом видном месте на холме и смотреть в сторону предела. Повелитель этой империи, Эрик Бесцейн, просил командира доспешников благодарить Кармина за то, что он тренирует обеспечивающих порядок смельчаков. Имя Кармина теперь было на слуху, его лицо появилось на открытках, его благодарили видные и знатные подданные местного повелителя.

Но Кармин хотел только свою Леммай.

Она предупредила его, что очень боится за сохранность яйца и даже на четверть свечи не покинет его, пока малыш не появится на свет. И выйдет с ребёнком только в начале ночи, если она будет безлунной и безветренной. Много дней

Кармин ждал, чтобы увидеть, как Леммай, всё время оглядываясь, бежит от предела. Та высокая трава, в которой они встречались когда-то, и теперь, словно пронзённая чёрными нитями Хенера, а местами ярко золочёная, светившаяся во тьме, должна была скрыть Леммай от чужих глаз.

В эту ночь всё так красиво, начиная от видов и заканчивая звуками и ощущениями: ветер совсем ослаб, половину неба украшают звёзды, а из светлой тучи, что медленно надувается с севера, падает редкий, но крупный, пушистый снег. Оголённая земля совсем замёрзла и звенит под ногами, а трава приятно похрустывает, ломаясь, или наоборот, сопротивляясь изо всех сил.

Но самым притягательным для глаз и волнующим сердце был вид женщины, что торопится на свидание. Это Леммай, и она бежит к нему.

Кармин съехал, заскользив по нестаявшему льду на склоне холма и, едва отталкиваясь ногами от земли, полетел к высокой траве. Отводя руками высокие стебли от лица, он двигался, ощущая Леммай впереди. Чувства говорили ему, что у неё на руках, у груди, маленькое живое существо, совсем лёгкое, почти эфемерное.

Наконец его рука ощутила тепло. Пальцы скользнули по траве, за которой – горячая ладонь Леммай. Миг, и Кармин бросился на колени, обхватив ноги возлюбленной.

– Прежде всех слов и взглядов позволь сказать тебе, с каким нетерпением я ждал встречи с тобой, Леммай.

– А я ждала возможности ощутить тебя ближе, Кармин, – нежно ответила она и опустилась к нему на мёрзлую землю.

Её лицо не изменилось. Разве что стало милее. Немного отросли и будто бы стали гуще волосы. Вид Леммай и успокоил Кармина, и наполнил его сердце неожиданно ярким, горячим чувством.

– Хочешь ли ты увидеть продолжение себя? – с улыбкой спросила она.

– Покажи мне его, – решительно произнёс он.

Кармин не был готов созерцать лицо своего ребёнка. Не сейчас, когда хочется положить Леммай на землю и ласкать до бесконечности. Но необходимо дать имя своему сыну. Не важно, как сложатся судьбы, смерть ли наступит завтра же – надо делать всё только так, чтобы оставить о себе достойную память. И сделать так, чтобы было что вспоминать, если придётся расстаться сегодня же и навсегда.

– Это она, Кармин. Она. Девочка.

– Ах, милая, это всё меняет, – сразу как-то успокоился Кармин.

– Ничего это не меняет, – тут же возразила Леммай, блеснув на него мягким, но серьёзным взглядом. – Она будет свободной от твоих обязательств. Не смей эту крошку обещать хоть одной живой душе. Ты только посмотри, какая она милая...

Леммай распахнула полы одежд, и, приглядевшись, Кармин уловил сияние. Это кожа его малышки изо всех сил

отражала редчайшие, слабые частицы света. Девочка спала. Снежинка медленно падала на её лицо. Леммай успела отмахнуться от холодной белой пушинки, но Кармин сжал руку возлюбленной, и следующая снежинка плавно полетела к лицу ребёнка. Кружевная льдинка попала прямо на кончик маленького носика, и малышка бессознательно подняла голову и открыла ротик. Она искала что-то, а не найдя, сперва подняла ручки, а затем и открыла глаза, очень медленно сокращая плёнку третьего века. Ничего не найдя и, видимо, сытая, она снова начала засыпать.

– Сколько дней назад она родилась во второй раз?

– Двенадцать дней... назад. Кармин, надо выбрать ей имя.

Это твоё право.

– Каруи.

– Нет! Только не это!..

– Но почему?

– Так зовут любовницу отца. Я её терпеть не могу. Она не плохая, но всё же...

– Ревность, понятно, но тогда Мелон?..

– Нет, так зовут взбалмошную эрцеллет герцога Грегоро из Накханского предела.

– Тогда... Кайлин?

– И такую женщину знаю. Не хочу. Кайлин? Нет, только не моя девочка.

– Твоя девочка? Как же ты молода, Леммай. Сама ещё девочка, – усмехнулся Кармин и покачал головой.

Во всех империях перевертышей, что он видел, только совсем молодые, необученные матери относились к детям так, как Леммай, вкладывая все надежды и все силы в своё дитя, любуясь им, совсем не отрывая взгляда. Будь Леммай старше и опытнее, она бы не обращала на пригревшегося ребёнка никакого внимания, согласилась бы с любым именем или даже попыталась бы всучить Кармину дочку и заставить исчезнуть его вместе со своим ребёнком.

– И ты не очень стар, так что не задирай нос, – дерзко ответила ему Леммай. – Нет, Кармин, может потому, что я молода, а может потому, что она моя первая дочь... вдруг единственная?.. Кармин, ты силен и крепок, тебя ждёт долгая, полная удовольствий и побед жизнь, а я... кто знает, как сложится моя жизнь дальше? Может быть, это маленькое существо – единственное, что у меня останется?.. Что если в первой же битве мне отсекут руки, кто тогда будет обо мне заботиться? Что если мне поможет именно моя девочка?

– Ты же не сирота, Леммай. Ты говоришь так, будто совсем-совсем одинока и моя крошка – это твоё спасение.

– Это так и есть. У моего отца слишком много дочерей.

– В таком случае я буду твоим спасением. Я же говорил, что заберу тебя. У меня ещё есть время, чтобы накопить на дом и добиться большего. Доспешники достаточно хорошо зарабатывают. Нам хватит этих денег. Пусть я не смогу обеспечить тебя как достойную серену, но мы будем вместе и свободны от предела Рашингавы и герцогини Дайиси. Я буду

счастлив предоставить тебе место, где ты хоть до бесконечности сможешь воображать, что моя девочка – только твоя.

– Как же ты глуп, Кармин!.. Ты должен был сказать, что отдашь дочку мне, если я соглашусь быть твоей.

– Пожалуй ты права, так звучит вполне неплохо, – стерпев оскорбление, медленно согласился Кармин.

– Так романтичнее. И легче согласиться, – улыбнулась ему Леммай.

Кармин наклонился к её лицу, чтобы ласково пощекотать её щёку и ощутить ресницы Леммай на своих губах.

Но неслышное движение ветра качнуло траву над головами. Снег ещё шёл, но стало светлее.

– Неужели скоро двенадцать? – вскинув лицо, прошептал Кармин.

Одна из лун скоро взойдёт и осветит землю.

– Нет, мы здесь совсем недолго, – тихо заверила его Леммай. – Это свет города отражается от снега и освещает тучи снизу.

– Это ничего?

– Надеюсь, – Леммай зябко повела плечами и коснулась ладонью его щеки, прежде чем выпалила: – Кармин, я боюсь, что твоего ребёнка отнимут у меня, едва им всё станет ясно. Поскорее забери меня. Никто меня не хватится, даже если вздумаешь похитить. Скажут: сбежала или пропала, и махнут рукой. Да и не жалко такую, как я.

Кармин смотрел на Леммай во все глаза.

– Ну вот, – смутилась и опечалилась она. – Я сама не ожидала, что скажу это. Но, кажется, я давно ничего так не хотела, как этого.

Он думал о том, что придётся отвоёвывать её, платить чудовищные деньги за контракт с ней, выдумывать сложные и долговременные интриги и мысленно готовился к этому долгое время. Но она говорит, что её никто не хватится. Зачем ей лгать о таком? Незачем. Может быть, Леммай в свою очередь что-то задумала? Никак не проверить слова Леммай, кроме как переговорив с тем парнем, Нинио. Но и он, как бы Кармин не доверял ему, может решить извлечь выгоду из контракта Леммай. А пока Кармин будет собирать деньги, Леммай и малышка могут подвергнуться опасности. Так проверить слова Леммай легче и безопаснее всего именно опытным путём. Если унести её прямо сейчас, спрятать и внимательно прислушиваться к тому, что будут говорить... так он и узнает, правду ли говорила Леммай.

– Я хочу назвать её в честь тебя, – вдруг сказала Леммай. – И моего брата Ю. А ещё в честь герцогини Дайиси, потому что это благодаря её усилиям я узнала тебя и стала матерью. Получится Эю Кармин. Правда же красиво звучит?

– Герцогиня Дайиси меня беспокоит, – нахмурился Кармин. – Чего же, интересно, она хотела от меня?

– Предел переполнен учёными, они изучают такие скучные вещи... то, как можно замедлить движение крови по жилам или ускорить, например, что происходит, если прекра-

тится регенерация маленького кусочка кожи... Получив тебя, они расширили свои возможности. Почему они снова не схватили тебя, я не представляю.

– Я почти сразу же показался на глаза командиру доспешников, герцогу Рэйли, и обо всём ему рассказал. Возможно, в пределах знают, что если я исчезну, то герцогиня станет первой подозреваемой.

– Странно, но я не слышала об этом ровно... ничего. Наверное, герцогиня попросту решила затаиться или вообще улетела к принцу Рашингаве на Циннию.

Кармин вздохнул. Он должен был сейчас спросить её, почему она ничего не знает о том, что делает Дайиси, если есть слепки с Леммай в свите герцогини. Но он не хотел слышать того, что Леммай может ответить.

Порыв ветра, сильнее прежнего, пригнул и закачал стебли над головой.

– Хочешь, я спрячу вас уже сейчас? – быстро спросил он.

– Я не уверена... – слабым и тихим голосом протянула Леммай, – ...что это стоит делать именно сейчас.

– Какие у тебя есть причины, чтобы остаться хотя бы на сутки? Для всего предела Рашингавы у твоего ребёнка нет отца. Ты стала обузой для подруг и семьи и бесполезной для чего угодно. Для отца ты стремительно теряешь цену. Решайся!

– Ты прав, но... У тебя же наверняка нет подходящего места...

– Ты слишком заботишься о моей малышке. Она сильная и прекрасно выживет хоть в мёрзлой скале.

– Да, если я буду согревать её там своим теплом.

– Вообще-то да... Но... я смогу снять домик, мне хватит на это денег.

– Подожди... я знаю одно место... И даже несколько... В землях герцогини есть дома... То есть это несколько маленьких, пустующих домиков в отдалении от всего. За ними никто не присматривает... И если только там не поселился кто-то вроде нас, то можно будет занять один из этих домиков или даже жить то в одном, то в другом.

– Тогда... летим сейчас? Летим сейчас! – в воодушевлении повторил Кармин. – Я возьму к себе Эю, а ты лети вперёд. Только не по прямой, я тебя умоляю.

– Ты думаешь, я совсем дуручка? – усмехнулась Леммай и сорвалась ввысь.

Кармин видел, как она на лету снимает куртку со значками Рашингавы, выворачивает её наизнанку и снова одевает, по пути увеличивая скорость. Её было легко удерживать взглядом, но чуть позже пришлось следить только за её массой. Она летела очень быстро, совершая невероятное количество лишних рывков в сторону, словно не металась, а радовалась своей обрётённой свободе. Свободе от ребёнка на руках. И Кармин уже во второй раз подумал, что Леммай ещё не вполне понимает свои чувства к дочери и скоро наверняка к ней остынет. Тем более, что впереди у Леммай и Эю ещё

как минимум четыре года непрерывного сосуществования. Рано или поздно Леммай остынет.

Долгий путь, во время которого Кармин несколько раз терял Леммай из виду и переживал из-за внезапно сердитого хныканья дочери, окончился возле распахнутой округлой двери маленького домика со стенами из грубого необтёсанного серого камня. Низкая деревянная крыша говорила о том, что дом не рассчитан либо на перевёртышей, либо на мужчин. Но Кармин оказался и тем, и тем, и ему пришлось нагнуться, а выпрямившись в главной комнате, он тут же ткнулся макушкой в потолок под хихиканье Леммай. И даже не в толстую потолочную балку тёмного дерева, а в доски потолка, от чего возлюбленная засмеялась ещё веселее.

Но Леммай здесь было удобно, пусть и для неё потолок оказался низковат. Она свободно обошла дом, осмотрела местность снаружи и заявила, что это великолепное место. Кармин посмеялся в свою очередь.

– Вспомнил дворцы и крепости своего отца? – спросила Леммай.

– Нет-нет, я не сравниваю. Это бесполезно, – замахал свободной рукой Кармин. – Я только не уверен, что ты правильно оцениваешь безопасность. Ты слишком молода.

Леммай пожала плечами:

– Но и ты до чудного молод. Впрочем, оцени сам.

Кармин передал Эю и пошёл убеждаться в правоте или неправоте Леммай. Оказалось, что домик действительно да-

лёк от любого другого жилья и даже от дорог, наземных и воздушных.

– Тебя долго не было, – посетовала Леммай, подкладывая в огонь непонятный брикет чего-то бурого, очевидно местного топлива.

– Я хотел убедиться, что над нами нет часто используемых воздушных путей.

– И как?

– Я должен извиниться перед тобой, – легко сказал Кармин, подойдя и наклоняясь к лицу Леммай. – Ты была права. Это прекрасное место.

Он коснулся щекой её виска, а затем всё ещё прохладного уха и ощутил, как что-то сжимает до сих пор неосязаемую пружину внутри его собственного тела и вместо неё расправляется что-то шёлковое, живое, приятно освежающее. Что-то, что наполняет желанием нежить Леммай в своих объятиях.

– Сперва мне нужно несколько тёплых одеял, Кармин, – едва ответив на поцелуй, со вздохом отодвинулась от него Леммай. – Здесь нет ничего такого, что помогало бы мне сохранять тепло для Эю. Да и никак не оставить её сейчас. Негде и не на чем. Пол заиндевел. От мороза на кровати хрустят покрывала. Огонь в очаге обогреет дом быстрее, чем мы. Потом сможем обойтись без топлива, но сейчас, Кармин, надо подумать о дочери. Ты сможешь найти одеяла посреди ночи?

– Не имею ни малейшего представления, – виновато признался Кармин.

– В таком случае это сделаю я. Слетаю к другому домику и заберу их оттуда. А ты проверь, есть ли вода.

И Кармин снова получил на руки спящую Эю.

– Она только и делает, что спит, да? – быстро спросил он. – Это нормально?

– Это не просто нормально. Это великолепно, – бросила на него странно-обещающий взгляд Леммай и тут же покинула дом.

Кармин, было остуженный внезапными преградами, снова загорелся изнутри.

"Можно ли её слова представить, как приглашение побыть только вдвоём? Это ведь так? Эю можно будет положить на согретое одеяло, укрыть и оставить, а я тогда смогу..."

Кармин представил себе близость с Леммай и то, как его взгляд погружается в самые глубины её глаз. Сердце заволновалось, как у тридцатилетнего.

Но Леммай долго не возвращалась, и он принялся ругать себя за то, что вообще отпустил её. Да, он был смущён и находился во власти чувств, буйно цветущих в душе не под стать зиме снаружи, но не стоило забывать о том, что Леммай, став матерью, ослабла, и первостепенная его задача прятать её.

А время тянулось. Разведённый в очаге огонь будто бы совсем не грел. Кожу Кармина леденило от тревоги. Он наде-

ялся, что едва он вылетит из дома и поднимется в воздух, Леммай тут же появится. Но, зависнув высоко над землёй в темноте и холоде ночи, Кармин всё ждал и ждал, беспокойно выслеживая появление Леммай. Он сделал большой круг с Эю на руках, но Леммай не появлялась.

Снова сильная злость возникла в нём. Словно бы в ответ на разочарование и предательство. Но только теперь он сам себя разочаровал и предал. Ведь это будет только его вина, если Леммай исчезнет. И её будет ещё сложнее найти. Если прежде он знал, что её нужно искать в пределе Рашингавы, то теперь поиски её займут, возможно, несколько лет. И кто знает, что случится с Леммай за эти годы. Предел Рашингавы был её домом, законы принца хоть как-то, но защищали его герард. А вне предела, без значков принадлежности... Вывернутую наизнанку куртку могут принять за признак преступной жизни и чего угодно ещё. Её могут выследить наследники других принцев, могут выследить покинувшие лагерь братья Кармина. Особенно страшен своей хитростью Дайдрус.

Леммай нельзя покидать дом.

Ночь абсолютно тиха. На сорок с лишним тысяч шагов вокруг – ни одного перевёртыша в воздухе. Но вдруг с чудовищной скоростью в воздушное пространство влетела герарда. Стрелой, выпущенной из-за горизонта, мимо него пролетела Леммай, но Кармина не отпустила тревога, хотя возникло и восхищение. Леммай была бы великолепным бойцом.

Но мужчина больше не забывал о мерах предосторожности. Он очень медленно спустился к дому, стараясь следить за воздухом и предупреждая возможность преследования.

Леммай уже ждала его на одеялах возле очага. Кармин положил Эю на самое мягкое и тёплое место и принялся тихо убеждать Леммай больше никогда не покидать дом в одиночку. Но его слова подействовали на неё совсем не так, как он ожидал. Она могла бы согласиться или не согласиться из-за наивности и самоуверенности, которые он в ней отмечал уже несколько раз. Но она улыбнулась, поднялась с одеял, бросила кокетливый взгляд и поманила варлорда за собой, открыв дверь в крошечную комнату справа, большую часть которой занимала кровать. Та самая кровать, покрывала на которой ещё хрустели от мороза. Леммай включила электрическую лампу возле стены и уютный, но слабый жёлтый свет сделал хорошо видимой полоску голой кожи на животе Леммай – это она приподняла полу куртки, чтобы развязать брюки. Они не были намотаны традиционным образом, нет, они быстро расстёгивались по бокам, и Кармин задохнулся от того, как скоро Леммай продемонстрировала обнажённые бёдра и свою готовность соединиться с ним.

Желание захлестнуло Кармина с головой, и в себя он пришёл только тогда, когда Леммай уснула, а он настолько расслабился, что раскинул руки, и всё ещё ледяное покрывало с края кровати коснулось его пальцев. До сих пор он не замечал холода. Как и Леммай. Немного раньше она села, обна-

жившись только ниже пояса, на покрытую тончайшей коркой инея ткань и даже не переменялась в лице. Её тело было таким же горячим, как и у него. А желание единения – таким же сильным. И это заставило сердце Кармина петь от счастья и радости.

Похоже, даже алмазные варлорды бывают предельно счастливы, когда их влечение оказывается полностью взаимным.

Сейчас он казался себе спокойным и удовлетворённым, но на деле оказалось, что он всего лишь очень устал и потому не заметил, как уснул. Только крик голодной Эю разбудил их. Спальня уже немного прогрелась, а очаг наоборот потух. Леммай взяла Эю вместе с одеялами, полностью разделась и залезла с дочкой под оттаявшее покрывало.

Пахло мокрой шерстью и деревом. Электросвеча говорила, что до утра осталось совсем немного.

Кармин быстро привёл себя в порядок.

– Я поищу еды для тебя и вернусь, – пообещал он.

– Не нужно. Здесь есть кое-какие запасы. Я их нашла, – говорила Леммай тихо. Но подняла к нему лицо, когда Кармин склонился над ней, чтобы ещё раз посмотреть на Эю: – Прилетай вечером или даже ночью и ни о чём не думай и не заботься. Лишь бы ты был полон сил.

– Я тебе нужен именно таким?

– Слабым и уставшим тоже нужен, – снова кокетливо взглянула на него Леммай. – Ты нравишься мне любимым.

Кармин тут же провёл логическую параллель со вчерашним её кокетливым взглядом, и уже расстегнулся и сел было рядом с ней на край кровати, но Леммай засмеялась и напонила ему о том, что у него есть дела, а Эю вообще-то ест.

И с этого момента Кармин как зачарованный смотрел на то, как насыщается дочь. Ему это казалось странным. Он так привык думать, что женская грудь нужна только для удовольствия мужчин и ни разу не видел, как серены кормят малышей.

– Тебе это нравится? – спросил он у Леммай. – Кормить грудью?

– И нравится... и немного не по себе. Это мой первый ребёнок. Мне всё кажется незнакомым и новым. Я не разрешаю себе проникаться чувствами, чтобы не испытать неприятных эмоций хоть к чему-то, что касается Эю.

– Ты слишком любишь её. Люби так меня. И я дам тебе ещё детей.

Леммай улыбнулась, но ответ всё же укрыла в себе. Вместо этого она сказала:

– А ещё мне кажется странным, что другие женщины, вне зависимости от вида, расы и народа тоже кормят детей именно так.

– Правда? – удивился Кармин. – Даже те... живородящие?

– Да.

– Невероятно.

– Они тоже удивляются, когда узнают, что после жизни

в яйце ребёнку перевёртышей требуется ещё и материнское молоко. Так смешно... Но зачем бы тогда серене нужна была грудь? В бою она только мешается.

Кармин застонал. Ему жутко хотелось лечь рядом с Леммай и ласкать предмет обсуждения.

Но Кармину пришлось покинуть их. Он не мог здесь оставаться сейчас и делать то, что хотел, а в казарме он мог быстро уснуть. Ещё одна свеча сна перед сложным днём – это замечательно.

Вечером он принёс еды и ещё одеял и выяснил, что Леммай пришлось слетать за какой-то мелочью. От этого факта слишком отчётливо ощутимый ужас заставил Кармина придать каменную неподвижность лицу, чтобы не выдать силы эмоций и не привлекать внимания Леммай.

В прошлый раз он твёрдо решил сделать всё, чтобы такого больше не повторялось, но теперь он осознал, что следует действовать на опережение даже внутри своей маленькой семьи. Он узнал, где находятся магазины, которые закрываются после заката, и рынки, открывающиеся с рассветом, и получил заказы от Леммай. И чтобы предупредить ещё какие-нибудь неожиданности, купил книгу, рассказывающую о молодых серенах, беременности и уходе за детьми. Из этой книги почерпнул много нового. В результате составил список того, что ещё нужно купить для Леммай и Эю.

Ему отчаянно везло. В положении тренера он пользовался

уважением и оставался как бы в отдалении от всех тех, кто жил в казармах доспешников. Потому никто не задавал ему вопросов о том, что он читает и почему.

Всё, казалось, шло изумительно.

Леммай больше не покидала убежища. Разве что выходила, чтобы прогуляться с Эю по окружающему домику лесу.

Кармин всего раз успел погулять с ними днём до тех пор, пока не пришла весна. И очень сожалел об этом. Зима здесь, на Пенрине, оказалась самой необычной из всех, что видел Кармин на самых разных планетах. И в последние дни этой зимы, с которой его познакомили Леммай и Эю, в лесу вокруг домика царила такая красота, какую он должен был бы запомнить на всю жизнь. И пусть снега почти не было, но трава и ветви деревьев, успевших ожить и вырасти в короткое межзимье, белели от инея. Всё это солнце заставляло сиять алмазным блеском, который, как говорила Леммай, всегда будет напоминать ей и Эю о Кармине. А воздух был так свеж и чист от запахов, что сам по себе казался сладким.

Но возвращаясь в столицу империи, Кармин терял трогательное восхищение красотой этой планеты. И пусть город в действительности был хорош, и даже впечатляющ по многим меркам, в нём Кармин словно заново превращался в воина, осторожного и внимательного только с разумными, а на всё прочее больше не обращал внимания. Его не расслабляло даже то, что доспешники перевозносили Кармина как тренера и буквально охраняли от новичков, желавших опытным

путём проверить алмазную неуязвимость Кармина.

А один эпизод ненадолго отравил ему душу даже притом, что Кармин был к нему внутренне готов.

Плац перед казармами доспешников и их штабом был полностью открыт для всех подданных Бесцейна. После тренировки, когда доспешники-ученики расходились, к Кармину подошёл крылатый со стороны, как почти все они рослый и голубоглазый, с твёрдым взглядом и словно негнущимся корпусом. Этот тип обратился к Кармину без какой-либо вежливости и, никак не намекнув на причину своего поведения, громогласно заявил, что Кармин – ничтожество.

– У тебя нет чести вернуться на свою планету! – вещал крылатый, умудряясь смотреть на Кармина свысока, хотя оказался чуть ниже ростом. – А здесь ты стал одним из псов Бесцейна, которые сделают всё за жалкую подачку. За еду. Ты низок и жалок, перевёртыш.

– Слава богам, в вашей империи те, кто хоть что-то решает, и умнее, и хитрее тебя, дружище, – негромко ответил Кармин, вздохнув и подумав, что имеет дело с местным дуррачком. – Пойдём, я провожу тебя. Куда ты шёл?

– Катись к дьяволу!

– Нет, подожди. Ты, кажется, знаешь обо мне абсолютно всё. Я тоже хочу узнать о тебе всё. Почему ты этого не хочешь?

– Не притворяйся идиотом, ты, грязное ничтожество! Ты не достоин ступать по нашей земле. Они должны были убить

тебя.

– Итак, ты пользуешься тем, что я не могу убить тебя или хотя бы покалечить и думаешь, что можешь безнаказанно оскорблять меня. Подлое поведение, достойное грязного ничтожества.

Крылатый призвал меч, но Кармин быстрым движением выхватил его.

– Пока я приношу пользу вашей империи, ты должен быть благодарен мне, – сказал Кармин, попытавшись поймать взгляд крылатого.

Но, странно, крылатый смотрел куда угодно, но только не в глаза. Отозвав свой меч из руки Кармина, он больше не призывал его.

– Принцы тоже могут тренировать доспешников, – словно задыхаясь, сказал крылатый.

Кармин понял, что этого мужчину душат какие-то эмоции. Возможно и растерянность. Но таких как он, не назвать местными дурачками. Они излишне порывисты и только потому попадают в ситуации, подобные этой.

– Так отчего же не тренируют? – спросил Кармин.

Вопрос остался без ответа. Крылатый предпочёл уйти, выругавшись сквозь зубы, но Кармин всё не мог успокоиться. До сих пор он воспринимал вежливость и обходительность окружающих его доспешников за норму и только теперь понял, что нельзя судить обо всех по парням в униформе, которых твёрдой рукой держит нежной внешности командир

– наследник принца империи. Им нельзя обращаться с сыном поверженного царя как-то иначе. Империя же Бесцейна в реальности может ненавидеть Кармина. И выследить для того, чтобы разобрать на кусочки. Толпа в таких случаях не жалеет таких, как Леммай и Эю. Им грозит гибель даже в большей степени, чем ему, Кармину Тахри.

Но кроме того... что, если и Леммай испытывает к нему двойственные чувства? Князей Деказруа почти сразу же встретили принцы империи, и Кармин никого не успел убить. Лишь отбивался от атак какого-то крылатого до тех пор, пока не был сперва ранен, а потом и оглушён так серьёзно, что потерял высоту и ударился о землю с силой, расколовшей часть доспеха на спине и плече. Но всё же Леммай могла едва терпеть его и лишь из-за его природной красоты стала такой отзывчивой на его ласку. Сперва она робела и даже немного побаивалась его, и казалось, что разговорить её невозможно. И лишь проведя с ним несколько дней, стала такой, как сейчас. Теперь она спокойная и уверенная в себе серена. Которая продолжает раскрываться с новых сторон и удивлять. Каждый день. Каждую ночь.

Будет чудовищно потерять такую драгоценность, как Леммай, из-за неосторожности. Он никогда себе этого не простит.

Кармин закономерно подумал о маскировке. Но на собственные нужды денег осталось едва ли на сажу, чтобы вымазать ей лицо. И потому он пошёл к командиру доспешни-

ков Кристиану Рэйли, которого здесь все звали Таэрином, упрямо игнорируя настоящие имя и титул.

Потому что "Таэрин" – это видоизменённое слово на одном из популярных здесь языке перевёртышей, обозначающее "брат" со сложным сочетанием оттенков "старший брат, самый заботливый и нежно любящий из всех". Герцогу Рэйли это имя подходило только отчасти. За несколько периодов в казармах доспешников Кармин успел увидеть и услышать и то, как Таэрин многословно ругает своих подчинённых, и то, как назначает им наказания за провинности, и то, как он едва ли не утирает слёзы, а несколько отрядов его утешают. Нет, к Таэрину относились скорее как к знатной молодой леди, которую по какой-то причине поставили начальствовать над ними. Впрочем, иногда он сам давал им повод так воспринимать себя. Особенно своим излишне милым поведением, которое, как говорили окружающие, считалось предпочтительным, если не модным в кругу членов самых влиятельных кланов. И если бы не всё это, Кармин никогда бы, наверное, не отправился к герцогу империи Бесцейна.

Таэрин принял Кармина прямо в общей столовой, где пил шоколад вместе со всеми доспешниками, попутно что-то обсуждая. Приглашающе похлопал по сидению стула рядом с собой и придвинул тарелку со сладкими матти – маленькими булочками, которыми здесь любили подкреплять силы... пожалуй, все.

– Я считаю, что мне нужна маскировка, так как не все в

вашей империи так благожелательны ко мне, как вы, – сразу же сказал Кармин. – Я не боюсь за себя, но я не хочу привлекать внимание, как единственный алмазный варлорд в Ньюне.

Таэрин вдруг посмотрел вбок, затем бросил взгляд вверх, кивнул и неожиданно сообщил:

– Я хочу предложить вам маскировку для выхода в составе группы захвата.

– Прежде, чем согласиться, я должен больше узнать об этом. Но я имел в виду другое. Мне стоит, я считаю, узнать, насколько важно обращать на себя внимание такому, как я.

– Ах, политика... – протянул Таэрин. – Да, это важно. Тренировки вы обязательно должны проводить без маскировки. Кроме того, если вас вызовут ко двору императора... вы обязаны сиять. Но в остальном... я не могу запретить вам делать это. В рамках закона всё в порядке. А как крылатому и деспешнику мне противно думать о том, что за вами может вестись слежка с какой-либо нечестной целью... Знаете, иногда я пользуюсь специальными линзами, чтобы обесцветить глаза. Я достану вам такие. А ещё есть пудра для волос. Но вам нужно что-то другое. Надо подумать. Слышал... принц Рашингава буквально раскрашивает лицо, чтобы отвлечь внимание от своей красоты. Но он – принц, а вы будете привлекать ещё больше внимания, если не сделаете всё как надо. Зато одна из его внучек – отличный специалист по краскам для лица. Я договорюсь с ней о встрече с вами.

Вам будет приятно познакомиться с ней. Только не смейте влюбляться. Леди надёжно замужем за губернатором этого города.

Кармин усмехнулся этим словам. Он знал прекраснейших женщин империи отца. И ни одна не казалась достойной его любви настолько, насколько достойна Леммай.

Но когда Кармин предстал перед леди, о которой вёл речь Таэрин... он на какое-то время лишился дара речи. Прежде он видел в Ньюне гигантские изображения этой женщины, но считал, что её не существует. Что она – плод воображения какого-то художника-гения. И вот оказалось, что эта красавица – настоящая. И больше того, не только её внешность прекрасна, но и голос, и улыбка, запах и взгляд... разве что волосы в реальности у неё совсем короткие, как у Леммай, будто бы год назад она участвовала в конфликте с армией Деказруа Шестого.

– Вы – Кармин? – первой заговорила прекрасная леди, внучка принца Рашингавы. – Зовите меня просто Моргана. Хочу выразить вам благодарность за то, что тренируете допешников Ньюна, – говорила она, а взгляд Кармина не отпуская её нежного лица, её сияющих свежестью, яркостью и красотой глаз и губ. – Герцог Рэйли рассказал мне о вашей проблеме, и я согласна помочь. Обещайте мне только, что наберётесь терпения и дадите мне поработать. А уже потом, в случае удачи, я покажу и расскажу вам, что нужно делать для достижения наилучшего результата.

Это была Красивейшая женщина империи, и, как позже подумал Кармин, возможно Красивейшая всех планет, посещённых и завоёванных Деказруа. Она оказалась эскортесс по крови. Такого же происхождения женщиной, как те, благодаря которым братья Кармина напрочь забыли обо всём в адаптационном лагере. Вот только Красивейшая оказалась замужем и потому не могла быть представлена прочим сыновьям Деказруа. Если бы они увидели её, то точно остались бы в империи и присягнули бы Эрику Бесцейну немедленно. С другой стороны, если бы они увидели её, то мужу Красивейшей пришлось бы серьёзно опасаться за свою жизнь, губернатор он или нет.

Кармин с трудом говорил с ней о чём-то, расспрашивал и думал о том, что настолько красивая женщина вполне может заставить кого угодно выпить яд и сделать это сознательно. Но едва они закончили, и Моргана ушла, как Кармин словно вздохнул свободнее. Почти сразу же сосредоточился на собственном лице и только много позже понял, что больше не вспоминал Красивейшую без повода. Теперь он думал только о том, сколько ему будет нужно краски для лица и сколько денег на это будет уходить. И понравится ли он Леммай с новой внешностью. Узнает ли она его по возвращении.

Но тут перед зеркалом рядом с Кармином появился Таэрин, чтобы оценить работу Красивейшей.

– Я думаю, это именно то, что надо, – сообщил своё мнение командир, сперва чуть нахмурившись.

И действительно, лицо Кармина потеряло красоту. Оно приобрело коричневатый оттенок, словно постарело и поскучнело. Наметившуюся впадинку между бровями Моргана словно углубила, затемнила и расширила тени под глазами, скрыла ресницы и наметила складки вокруг рта. Кармин не казался себе уродом, но ясно видел, что на него никто как прежде заглядываться не будет.

– Одолжите денег, – вдруг решил попросить Кармин. – На краску.

– Хм, – на миг задумался командир доспешников, – я одолжу. Сколько?

– Я ещё не знаю, сколько стоит такая краска, – Кармин показал на баночки, которые оставила ему Красивейшая.

– Без сомнения очень дорого, – проследив за взглядом Кармина, отозвался Таэрин. – Давайте сделаем так. Я буду выделять вам такие краски вместе с местом в казарме, и буду делать это каждый лунный период вне зависимости от вашей платы за тренерскую деятельность. В конце концов, ваша работа действительно важна. И важна ваша сохранность.

– Это было бы... великолепно.

Оставалось только сменить одежду. Но на это Кармин не решился просить денег. Вечером он лишь замазал золото отделки своего плаща чёрной краской. Теперь Кармин выделится из толпы только благодаря росту и взгляду, если не забыть накинуть на голову капюшон. А если смотреть себе под ноги, то и глаза не будут заметны.

Со всеми мыслимыми предосторожностями Кармин покинул город и вылетел на юг, чтобы, как следует отдалившись, рвануть на восток, а потом – далеко на север.

Родилось впечатление, что он и сам заблудился и едва ли найдёт нужное место. Но вот они, нужные холмы, и вот он, тот лес. Его очертания сверху он уже запомнил до мельчайших подробностей. Спустился в небольшую прогалину и немного прошёл пешком к дому. Уже было так темно, что даже тусклый свет, обычно едва заметный из переднего правого окна, издали казался отчётливо золотым.

Подходя, Кармин позвал Леммай, чтобы она появилась на его голос. И она вышла. Толика света от очага бросилась ему в глаза. Беспреданно моргая, Леммай подошла к отцу своего ребёнка, стараясь разглядеть лицо, выхваченное светом из тьмы.

– Удивительно!.. – только и сказала она.

– Я... должен делать так, чтобы меня не выследили до твоего убежища. Я подумал, что ты, как моя драгоценность, можешь подвергнуться опасности из-за того, что моя внешность в империи Бесцейна слишком необычна. Ты сможешь стерпеть такое?

– Конечно. Это большая честь для меня, быть той, ради кого ты преуменьшаешь свою красоту и яркость. Когда Эю немного подрастёт, я обязательно расскажу ей об этом, как о чудесном примере самоотречения.

– Но...

– Если ты беспокоишься о том, что будешь меньше нравиться мне с таким лицом, то заверяю тебя – нет нужды сокрушаться. Мой отец почти всегда красит лицо, чтобы выглядеть пугающим и сердитым.

– Как принц Рашингава?

– Да, как он. И знаешь, я всегда любила папу именно таким. С изменчивым лицом, то хмурым, а то выражающим разве что ярость.

– Следовательно, мне очень повезло с тобой, – освобождённо вздохнул Кармин.

Леммай кивнула и улыбнулась, прежде чем ушла обратно в дом на зов Эю – её удивительно жалобный для матери плач. Эю казалась ещё слишком маленькой для такой хитрости, но Кармин уже начал подозревать, что его дочь приберегает самый жалобный плач для матери, а ему оставляет сердитый и гневный для того, чтобы он поскорее передал её Леммай. Что если (о безумие!) Эю будет любить Леммай больше, чем своего собственного отца?..

Но оставалось ещё выяснить отношение Леммай к нему.

Кармин вошёл в дом, и Леммай закружила его в вихре слов, идей и мыслей. И её выражение лица, все её жесты... Почему-то они без слов говорили ему, что ей плевать на то, кто он и откуда. С такой мягкостью и нежностью, такая молодая и милая женщина не может притворяться. И потом... она бы не согласилась покинуть предел с ним, если бы он ей не нравился, даже если бы отец не любил или совсем не за-

мечал её, как она утверждала. Она могла бы укрыть Эю законом Рашингавы или отдать Кармину и навсегда исчезнуть из его жизни. Но она здесь.

Сарма пела весёлую песенку для Эю, то и дело срываясь с нот в фальшь и хрип от смеха. Её веселило выражение лица Кармина. Слова, часть которых он не знал, ставили его в тупик. Он пытался выведать у неё прежде значения слов, которые Сарма, забываясь, говорила Эю на родном языке – дзинго. И, надо отдать ему должное – Кармин быстро, чудовищно быстро запоминал дзинго. Сарма учила его только тогда, когда он очень просил, но и для этих редких занятий Кармин слишком быстро наращивал объём знаний. Он знал то, что она ему не говорила. Что, если он что-то задумал?.. Может ли так быть, что он пытался выяснить что-то?.. Может, Нинио вышел с ним на связь?.. От мыслей об этом Сарма замолкла и сосредоточилась на том, что делала до сих пор. А она, герцогиня предела Рашингавы, дочь принца, тривиально готовила еду. Сегодня ей хотелось немного пищи, привычной для герцогини.

– Что случилось? – тут же, заметив перемену в настроении, спросил Кармин.

Эю, перестав слышать голос матери, завозилась в его руках, и он принялся подбрасывать малышку в воздух, чтобы развеселить и развлечь.

Сарма никак не могла привыкнуть к тому, насколько Кар-

мин внимателен к её настроению. Эю его словно бы не так заботила, как Сарма. Что странно для такого как он.

Недавно Сарма мысленно перебирала знакомых варлордов и их отношения с женщинами, когда они попадались ей на глаза. И у них было не принято обращать внимания на матерей своих детей. На возлюбленных и любовниц – да. Но не так. Не так, как делал это Кармин. Может быть потому, что он очень молод?

Сарма вытерла руки и повернулась к Кармину, чтобы взглянуть на него.

Да, он не похож ни на одного знакомого варлорда. Не только потому, что он почти недостижимо сильнее и крепче всех их, нет. Никогда бы не подумала, что настоящий алмазный варлорд будет настолько... равнодушен к тем, кому с происхождением повезло не так, как ему.

– Ты... берёшь уроки дзинго в Ньюне? – спросила Сарма, встретившись взглядом с Кармином. – Тебе так нравится этот язык? Или ты что-то планируешь?

– Ничего особенного. В библиотеке казарм есть справочник по самым простым словесным конструкциям на всех популярных языках. Многие доспешники учат их. Ну и я – тоже. Я уже целый период в составе группы захвата, а функции в группе я выполняю разве что как живой щит. Всегда вхожу в центр с тем, кто почти на всех языках способен говорить хоть что-то.

– Не думала, что доспешники должны знать много языков.

– В столице – должны. Но... Леммай... я бы хотел учить дзинго, потому что это твой родной язык. Я знаю, что тебе приятно говорить на нём.

– Кармин... ты так говоришь, будто...

– Скоро я буду достаточно зарабатывать, чтобы предложить тебе контракт и выплатить твоему отцу столько, сколько он скажет.

– Ты шутишь, наверное, – простонала Сарма, почти перестав видеть от ощущения приятной волны удивления, поднявшейся внутри. – Зачем тебе я? Ты – алмазный варлорд. Принцы будут готовы платить тебе за контракты с их дочерьми, чтобы оставить твоих детей себе. Ты так быстрее достигнешь богатства, чем как-то ещё.

– Ты говоришь глупости. Впрочем... я бы пошёл на это, если бы ты поставила такое условие. Считаю, что должен предоставить тебе достойную защиту. Но я бы не хотел делать этого. И не спрашивай почему. Ты должна сама понимать. Я ведь точно такой же, как и все остальные перевертыши, и не хотел бы оставлять своих детей чужим мужчинам. А... Знаешь, в казармах не так уж плохо. И потом... ты могла бы гулять с Эю под моим присмотром после того, как заключишь со мной контракт.

– Прекрасная идея. Но... не сейчас.

– Леммай? Почему нет? Моя работа теперь приносит неплохие деньги. Я могу заплатить за твою и Эю дополнительную охрану. Можем нанять герарду тебе в помощь...

Кармин продолжал убеждать её. Голос его взлетал от хриплого и жаркого, к твёрдому и звенящему, и прекрасно ощущалось, что он взволнован.

Сарма солгала ему о своём возрасте и происхождении. На самом деле она прожила уже больше шести тысяч лет. И опыт говорил ей, что Кармин немного влюблён в неё, привязан и до предела искренен сейчас.

Она сжалась при мысли о том, что будет, когда Кармин узнает о том, что его возлюбленная Леммай – это Сарма Э Дайиси, использовавшая его ради того, чтобы получить от него ребёнка. словно пережив за мгновение всё то, что ей грозит в будущем, она подумала, что Кармин, разозлившись, просто заберёт у неё Эю и спрячется. После нескольких лунных периодов, проведённых здесь, в этом домике, он уже прекрасно знает, как выхаживать Эю, и может решить, что справится с малышкой и без Сармы.

И всё рухнет. Всё будет напрасно.

Сарма словно очнулась от наваждения.

Она не должна была соглашаться на жизнь в этом домике с ним. Она совершила глупость, поддавшись обаянию молодого и красивого, порывистого и горячего варлорда. И продолжала делать глупости, живя с ним всё это время. О чём она думала?! Да ни о чём. Наслаждалась мирным существованием серены, иллюзией счастья быть важной частью жизни великолепного мужчины.

Надо забрать Эю на Циннию и предупредить отца о том,

что ей нужна защита. Отец будет счастлив тому, что его внучка – дочь алмазного, будет рад наблюдать её рост и развитие и защитит Эю. Тем более что место Сармы – возле её отца, а не здесь, на Пенрине.

– Так что ты мне ответишь?

– Да, я хочу контракта с тобой, Кармин, – мягко ответила Сарма, опустив глаза. – Но я боюсь, что ты скоро охладеешь ко мне. Так часто бывает.

Она лгала и говорила правду через слово. Но Кармин – не крылатый, чтобы видеть ложь по глазам, и слишком молод, чтобы оценивать правдивость на основе опыта. Он доверчив и не сможет ни в чём разобраться до тех пор, пока не узнает, что его Леммай – это Сарма Э Дайиси.

– Ты же понимаешь, что нет доказательства преданности в прошлом и настоящем, что они только в будущем? – осторожно поинтересовался Кармин.

– Да. И я боюсь будущего, – всё не поднимала глаз Сарма. – Я хочу...

Кармин вдруг издал звук, бессловесное восклицание, говорящее об удивлении и озарении. Сарма вскинула глаза на него и увидела торжествующую улыбку.

– Меня учила пользоваться красками для лица Красивейшая из женщин... – с гордостью и нежностью говорил Сарме алмазный варлорд, – и я даже не вспоминал о ней до сих пор. Едва она ушла, как я перестал думать о ней, и все мои мысли заняла ты. Я думаю о тебе всегда, что бы я ни делал. И

это продолжается уже много периодов. Неужели ты скажешь, что это не важно?

– Важно...

Сарма смотрела на отца своей дочери и незримо плавилась от его слов.

Слишком приятно оставаться просто Леммай Аффор.

Весь следующий день она провела в ожидании возвращения Кармина, а вовсе не в пути к космопорту. И когда ближе к вечеру она подумала об этом, то пообещала себе отправиться на Циннию к отцу завтра.

А когда наступило завтра, то просто уехать, ничего не сказав, уже оказалось невыносимо. В голове и сердце безраздельно властвовал Кармин. Тело Сармы и её душа словно пели рядом с отцом Эю. И вскоре пришлось признаться себе, что для расставания с Кармином нужны невероятные усилия. И она могла бы найти в себе нужные силы. Но уже не знала, что ужаснее – остаться без Эю самой или внезапно оставить Кармина одного в опустевшем домике, даже стены которого, казалось, в последнее время пропитывались счастьем.

Взгляд Кармина наткнулся на странную вещицу. Истинно хаотичной формы штуковина не имела острых углов и вся исходила широкими кольцами из упругих материалов. Она была похожа на датчик движения для Эю. А может быть и на деталь крепления для пояса малышки, который прицеплялся к лентам, протянутым к центру комнаты для удержи-

вания Эю от ударов, если ей вздумается полетать. Но всё же, назначения предмета Кармин разобрать не мог.

– Что это? – спросил он у Леммай, подняв предмет и показав.

Он подумал, что эта штука прежде могла быть где-то на дне одной из коробок, купленных им для Леммай и Эю. И потому он её прежде не видел.

– Это... – Леммай запнулась, вздохнула и с необъяснимой для Кармина смесью чувств выпалила: – Это наручник, чтобы Эю не пыталась взрастить меч. Такая штука, которая надевается ей на руку как перчатка. Эю её сжимает и...

– Я же не покупал её.

– Я купила её сама, – странно тонким голосом проговорила Леммай.

Кармин, до сих пор стоявший вполоборота к ней, выпрямился и развернулся к Леммай всем телом. Но прежде, чем он что-то сказал, возлюбленная выгнула брови и призналась:

– Я всего один раз летала в город неподалёку. Не в самый ближний.

– Ты оставляла здесь Эю одну?

– Да. Она летала на креплении, очень увлеклась, и я справилась с покупками очень быстро. Она даже не плакала, когда я вернулась.

– Но эта штука... это ведь не тот предмет, за которым нужно было срочно улетать, не дожидаясь меня.

– В целом... да...

Кармин внимательно смотрел на Леммай. Нет, она не могла допустить такую глупость. Только не она. Леммай так беспокоилась за сохранность Эю и вдруг так подставила её и себя?

– И о чём же ты думала? – вырвалось у него.

– Понятия не имею, Кармин.

Он скорее почувствовал, чем подумал, что она лжёт. Леммай точно не могла из-за ерунды покинуть Эю. Скорее всего, нужно было подать какой-то знак о том, что она жива и в порядке. Возможно, она встречалась с кем-то из родни.

Но Кармин не собирался говорить своих истинных мыслей. Он вздохнул и начал медленно проговаривать:

– Ты понимаешь что...

– Не ругай меня, я этого не вынесу!

– И не собирался. Только... Леммай... если ты так жаждешь прежней свободы, необходимой, чтобы летать куда хочется, то... соглашайся на контракт, как я предлагал. Это идеальный вариант.

– Нет-нет, я... просто сглупила, Кармин!.. И... теперь я... ещё яснее вижу, что тебе ни к чему такая жена, как я. Глупая, порывистая, беззаботная.

Она как будто расстроилась больше него. Никогда не видел в ней такой подавленности, настолько сжавшейся фигуры, так низко опущенной головы.

Кармин прежде не задумывался о том, что любая шипастая на месте Леммай должна была бы глубоко переживать

свою низкую стоимость. И переживала бы, вероятнее всего, с самого детства, когда поняла что ей, в силу рождения, не стать великолепной сереной-варледи, мужьями которой будут сильнейшие и красивейшие варлорды, герои, выдающиеся мужчины пределов.

Она должна была считать, что только случай свёл её с Кармином и вскоре всё вернётся на свои места – она снова станет обычной герардой, а потом будет продана какому-нибудь грубому мужлану.

Он хотел бы сказать ей, что он, самый настоящий алмазный варлорд, куда лучше всех тех мужчин, каких она могла бы получить, будучи даже высокородной сереной.

Но он собрал воедино все реальности, мнимые, предположительные, свою и её и... огляделся. Крошечный полупустой домик, старая мебель и предметы первой необходимости... нет, толку от него, Кармина Тахри, мало. Пусть он и алмазный варлорд, но любой инуэдо и множество шипастых могли бы предложить Леммай куда более достойные условия для жизни.

Впрочем, если начало было ужасным, это ещё не значит, что и дальше всё будет так же прискорбно. Работая на деспешников, он никогда не заработает много, но сможет узнать о других возможных путях к достижению того уровня, которого достойна его возлюбленная, если она так и будет скрываться с ним.

Но Леммай всё ещё во власти подавленности. Нужно что-

то сказать ей. Что угодно. Просто молчать нельзя.

– Нам нужно сменить дом, – сказал Кармин. – И срочно. Этой ночью мы переберёмся. Сейчас я займусь выслеживанием разумных в округе, а ты собирай вещи. И ещё кое-что. Леммай... все мы иногда так глупим, что потом без горького стыда вспомнить невозможно, – Кармин придвинулся к возлюбленной и погладил её плечи. – Но не такие вот неудачи определяют нас. И вовсе не происхождение.

– А что тогда? – Леммай подняла на него задумчивый, но уже не печальный взгляд.

– Понятия не имею. Если помнишь, я тоже ещё очень молод. Но давай разберёмся в этом вместе. Чуть позже. Хорошо?

По губам Леммай снова скользнула улыбка и глаза, удивительные глаза неповторимого оттенка палой листвы засветились надеждой и восхищением. Кармину понравилось то чувство, которое он испытал, глядя в глаза Леммай сейчас. На него и прежде смотрели с восхищением. Но почему-то именно сейчас ему это польстило до лёгкого восторга. Он задумал сохранить в памяти этот момент. Он определённо будет греть его душу.

И как после такого подарка не поцеловать это милое личико?

Но после поцелуя Леммай обвила его шею руками и принялась рассказывать ему, какой он замечательный.

И Кармин понял, что моментов, которые он хотел бы со-

хранить в памяти, слишком много. И все они ценны, как и сама Леммай. Потому лучше всего – никогда и никуда не отпускать её от себя. Так не нужно будет стараться запоминать приятные моменты – Леммай сама по себе каждый день дарит столько радости его сердцу, что это кажется невероятным.

– Что ты задумал, Кармин? – перекрывая свист ветра, крикнула ему Леммай, догоняя.

– Мы меняем место жительства, – прокричал в ответ Кармин.

Они с большой скоростью летели на север, стараясь держаться вдалеке от известных полётных путей перевёртышей.

– А куда? – снова услышал Кармин голос Леммай чуть позади.

Кармин не ответил. Лишь плотнее запахнул плащ, чтобы защититься от холодного ветра Эю. Весна царит там, на поверхности планеты, а здесь, высоко в небе, очень холодно.

Они уже во второй раз покидали дом, и Леммай явно занервничала. Но почему? Прежде она вполне доверяла ему. Что же теперь?

Кармин только ускорился. Надо быстрее добраться до нового места. Леммай поровнялась с ним. Держалась чуть дальше, чем на расстоянии вытянутой руки. Она больше не задавала вопросов. Но её беспокойство Кармин ощущал даже вернее холода выси.

Через какое-то время Кармин, занятый отслеживанием присутствия разумных поблизости, вдруг осознал в себе ощущение неверности происходящего. Что-то было совсем не так. Не так, не верно, не по-настоящему. Это не звёзды, сегодня судорожно мерцающие, словно бы в безумной агонии. Это не земля внизу, плывущая огромными пластами слепых чёрных полей и мягких душных лесов. Нет, это что-то... слева от него. Это Леммай. Дело в ней. Но что именно не так?

Он увидел знакомую отвесную скалу и прыгнул на неё, развернувшись в воздухе. Единственный вид из всех человекоподобных, перевёртыши могли ходить по стенам. А эта серая скала как раз напоминала стену или же поле. Да, поверхность неровная, вся в гнёздах птиц, но всё же похожая на поле, изрытое норами грызунов. Леммай встала рядом. Она смотрела на зелень деревьев внизу, слегка повернув голову.

– Удивительно, но в темноте все оттенки зелени точно так же хорошо ощутимы для глаза, как и на свету, – задумчиво сказала она. И тут же спросила: – Что тебя обеспокоило?

– Я ещё не понял, – мягко отозвался Кармин. – Дай мне время. Поищи, нет ли кого вокруг.

Леммай так сосредоточилась, что даже закрыла глаза. Кармин искоса смотрел на то, как постепенно расслабляются её губы. Пронаблюдал, как полуоткрылся рот... подумал о его нежности и вдруг осознал, что именно заметил бы любой на его месте.

"Она же не шипастая. И точно не инуэдо. Теперь это ясно. Даже доказательства не нужны!"

Кармин почти вздрогнул от своих мыслей.

Только что ему было не по себе, потому что на высокой скорости он должен был лететь рядом с шипастой. А он часто летал рядом с ними раньше. Воздух свистит особенным образом, когда скользит, разрезаемый их шипами. И да, Леммай ещё их не отрастила, но... именно привычный звук, а ещё вернее его отсутствие заставило его подумать о том, что кто-то из них двоих чуть не запутался в собственной лжи.

Лгать самому и в то же время знать, о чём лжёт другой – обычно это увлекательно, словно бы играть в забавную интеллектуальную игру с минимальными ставками. Даже если существует смертельная опасность. Но играть в такие игры с возлюбленной, когда победа неминуемо окажется проигрышем, а Эю станет жертвой – это настолько неприятно, что хочется остановиться и закричать.

Нет, всё верно. Закрывать глаза на это больше нельзя: рядом с ним стоит сейчас настоящая варледи. У любой шипастой или инуэдо уже обозначились бы под кожей твёрдые области, которые затем начали бы прорастать в виде роговых защитных наростов. У шипастых – буквально по всему телу. Это естественный процесс, который имеет свои сроки, точно так же, как и беременность. Но Леммай оставалась всё такой же мягкой и нежной. Ещё прошлой ночью он вовсю наслаждался её телом и даже не подумал, отчего Леммай неизмен-

но прекрасна для его рук, хотя вместе они уже очень долго – примерно три четверти местного года. Притом, что шрамы на её теле не были следами от операции удаления, а Кармин знал отличие, под кожей Леммай уже абсолютно точно должны были образоваться наросты, если не больше того. Это понял бы абсолютно любой разумный, даже полный кретин.

– Мы отклонились от курса, Кармин, – сказала Леммай, открыв глаза. – И слишком забрались на север. Земли герцогини Дайиси южнее. Дальше мы увидим только море и...

– Ничего. Я знаю, чьи земли лежат севернее. Принцессы Дан-на-Хэйвин. Там промышляют рыбой, и из перевёртышей там бывают разве что доставщики. А их основные пути я изучил.

– Ты ошибаешься. Перевёртыши там тоже живут.

– Да, но не много. Перелетим через залив. Там есть отличное место.

– Хорошо, – кивнула Леммай, хотя Кармин видел, что соглашаться ей совсем не хочется.

Вскоре они действительно перелетели через залив, но перебрались и через открывшийся полуостров, и через сверкающую лунными бликами ровную морскую поверхность. И когда Кармин пошёл на снижение в горной части открывшегося северного острова, Леммай уже была рада хотя бы тому, что место, где они могут отдохнуть, вообще существует. Она потребовала отдать ей Леммай, которая заливалась голодным плачем уже какое-то время.

Привалилась к огромному камню, прикрывающему вход в пещеру, и тут же приложила Эю к набухшей груди.

Кармина, едва он решил подойти и порадоваться виду ку-сочка обнажённой кожи Леммай, встретил почти неприязненный взгляд. И он не смог промолчать:

– Я что-то не так сделал?

– Она плакала у тебя почти треть свечи. Почему ты не отдал её мне? Да, я бы немного потеряла скорость, но... Она бы не плакала, а у меня бы не болела грудь.

– Мне тоже нелегко было слушать её плач, но я знал, что мы уже почти на месте.

Леммай хмыкнула. Она явно не поняла.

– А вот теперь мы точно на месте и ты можешь спокойно покормить её.

– Что значит... на месте? – начала догадываться Леммай.

– Эта пещера... подходит нам.

– Ты хочешь, чтобы мы здесь жили? – изумилась Леммай, не сумев скрыть нотки возмущения в голосе.

– Да.

Кармин должен был быть уверен, что Леммай воспитана послушной герардой, миленькой и исполнительной, и пожалуй, считал бы, что она согласится на такое пристанище хотя бы как на временное. Все вспышки самолюбия в ней считал бы забавными и думал, что она так его дразнит. Но теперь, после своего якобы открытия её истинного происхождения, он должен был понять, что Леммай не вытерпит такого от-

ношения. Жить в пещере!.. А что дальше? Питаться дикими сливами и слизывать известь и соль со скал? Она подумает, что он сумасшедший.

Для варледи такое невысказано. Хотя в сложных ситуациях и не такое случалось с женщинами высокого происхождения, но будь он на месте Леммай – тоже ожидал бы от алмазного варлорда большего и лучшего, чем жизнь в скалах на холодном северном острове. Да, здесь уже довольно тепло и почти не дует ветер. Снега нет давно. Однако это дикость.

А Леммай тем временем опустила голову и произнесла:

– Если ты ждёшь, что я буду уговаривать тебя опять воспользоваться одним из домов герцогини Дайиси, то я не буду этого делать. Жить здесь? Хорошо. Но здесь должно быть чисто. Никакого птичьего помёта.

– Ты поражаешь меня, – улыбнулся Кармин и сказал, совсем не подумав: – А я-то ожидал бурного скандала.

– Скандал – это когда конфликт между двумя разумными переливается в уши к третьему, – сухо произнесла Леммай. Но продолжила уже нежнее и слаще: – ... Так меня сестрички учили... Но если ты имеешь в виду обычные вспышки злости, то я не знаю, что такое ты мог бы сделать, от чего я бы разозлилась.

– Я рад. Но... я не ослышался? Ты сказала "сестрички"?

– Да, у меня много сестёр. И я их люблю. Они очень милые и красивые. Некоторые просто души. Кармин... я серьёзно. Если ты хочешь, чтобы дочь алмазного варлорда жила в пе-

щере, то в ней должно быть чисто.

– Это намёк на то, что алмазный варлорд должен своими руками вымыть пещеру? – со смешком поинтересовался Кармин.

– Именно!.. – с тем же смешком ответила ему Леммай.

Наивный мужчина решил бы, что Леммай в очередной раз над ним подтрунивает. Но сейчас он думал о том, что Леммай едва-едва, очень мягко касается его границ, словно проверяя их. Проверая его преданность или... глупость?

– Ты удивишься, Леммай, – с широкой улыбкой отвечал Кармин, – но я уже это сделал.

– О, боги!.. – воскликнула Леммай с удивлением ровно до степени выпученных глаз. – Не может быть!..

Кармин победно улыбнулся:

– Ты полагала, что я на это не способен? Я готов удивлять тебя сколько угодно. Во мне полно сил для самых разных свершений.

– Ты же алмазный варлорд!..

– Похоже, алмазные варлорды в некоторых ситуациях ничем не отличаются от обычных шипастых. Особенно если хотят обеспечить своих красавиц самым лучшим пристанищем, – и Кармин глянул вглубь пещеры, открывающейся сразу за тем большим камнем, у которого решила отдохнуть его возлюбленная.

– Кармин!.. – протянула Леммай, оглянувшись. – Ты так говоришь, что я уже начинаю думать, что это самое лучшее

место для нас троих.

– Осталось только проверить.

И он сделал несколько вычурный приглашающий жест.

Леммай весело рассмеялась в ответ и чуточку позже действительно прошла в пещеру.

Сарма просыпалась с необыкновенным трудом. Она слышала то жалобный, то сердитый плач Эю, но не могла ни пошевелиться, ни открыть глаза.

Кровь словно стынет. Рукам, бёдрам и ступням холодно, а воздух при этом вполне нормальный, тёплый. При этом всё равно адски душно, словно от жары. В голове каша, веки тяжёлые и дурнота... очень странная... такого с ней ещё не было.

Кармин рядом. Он что-то делает рядом с Эю, и она вроде бы ненадолго умолкает, но потом снова заливается плачем. И уже не кричит так сердито, как обычно в руках у Кармина, а явно зовёт на помощь свою маму. Кармин что-то говорит дочери, но не разобрать что именно. Эю оглушала и мучила Сарму до тех пор, пока её крики не превратились в недовольное мычание.

Только тогда с огромным трудом серена открыла глаза и едва-едва осознала увиденное: Кармин пытался подкрепить Эю густым заменителем молока.

Она хотела запретить Кармину делать это, но не смогла даже рта открыть – не было сил. И это дало ей время чуточку

подумать.

То, что заменитель вообще у него был, предположительно говорило о том, что какое-то время назад произошло что-то серьёзное. Может быть, это какая-то неизвестная болезнь поразила Сарму, и Кармин посчитал, что Эю может заразиться. А может быть, болезнь была известной Кармину, но... всего лишь пропало молоко. Оно могло пропасть. Сарма нервничала и переживала из-за рискованности своего положения. День за днём ругала себя за то, что остаётся с Кармином, вместо того, чтобы улететь на Циннию к отцу. Совсем извелась. А толку не было.

Но Сарма вдруг поняла, что чувствует себя куда лучше. И она смогла пошевелиться. Вот только почти сразу же раздался звон. Ужасный, очень громкий металлический звон.

Кармин резко повернулся к Сарме. Она приподнялась и с трудом села на постели из травы и одеял и посмотрела туда, откуда донёсся звон – в сторону своих собственных ног.

– Что это?! – воскликнула она хрипло и невнятно, взглянув на Кармина и снова повернувшись к своим ногам, прикованным цепями к огромному камню.

– Ты лгала мне всё это время, – быстро сказал Кармин. – Может быть, пора подумать и рассказать правду?

Сарма моргнула и затараторила:

– Ты же знал, что моё имя ненастоящее, а то, что я так и не назвала тебе настоящего, вовсе не считается враньём. Нет, правда, тут дело даже не в том, что и как называется!..

Кармин, на такое даже обижаться глупо!..

– Мы оба знаем, что я подразумевал не совсем эту правду.

Сарме стало так холодно от страха, что казалось, сейчас непременно застучат зубы. Но она постаралась мгновенно взять себя в руки и не слишком задумываться над фразами. Лучше пороть откровенную чушь, чем давать Кармину повод подозревать, что его возлюбленная тщательно продумывает ответы.

– Я понятия не имею, о чём ты, – пожалала плечами Сарма и поняла, насколько неубедительно это вышло.

Кармин вдруг весело рассмеялся.

– Я слышал это от кого-то в вашей столице. Там в таких случаях насмешливо отвечают "Правильно, не сдавайся, ври до конца!"

– Но... – Леммай коротко хохотнула в ответ. – Это правда. Я не представляю, о чём ты.

– Ты же не просто не говорила мне своего настоящего имени и подробностей своей жизни. Ты вела меня в другом направлении. Я же недавно представлял себе тебя крошкой, осознающей своё низкое происхождение и переживающей по этому поводу. Я едва ли не всем сердцем сочувствовал тебе. И зря. Ты даже не шипастая. И это только первое.

– Что ты знаешь обо мне? – быстро спросила Сарма, став серьёзнее.

– Очень смешно. Если удаётся выяснить, что именно знает оппонент, можно врать в том, чего он не знает. Ты этого

хочешь? Продолжать мне врать? Но зачем? Рано или поздно я узнаю все подробности... Якобы Леммай Афффор. Для меня это имя навсегда останется синонимичным лжи. Так что теперь я буду звать тебя милой маленькой лгуньей. Это отучит меня от того имени, под которым я верил тебе. А теперь рассказывай о себе всю правду.

– Я боюсь, что ты покинешь меня, едва я всё расскажу. И навсегда заберёшь Эю, – склонив голову набок, шёлковым голосом пропела Сарма. – А я этого не хочу. Я так люблю её. Мне кажется, я уже не смогу жить без неё.

Сарма закрыла глаза. Она ощутила резь в глазах. Будто её слёзы снова решили показать себя миру.

– А мне не важно ничего, кроме Эю и тебя самой, – вдруг прошелестел голос Кармина совсем рядом. – И не говори мне зачем, когда и почему. Расскажи мне только о себе самой. Я хочу знать только то, какая ты настоящая. Я верю, что обстоятельства, которые заставили тебя лгать мне, очень важны для тебя и крайне серьёзны. И потому я абсолютно точно не смогу ни рассердиться на тебя, ни испугаться чего-либо. Просто расскажи мне о себе настоящей.

Его голос вливался ей в уши, обещая любовь, искушая мягкостью и лаской. Мысль о том, что Кармин может так тончённо заманивать её в ловушку, даже не пришла в голову Сарме. Ни на мгновение не мелькнула.

Она лишь открыла глаза, увидела, что Эю уснула в своих одеялах и обернулась к отцу малышки. Он парил в воздухе

над ногами Сармы.

Кармин встретился с ней взглядом, и лукавая улыбка скользнула по его губам. Он аккуратно подтянул цепи так, что Сарма оказалась под ним. И опустился на неё, чтобы поцеловать. Он нежно покусывал её шею и грудь, его руки скользили по телу Сармы, распахивая на ней одежду. Она забылась. Ей казалось, что он дал ей время сочинить новую ложь, но на деле она ничего не соображала, только отвечала на ласки и старалась раздеть его как можно быстрее. Жар Кармина так сильно возбудил и взволновал её, что даже момент прозрения быстро стёрся из памяти.

Сжав грудь Сармы слишком сильно, Кармин вздрогнул, потому что молоко обрызгало его кожу на уже обнажённой ключице. Горячие капли, быстро остывающие на весеннем свежем воздухе, потекли по коже Сармы, но губы и язык Кармина поймали белую душистую жидкость. Серена ненадолго очнулась. Подумала о том, что молоко не пропало, что оно безвредно, а значит, Кармин не только специально подбирал химикаты, чтобы усыпить её, но и заранее подготовил заменитель молока именно для того, чтобы быть уверенным, что справится с Эю сам. Что ложь – всё то, что он наговорил Сарме, и дочку забрать он всё же хочет.

Но Кармин, казалось, ни о чём не думал. Возможно, потому у него так легко получилось заставить Сарму снова забыться.

Он не снял с неё цепи. Хотя мог бы сделать это легко и

быстро. Нет, он предпочёл слушать, как металл позвякивает в такт его движениям.

Об этом она подумала позже.

– Итак? – абсолютно голый Кармин лёг рядом с Сармой. – Расскажи мне о себе всё.

– Но ты же не рассказывал?.. – еле-еле проговорила Сарма.

– Верно. О... я... родился только сыном наследника царя... но отца в детстве всё равно почти не знал. У него не было времени на меня и моё воспитание. Меня кое-как воспитывали старшие братья и учителя. Частью мне надлежало скрываться от недругов отца, дядюшек, и бояться яда, а частью, конечно, я был невероятно избалован. Сначала я должен был выяснить ту границу, за которой заканчивается страх быть убитым или подставить отца и начинается простор для каких угодно манёвров. В тридцать, как и все, я защитил своё право кинье и вступил в армию своего деда – Деказруа Пятого. Затем отец убил деда и занял его место. И я в свою очередь стал наследником царя. Только вот собственных сыновей для продолжения традиций наследования я к тому моменту не завёл. А после у меня практически исчезла любая возможность воспитывать своих детей, даже появившись они у меня. Почти всё время с момента воцарения Деказруа Шестого я провёл в нападениях, защитах и подавлениях восстаний, поскольку... политика отца не отличалась оригинальностью. Моими любовницами после вступления в ар-

мию оставались жрицы Хенера по специальному указу отца. Он очень конкретно обозначил своё желание надёжно контролировать наличие у меня детей. Не имею ни малейшего представления, о чём он думал. Он никогда не доверял мне своих мыслей, если только они не касались военного дела.

– Кармин... это ужасно, – Сарма коснулась своей шеи, ощутив нарастающий ком в горле. – Я вдруг... подумала... ты ведь не слишком сожалел, когда узнал, что твой отец погиб?

– Нет. Я не находил величия в том, что он делал. Только бесконечные войны. Из года в год. А уж подавления восстаний на недавно захваченных территориях... открывают глаза на то, чему именно ты служишь. Отец стал царём после отцеубийства по праву сильного и подлого, а не умного или богоизбранного. Этим всё сказано. И... я рад, что всё это закончилось, и я могу узнать спокойную, мирную жизнь и сам стать отцом.

– Ты не пытался говорить с братьями о том, почему тебе запрещено было заводить детей?

– Нет. Многих моих братьев и сестёр отец обрёл на такое же существование.

– Может быть, особо отличившиеся?..

– Думаешь, я – дурак, в глазах отца не достойный воспроизведения? Рядом с тобой возлежит бывший царь Кенны и Нангатори – звёздных систем с великолепнейшими планетами в империи Деказруа. Я – особо отличившийся, награж-

дённый территориями, в два раза большими, чем вся империя Бесцейна. Нет... Скорее, моя маленькая лгунья, он боялся того, что мои дети будут слишком хороши, и это даст мне повод подумывать об отделении от него. Если не о троне всей империи. По его примеру я мог бы... ты понимаешь... попытаться убить его и стать следующим царём. И я мог бы попытаться. Хотя бы для того, чтобы остановить все эти войны. А теперь твоя очередь. Рассказывай.

– Я всё ещё... боюсь.

– Чего?

– Что ты заберёшь у меня Эю и улетишь.

– Я уже говорил тебе...

– И всё же... позволь снять цепи.

– Меня они возбуждают, – мило поморщился Кармин, прикрыв густыми ресницами яркие даже в полутьме глаза.

Сарма прикусила нижнюю губу. Ей хотелось поцеловать его, но и страх никак не оставлял.

– Я всё расскажу, едва освободишь.

– Не сейчас. Ты так уверена, что я заберу Эю и улечу, что едва я сниму их с тебя, схватишь её сама и сорвёшься в предел Рашингавы. Потому нет.

– Тогда мы в тупике.

– Вовсе нет. Только подумай: мы все хотим оставаться вместе: Эю, ты и я. И это самое главное. Что бы ни происходило в будущем, это так и останется единственно важным – оставаться вместе. И пока мы будем помнить об этом и

вопреки всему двигаться в выбранном направлении, ничто не разрушит наш союз. Даже если у тебя уже есть контракт с кем-то ещё... – Кармин нахмурил брови и вопросительно посмотрел на Сарму. – Так есть?

– Нет. И никогда не было.

– Отличное начало. Продолжай.

– Кармин... ты заставляешь меня переступить через сильный страх. Почему тебе не достаточно того, что есть? Зачем тебе знать правду?

– Чтобы реальнее оценивать опасность. Если только ты знаешь реальное положение дел и скрываешь его от меня, то я мало что смогу сделать для твоей защиты. И я не могу допустить, чтобы ты взвалила на себя ответственность за наши с Эю жизни только потому, что боишься рассказать мне правду.

"Он наверняка случайно увидел открытку с моим изображением. Они же продаются почти на каждом шагу!" – думала она. – "И кто-нибудь рассказал ему все подробности обо мне... Но он не сбежал! Он был готов, но не сделал это. И если так, то он сбежит, если я солгу. Я должна сказать правду. Ах... если он улетит с Эю именно после этого!.."

– Опасность... – Сарма болезненно сглотнула, ещё раз глубоко вздохнула и отважилась на рассказ: – Хорошо...

Кармин устроился как можно удобнее, подперев рукой голову, и направил на лицо Сармы один из самых своих открытых и наивных взглядов.

– Мне около шести тысяч лет, и я чистокровная варледи.

Сарма не смогла заставить себя говорить дальше. Она впилась в лицо Кармина тревожным взглядом, чтобы отследить последствие самой ужасной ошибки в своей жизни. Но Кармин лишь едва заметно улыбнулся:

– Пока всё прекрасно. Продолжай.

– Это – прекрасно?

– Ничего плохого.

– Тогда... я – одна из дочерей принца Рашингавы.

И, прикусив губу, снова уставилась на алмазного варлорда. Близость его обнажённого тела делала всё не таким уж пугающим, но при этом Сарма всё равно трепетала, пытаясь проникнуть в суть реакции Кармина и его мыслей.

– И в этом тоже ничего страшного, – с нотками веселья в голосе сказал Кармин, будто просто решил заполнить тишину.

– Я... самая талантливая и сильная из его дочерей. Была. Ещё недавно. Но теперь, быть может, уже нет.

– Я тебя потренирую, если хочешь, – совершенно спокойно, но быстро предложил Кармин.

– Безумие. Кармин, ты точно настоящий?.. Таких, как ты, просто не бывает.

– А что такого?

– Ты не шокирован и не злишься. Быть может, ты случайно не слышал...

– Чего же?

– Я владею герцогством точно так же, как и мои братья, являющиеся наследниками отца. Моё имя – Сарма Э, герцогиня Дайиси.

– Кармин Тахри, приятно познакомиться, – шире улыбнулся Кармин, но на этот раз его улыбка стала ненастоящей. – Могу я звать тебя просто Сармой?

– Да уж, это лучше "маленькой лгуньи".

– Расскажешь мне о себе ещё что-нибудь?

– Может быть, ты и это слышал, но я всё же объясню...

У отца есть правило. Восемь сильнейших дочерей он не отдаёт замуж по контракту. И для нас, его дочерей, это очень важно. Если ты думал, что серены бесчувственны настолько, что им всё равно, что их продают замуж на срок в пять лет, но это не так, – Сарма заговорила торопливо и ей самой показалось, что это ей в большей степени нужно всё высказать, чем это "всё" в действительности необходимо услышать Кармину. – Множество герард испытывает ужас перед таким будущим, и это заставляет их стараться изо всех сил и повышать свои боевые навыки и цену соответственно. В других пределах считается, что чем выше цена женщины, тем богаче, утончённее и обходительнее будет её муж, и только ради этого герарды выкладываются на тренировках первые годы жизни. Так и в вашей империи, да?.. Но дочери Рицки Рашингавы верят, что наградой им будет возможность не быть проданной по контракту. А это чудесно. Папа говорил, что едва он ввёл это правило, как уровень всех и каждого

в пределе начал расти. Всё началось с напуганных своими перспективами герард и сложными путями дошло даже до варлордов-мужин и шипастых-рабочих. Постепенно все стали больше внимания уделять тренировкам, технике и своему боевому рейтингу. Так папа ни разу не пожалел о своём решении. Но если говорить обо мне... Да, я ужасно не хотела замуж за чужого, незнакомого мне мужчину, и потому работала день и ночь, отчаянно хитрила, чтобы попасть к лучшим учителям. И однажды действительно вошла в восьмёрку. Да так и осталась там. Вот только... С вершины этого рейтинга совсем не хочется спускаться. Особенно после того, как папа присягнул Бесцейнам. Поскольку я оказалась единственной герцогиней в империи, все наследники прочих принцев и их потомство так или иначе пытаются доказать мне, что я го-жусь только на то, чтобы рожать детей. Большинство из них в отношении меня ведёт себя невероятно отвратительно. Однако я знаю, что едва я вылечу из рейтинга, как стану женой одного из них, довольного, что можно поквитаться со мной за моё якобы высокомерие. А это хуже, чем ночной кошмар.

– Почему ты не думаешь, что могла бы стать женой одного из принцев?

– Это никак не было бы долгим счастливым браком. Едва ли союзом на пять лет. С тремя из них. Пятнадцать лет отсрочки. А потом я перешла бы к их наследникам. Хуже того, что один из принцев наверняка разбил бы мне сердце. Они слишком хороши для того, чтобы за пять лет не прикипеть

сердцем и душой хотя бы к одному из них.

– Но раз они настолько хороши, то разве ни один из принцев не тренировал бы тебя?

– Эти трое не только слишком консервативны для подобного. Это ещё и не в их интересах.

– В таком случае я понимаю тебя. Но как тогда ты решилась на связь со мной?

– Я хотела стать матерью, Кармин. Я давно этого хотела, но это казалось мне невозможным. Брак по контракту – это зависимость. Это подчинение и следование правилам. И даже если это будет весь из себя неординарный мужчина с радикальными взглядами на женские свободы... Для меня брак всё равно будет жизнью на чужой территории. Это невозможность увидеть отца, братьев и сестёр тогда, когда я этого хочу. Постоянное недоверие. Холод между мной и братьями моего мужа. Потому что если мой муж и простит мне то, что я сильнее и быстрее большинства мужчин, то его братья прощать мне ничего не станут. Отчуждение будет всё равно.

– В таком случае я – твой идеальный вариант. Я действительно могу жить там, где ты хочешь, и в твоём пределе в том числе. Денег на контракты с женщиной твоего уровня у меня всё равно не будет в ближайшее время и, выходит, ты станешь матерью ещё хоть четыреста раз, а я никогда не смогу смотреть на тебя лишь как на серену, которая даст мне детей. Моих детей. Ведь пока я не смогу платить, наши дети

фактически будут... твоими. Да, если подумать, то в нашем контракте сереной, пожалуй, буду я.

– А как ты сможешь простить меня за своё похищение?

– Я ещё подумаю над этим. Но как видишь, я не полыхаю злобой, не улетел и всё такое прочее.

– Это... удивительно... – прошептала Сарма, в который раз разглядывая лицо Кармина, будто бы ещё недостаточно изучила его.

– Возможно, я буду гордиться тем, что я – избранный, достойный единственной герцогини в империи Бесцейна. А иногда буду внезапно возбуждаться при мысли о том, что женщина, которая держала меня взаперти целый год, теперь рядом со мной, милая и ласковая, и готова загладить свою вину всеми мыслимыми способами. Это ведь так?..

– А ты хитёр!.. – нервно рассмеялась Сарма. – И сколько я буду заглаживать свою вину?

– Я ещё не решил. Сейчас мне нравится то, что ты в цепях. Мог ли я предположить, что герцогиня Дайиси окажется у меня в руках в таком невыгодном положении? В цепях, – Кармин широко и чуточку издевательски улыбнулся. – Извини, но я просто обязан сделать с тобой кое-что не слишком уважительное, но сексуальное, пока ты так уязвима. В рамках... мести?

– Похоже, что я не могу этому воспротивиться в рамках... искупления, – мягко сказала Сарма после вздоха. – Но что это будет?

– Жёстко поймею, – очень быстро проговорил Кармин, но смотрел он вопросительно, словно спрашивал: "Ты согласишься или нет?"

Сердце Сармы защемило. Кармин всегда был нежным с ней. Даже когда верил, что она – обыкновенная шипастая.

– Если только Эю не проснётся, – справившись с эмоциями ответила Сарма.

– Я быстро.

Его "жёстко поймею" оказалось пропитано восхищением и осторожностью, если не трепетностью, будто бы Сарма в его глазах была не поверженным врагом, а божеством, которому следует поклоняться.

Наслаждаясь, Сарма всё же решила быть честной и сказала ему об этом.

– Я не могу сейчас иначе делать это... – прошептал Кармин прямо ей на ухо, продолжая двигаться. – Потому что... кажется... я влюблён именно до степени трепетности.

Эю проснулась слишком скоро, но из-за начавшегося дождя очень быстро уснула снова.

Стальная цепь, такая надёжная на вид, оказалась даже не закреплена как следует. Кармин улыбался, говоря, что никогда бы не причинил вреда матери своей малышки.

Сарма поверила. Возможно, настал её черёд быть обманутой, но она всё же поверила.

Перед рассветом Кармин нежно разбудил Сарму.

– Хочу отразиться в глубине твоих глаз перед самым рас-

ставанием, – серьёзно сказал он.

Снова шёл дождь, но его шума Сарма почти не слышала. У выхода уже горел маленький костерок – он громко хлопал, выстреливая искрами.

Кармин поскользнулся на мокром уступе, надвигая капюшон на лоб, и его чуть отнесло дальше в воздух.

– Что ты решила? – спросил он, разворачиваясь в полёте и чуть вверх. – Как мы будем заботиться об Эю? Как будем растить её? Безрассудно оставаться жить в пещере. Даже на краю мира она в опасности.

Он был немного хмур. Даже алмазные варлорды не слишком довольны, когда не удаётся хорошенько поспать, да к тому же выясняется, что их новорожденная дочь невероятно ценна, но при этом находится в опасности.

– Я должна ещё немного подумать.

– А каков был первоначальный план? Ты ведь не предполагала, что я как идиот влюблюсь в тебя и буду преследовать?

– Кармин... – осуждающе протянула Сарма. – Ты не должен так говорить. Наши чувства взаимны – ты сам так говорил. Оскорбляя себя, ты делаешь то же и со мной.

– Я говорил о нас как о союзниках, Сарма, – твёрдо уточнил он. – Как о маленьком мире, где всё устойчиво. Как о семье. Я не говорил, что знаю о твоих романтических чувствах ко мне. Ты никогда мне о них не говорила. Потому я вполне могу чувствовать себя идиотом. Банально влюблённым идиотом.

– Кармин...

– ... Что касается времени, то его нет. Ты должна решить всё немедленно. Вечером я вернусь сразу же, как только смогу, и мы должны будем предпринять всё возможное для защиты Эю. Что ты выбираешь? Контракт со мной или нет? Вернуться в предел Рашингавы или продолжать прятаться? Есть ли те, кому ты безусловно доверяешь и смогла бы доверить охрану Эю? Если ты хочешь оставаться в рейтинге, то тебе необходимы тренировки. А значит, Эю нужны те, кто за ней присмотрит, пока...

– Я выбираю предел отца, – быстро сказала Сарма, но захлебнулась воздухом и не смогла продолжить тут же.

Впрочем, Кармин терпеливо ждал. Будто знал, что она скажет дальше.

– Кармин, я выбираю контракт с тобой. Но на равных условиях взаимных зачётов. Ты сможешь ничего не платить за контракт со мной, а я получу каждого второго нашего ребёнка.

Кармин глубоко вздохнул и спросил:

– То есть мы не сможем разорвать контракт, пока у нас не будет чётное количество детей?

– Да. На момент разрыва контракта... тот ребёнок, что окажется младшим, останется со мной вне зависимости от симпатий. Так... лучше для него. Ты согласен?

– Согласен.

– Но почему? – в недоумении спросила Сарма.

– Младшему мать нужнее отца.

– Нет, я не это подразумевала. Я поражена тому, что ты согласился доверить мне воспитание наших детей.

– Я слышал об одной женщине вроде тебя. Она – потомок алмазных варлордов, но не крови Тахри. Так вот... она – царица. Сама ведёт своё царство и сама воспитывает детей. И равных ей в чём-либо мужчин мало в нашей области вселенной. Но дело даже не в какой-то талантливой царице. Я ещё плохо тебя знаю, но почти уверен, что ты умна, предусмотрительна, и не будешь пускать в распыл наших детей из-за своих возможных амбиций.

– Ни за что! Как же можно?..

– ...А ещё я не думаю, что когда-нибудь захочу разорвать контракт или позволю тебе сделать это. Хочешь, я прямо сейчас провожу тебя до предела?

Сарме хватило мгновения, чтобы решиться:

– Да. Там достаточно безопасно. На братьев и некоторых герард я могу рассчитывать.

– Тогда бери Эю и в путь. Тыпустишь меня к себе вечером?

– согласишься жить в моих покоях?

– Они просторны?

– Не слишком. Всего восемь комнат.

– Думаю, что после пещеры это...

– Великолепно?

– Я казался тебе смешным или безумным, когда привёл

сюда? – со смешком осведомился Кармин.

– Ты казался... удручённым. Ты уже тогда обо всём догадался?

– Начинаю думать, что ты внимательнее ко мне, чем я предполагал.

Сарма улыбнулась и бросилась в пещеру за Эю.

И только выйдя на тренировку с доспешниками, Кармин ощутил, как его отпускает беспокойство, въевшееся уже, кажется, в самую подкорку. Но теперь Сарма и Эю в безопасности. Они даже в большей безопасности, чем если бы он поселил их в своём собственном пределе, будь у него такой здесь, в империи Бесцейна.

– Сколько заявлений о похищении детей перевёртышей у вас было за последний год? – спросил он как-то у секретаря одной из групп доспешников, получеловека Ривера Дворского.

Тот даже не взглянул в сторону Кармина. Наоборот, нахмурился и спрятал глаза. Горечь слышалась в его голосе:

– По всей империи одного ребёнка похищают каждые два дня. Большая часть из них – дети инуэдо.

Секретарь не был перевёртышем ни на другую половину, ни даже на восьмую часть крови, но тема для Дворского оказалась тяжела. Кармин не хотел продолжать беречь раны секретаря, но он должен был спросить:

– И скольких из них возвращают в семьи?

– За последний год вернули... троих.

Кармин прикрыл рот рукой, чтобы не издать ни звука.

– Но это только нашими силами, – уточнил секретарь, подняв глаза на Кармина. – В империи есть почти святой, у которого дар находить пропавших... живых. Его зовут Уоррен Элайн. Парень перегружен работой и к нему не всегда обращаются.

– Почему? Разве есть что-то важнее детей?

– Для вас, перевёртышей, дети важны, но если Элайна попросят найти пропавшего ребёнка пары крылатых и малышку варлорда, то сперва он будет искать ребёнка крылатых. Потому что... сам знаешь, если похищают детей перевёртышей, то для того, чтобы растить в своей семье. Детям перевёртышей не делают ничего плохого. Пока они малы – точно. А вот на счёт детей других видов нет никакой уверенности.

– И всё же...

– Мы не можем требовать от Элайна, чтобы он делал больше, чем он уже делает. Его дар всё ещё с ним именно потому, что он и так старается изо всех своих сил. И потому, что он посвящает много времени молитвам. И всё это так работает.

– А принцы? Я не видел своими глазами их магии, но говорят, что они способны на то же, что и ваш Элайн.

– Один, я слышал, может находить пропавших, но только мёртвых. По вещам, которые на них есть. Так себе помощь. Магия ещё одного порицаема в империи. Ещё кое-кто мог бы, наверное, помочь, но эти парни решают помимо этого

столько дел, тоже очень серьёзных, что идти к ним по таким вопросам никто не решается.

Кармин больше не задавал вопросов.

В империи отца похищения были таким же частым явлением, как и здесь. Разница только в наказании: Бесцейн и его принцы считали, что похитителю следовало отдать своего ребёнка, по возможности самого взрослого, на срок, в восемь раз превышающий тот, что похищенный провёл с неродным отцом. В крайнем случае, похититель должен был сам идти в услужение. Деказруа Шестой на своей территории установил более жестокое правило: отрубать руки похитителя и отдавать всех детей преступника в услужение отцу похищенного ребёнка. И детей всё равно похищали, не смотря на риск.

Дитя инуэдо могло принести шипастому мужчине больше денег – всё именно ради этого. Для любого парня, стремящегося к деньгам и влиянию – ребёнок варлорда в подчинении – предел мечтаний. Впрочем, ни одному шипастому не удастся убедить окружающих, что варлорд – его ребёнок. Инуэдо ещё мог бы сойти за сына шипастого, но не варлорд. Но бывали случаи, когда мужчины похищали девочек-варледи, чтобы вырастить из них себе невест и не платить по контракту. По такому сценарию и поводу Эю мог похитить абсолютно любой перевёртыш. И если бы Эю привязалась к похитителю, то вышла бы за него. Но ещё хуже, когда серена в ужасе от предстоящих браков с отвратительными для неё мужчинами, но вынуждена повиноваться своему похитите-

лю, считая его своим отцом. Любящие отцы не отдают дочерей только ради денег. Они отдают их самым достойным мужчинам в надежде, что дочь оценит мужа и полюбит его. Когда-то Кармин предполагал, что будет поступать так же, когда Эю вырастет. Но сейчас он знал, что не станет принуждать свою дочь к замужеству ни в коем случае. И никаких денег не нужно.

Потому важнее всего – её безопасность. А раз так, то Эю лучше жить в пределах дедушки-принца.

Вечером Кармин отправился к пределу Рашингавы. Его легко пропустили, не сказав ни слова против, расступаясь и вежливо объясняя, где может быть герцогиня Дайиси.

Но едва Кармин коснулся двери, которая должна была привести в покои Сармы, как за плечо его ухватила твёрдая цепкая рука.

Кармин обернулся и уставился в серые немигающие глаза варлорда. Это был герцог Нинио, и он явно потерял обходительность.

– Что тебе здесь нужно? – угрожающим полушёпотом спросил Нинио.

– Сарма тебе всё объяснит. Прикажи найти её.

– Хорошо. Но не делай лишних движений, Кармин Тахри.

– Не стану.

Нинио опустил руку, отступил на полшага, кивнул, и из-за его спины тень скользнула в сторону следующих дверей

по коридору.

Герцог Нинио казался спокойным, но не спускал взгляда с Кармина, будто бы превратился в статую. Это продолжалось столько времени, что Кармин зауважал Нинио ещё больше. Надо уметь вот так ждать, но быть настороже и быть готовым к чему угодно. Может быть и к смерти.

– Нинио? – услышали они голос Сармы.

Но брат даже не повернул головы в сторону сестры. Он продолжал следить за Кармином, если не за его мыслями.

– Я ожидала этого от Ю или Айрелла, даже от Фанги и Дзисина, но не от тебя, – продолжала Сарма певуче. – Ты зря нахохлился, старший брат. Кармин не причинит мне вреда. Он отец моей дочери. Я собираюсь заключить с ним контракт.

– Слишком много чуши за единицу времени, – произнёс Нинио. – Попробуй всё это сказать отцу.

– А он здесь, на Пенрине?

– Да. Отец, вероятно, найдёт для тебя четверть свечи своего времени.

– Должен найти. Его внука наполовину алмазная варле-ди.

– Ты обманываешь меня, но с какой целью?

– Почему тебе так трудно поверить в то, что Кармин чистосердечен?

– Потому что ты обманывала его, а до этого держала в своих застенках целый год. Такое не прощают.

– Разумеется нет, – рассмеялась Сарма. – Мужчина не простит такого другому мужчине. Но если нужно простить женщине, то может и получиться.

– Идите к отцу. Я провожу вас.

– Почему ты хочешь, чтобы я тоже пошёл? – поинтересовался Кармин у Нинио.

– Может быть, у отца в кармане уже лежит форма для брачного контракта. А я хочу посмотреть на то, как Сарма Э Дайиси выходит замуж. Возможно в первый и последний раз в своей жизни.

Лишь раз на лице Нинио мелькнуло что-то, похожее на выражение личного отношения. При слове "замуж" Нинио почти отчётливо саркастично ухмыльнулся.

– Она ведь не замужем за кем-то ещё? – схватил Кармин за руку Нинио.

Тот оторопело посмотрел на Кармина, затем на Сарму и ничего не ответил.

Сарма взяла Кармина за руку и повела вперёд:

– Нинио просто слишком привык к тому, что я одинока.

– Ладно... а с кем ты оставила Эю?

– С совсем молоденькой герардой, наивной, верной и романтической.

– И ты решила, что это лучшая охрана для Эю?

– Ты назвала её Эю? – вклинился в разговор Нинио. – В честь Ю и себя?

Сарма снова усмехнулась:

– Следующую дочь назову в честь тебя, хорошо? Ниная. Кармин, ты не против?

– Хоро... шее... имя.

– Ты чего? – удивилась Сарма почти задыхающемуся голосу Кармина.

– Не хочу подлизываться к твоему брату. А вдруг ей не понравится это имя? И... давай заберём её у наивной герарды? Пусть Эю побудет у меня на руках.

– Лучше у меня. У тебя она всегда сердито сопит.

– Беспокоится, что я снова начну кормить её заменителем.

– О! – Сарма вдруг указала на лицо Нинию. – Ты посмотри, Нинию-то – растаял!

– Мне знакомы все эти хлопоты и кудахтанье вокруг малышки, – действительно ожил Нинию. – Я поверил.

– В то, что я вообще-то женщина и способна на всё то же самое, что и другие варледи?

– В этом я никогда не сомневался. Я лишь был уверен, что ты замыслила что-то совершенно чудовищное и алмазный варлорд у тебя в буквальном смысле в заложниках. Но то, как вы разговариваете между собой... исключает эту вероятность.

– Вот и славно. Я пойду за Эю. Самое время ей познакомиться со старшим дядюшкой.

Кармин смотрел вслед Сарме до тех пор, пока Нинию зачем-то не позвал его по имени. Оказалось, дядюшка Эю точно так же внимательно вглядывался в лицо Кармина.

– Что теперь?

– Ты влюбился в Сарму Дайиси или Леммай Аффор?

– Сложно сказать... потому что это одна и та же женщина.

– Ты не отрицаешь, что влюблён.

– Это было бы мне к лицу, если бы она не могла себя защитить. Потеряй я её в таком случае – потерял бы сердце. Но Сарма Дайиси, как я слышал, по местным меркам почти неуязвима. Значит, почти неуязвимо моё сердце. Я один из самых везучих разумных в этой вселенной.

– Пожалуй. Но имей ввиду – завистников у тебя будет много, и они будут счастливы сказать и сделать что угодно, чтобы ты потерял покой, разум и сердце даже зная, что Сарма как прежде цела и невредима.

– Верно. Такое возможно в будущем. Спасибо, Нинио.

Сарма уже подносила брату Эю. Герцог Нинио принялся с интересом разглядывать свою племянницу:

– Она не слишком-то на вас похожа, – сообщил он своё мнение. – Вероятнее всего, позже она станет красавицей, но сейчас об этом выводов не сделать.

– Я не хочу для неё той же судьбы, что и для сестёр, – быстро сказала Сарма. – А потому не хочу и красоты для неё.

– Верно, – вздохнул Нинио. – Если семья Тахри покинет нас целиком и полностью, то за эту малышку принцы будут готовы отдать что угодно. В том числе совесть. Идёмте к отцу. Лично я давно его не видел.

– Да-да, только отдай её мне, – ухмыльнулась Сарма, видя,

как Нинио осторожно прижал к себе Эю.

– Один поцелуй и отдам. Кто знает, как всё сложится в будущем? Отец сейчас убьёт меня за отвратительный способ ведения дел, а это будет последняя герарда, которую я поцелую.

– Принц Рашингава очень крут? – поинтересовался Кармин, внутренне готовясь к чему-то ужасному.

– Он известен своей жестокостью в мести, – ответил Нинио. – А в остальном он редко проявляет крутой нрав. Он прежде всего учёный, а уж потом повелитель предела и древнейший.

– Древнейший? – на выдохе переспросил Кармин.

– Ты не знал? – глянул на Кармина Нинио, передавая племянницу Сарме. – Среди бойцов, атаковавших вас, наследников Деказруа Шестого, большая часть – древнейшие.

– Я... не знал этого. А что это значит – древнейшие? – на ходу спрашивал Кармин. – То есть я слышал о них, просто не уверен, что это те, о ком я думаю.

– В империи твоего отца были древнейшие?

– Ходил слух об одном маге... крылатом. Но я видел его лишь издали. И так понял, что четверо из ваших принцев обладают магией. Они как раз древнейшие, так?

– Почти все принцы здесь, в империи Бесцейна, либо древнейшие, либо их потомки, либо главнокомандующие. Кроме них не имеют отношения к древнейшим человеческие женщины и... лишь принц-перевёртыш Накханы выбил себе

высокий титул удачей и мечом. Но может быть и он потомок принца – парень рос, не зная своего отца.

– Невероятно. Не зная отца выбить титул? Это достойно восхищения.

– Я тебе больше скажу: этот парень – инуэдо и ему едва ли исполнилось три сотни лет.

– Я хочу его увидеть! – мгновенно решил Кармин.

Герцог Нинио рассмеялся.

– Сарма, почему ты мне всего этого не рассказывала? – покосился на серену Кармин.

– Боялась, что ты бросишь меня ради Накханского принца, а тот женит тебя на своей дочери.

– Невероятная Канэли, – сразу же пояснил Нинио. – Она быстро повзрослела, оказалась почти такой же талантливой, как и её отец, и помогла собрать Накханцу его первую армию.

– И её дети действительно дорогого стоили?

– Один из её самых удачных результатов сейчас первый герцог предела Ли. Вот уж кто очень крут. Тебе тоже нужно его увидеть. Женщины не могут даже заговорить с ним, да и далеко не всякий мужчина способен посмотреть герцогу Ги прямо в глаза.

– Герцог Ги похож вон на того парня? – быстро спросил Кармин, указав на жутковатого варлорда, раздетого до пояса, с брызгами свежей чёрной крови перевёртыша на щеке и лбу. Этот тип спускался по лестнице и, скорее всего, шёл в ту же сторону, что и Сарма, Нинио и Кармин.

– Не слишком похож, – наконец отозвался Нинио. – Это наш второй герцог. Фанги. Они с Сармой почти неразлучны.

– Я всего лишь часто надоедала ему с тем, чтобы потренировал меня, – весело пояснила Сарма. – Буквально преследовала его.

– Почему тогда Эю не получила хотя бы слог от его имени? – поинтересовался Кармин.

– Потому что Фанги терпит меня гораздо охотнее, чем тренирует.

– Но ведь и это прекрасно.

– Ты хочешь сказать, что я – невыносима? – со смешком поинтересовалась Сарма.

Её глаза сейчас невероятно красивы, а её лицо – яркое и очаровательное. Вот такая она подле своих братьев. И Фанги на самом деле не может не обожать её.

– На моём месте хоть один мужчина решился бы такое сказать? – наконец проговорил Кармин.

Они вскоре дошли до огромного зала, где собралось множество отдалённо похожих друг на друга варлордов и варледи. Все они с любопытством смотрели на Кармина и Сарму. Ровно до тех пор, пока из-за группы варледи не вышел высокий мужчина. Издали, не глядя пристально, сложно было сказать, то ли побелел этот мужчина от древности, то ли он молод и точно такой же алмазный варлорд, как и Кармин. Его кожа и волосы, белые как пудра Таэрина, лишь подчёркивали сияние ярких алых глаз. Впрочем, оглянувшись, Кармин

увидел, что здесь много похожих на него в этом. Ярко-красные глаза с белокожих лиц смотрели на него почти отовсюду. Значит, это естественный их вид. Но в том варлорде всё же было что-то резко отличающее его от прочих. Он словно бы оценивал, внимательно вглядываясь во все лица и фигуры, словно бы искал что-то, а подходя к очередному собеседнику, очевидно, вдумывался не только в то, что видел и слышал, но и в то, что замечал сам.

– Папа такой красивый без краски, но я, кажется, никогда не привыкну к его настоящей внешности, – сказала Сарма. И встретив удивлённый взгляд Кармина, кивнула: – Да, это он. И он сегодня решил умыться.

– Я не помню его таким в рядах принцев, атаковавших нас. Принц Рашингава тогда выглядел чудовищем. А сейчас он выглядит...

– Очень мило, – закончил Нинию вместо затруднившегося с подбором слова Кармина. И задумчиво, медлительно добавил: – И совсем не таким взрослым и мужественным, как его сыновья...

– Да, но я хотел сказать, что он выглядит... вдумчивым и... осторожным что ли?..

– Как дипломатично, – хмыкнула Сарма. – На самом деле он выглядит высокомерным, холодным, избалованным и вздорным. Это факт.

– Это не слишком важно, – возразил Кармин. – Многие потомки Деказруа выглядят как настоящие ветераны всех

возможных войн, но как раз на деле избалованы и вздорны.

Наконец повелитель предела, выглядящий скорее как один из наследников, обратил взор на Кармина и малышку Эю. Но прежде он подошёл к Нинио и приказал ему отдыхать до завтрашнего утра.

Только потом повернулся к Кармину.

– Рассказывай, – сказал он глубоким низким голосом.

– А я уже стала невидимкой? – чуть иронично поинтересовалась Сарма.

– Твой ребёнок сейчас наверняка заплачет, и я попрошу тебя уйти. Плачущие дети не способствуют трезвому мышлению. Моему – точно.

И принц снова повернулся к Кармину:

– Я слушаю.

– Кармин Тахри. Я прошу вашего разрешения на брачный контракт с Сармой Дайиси.

– И сколько ты можешь заплатить?

– Нисколько. Моей платой будет каждый второй ребёнок, отданный во владение Сармы после расторжения контракта.

– Какие великолепные замыслы, – с внезапной, но почти ничего не выражающей улыбкой сказал принц Рашингава. – Но как ты пришёл ко всему этому?

– Сарма удерживала его у себя целый год, – решил объяснить Нинио, – а потом влезла к нему под чужим именем.

– Обманом решила зачать ребёнка? – поразился принц Рашингава. – Не часто я такое видел. И была так хороша в сво-

ём обмане... м-мм... что Кармин Тахри просится жениться на тебе. Нет, это редкость. Большая редкость. Никто не любит обманщиков. Как ты докажешь, Кармин Тахри, что ты... прости её, а вовсе не замышляешь убить её лет через двадцать?

– Я бы не смог мечтать о мести так долго и всё это время притворяться хорошим мальчиком.

Принц Рашингава в ответ только рассмеялся.

– Папа просто король мстительных планов, – пояснила Сарма для Кармина. – Полагаю, его смех означает, что желание мстить он может хранить годами, если не тысячелетиями. И на твоём месте...

– Принц Рашингава! – чуть повысил голос Кармин. – Я не видел ещё серены, которая так бы любила своего ребёнка. А поскольку Эю – мой ребёнок, мне выгодно, чтобы был ещё хоть кто-нибудь, кроме меня, готовый охранять детство моей дочери, заботиться о ней и любить её. Потому я готов защищать и Сарму. Но, верите ли, она сама по себе достойна защиты и преданности, не будь она герцогиней.

– Как отец охотно верю. И мне вполне понятно всё сказанное вами, – кивнул Рашингава. – Завтра утром я хочу увидеть ваш брачный контракт, пылкий Кармин Тахри. Кажется... это будет первый раз, когда в брачном контракте будет стоять не две подписи, а три. Умница, Сарма. Надеюсь, это будет хорошее начало новой традиции. Скоро наступит день, когда все мои дочери начнут ставить подписи в своих кон-

трактах.

Принц Рашингава отошёл, а Сарма повернулась к брату:

– Что думаешь?

– Думаю, что он поверил. Обмануть древнейшего сложно.

Вероятно, отец увидел тайное волнение Кармина.

– Какое волнение? – вырвалось у Кармина, но он тут же ощутил, что у него трясутся руки.

Давно с ним такого не было.

Он действительно волновался. Но только от того, что принц Рашингава мог наотрез запретить ему даже видеть Сарму. Ведь у Кармина не было денег на варледи. А Сарма не простая варледи. Сколько бы она стоила, если бы Рашингава решил продать её? Разве что наследник царя мог бы позволить себе купить её. Наследник живого царя.

Следующим утром очень быстро оформился брачный контракт. А затем принц Рашингава, позвав своих дочерей и сыновей на подписание, сказал, что рассчитывает на то, что отныне серены тоже будут подписывать свои брачные контракты. Ещё какое-то время некоторые из этих подписей будут вынужденными, но с ростом прибыли от Циннии прекратится и это. И через пять лет все серены, принадлежащие непосредственно ему, Рашингаве, смогут выбирать себе судьбу самостоятельно. Разве что как отец он желает быть поставленным в известность о том, кто жених и каковы его мысли.

Иначе говоря, принц Рашингава заговорил именно о том, о чём шептались между собой братья Кармина, надеясь, что лучшие серены этой империи вскоре станут более доступны в финансовом плане.

А варледи Сарма Э Рашингава, герцогиня Дайиси, стала женой обычного парня, доспешника по имени Кармин Тахри. Конечно же то, что он – алмазный варлорд, было указано в контракте. А так же и то, что каждый их ребёнок будет проходить идентификацию по наследственности, чтобы не допустить чужого кода крови в результатах.

– Это несколько унижительно, – ворчал Кармин, сжимая в руке свою копию контракта и продолжая шагать к покоям Дайиси.

– Это папина лазейка, – пояснила Сарма. – Единственная, насколько я поняла. Она позволит ему разорвать наш контракт в том случае, если будет доказана неверность.

– Но... это странно. Нелогично для того мышления, какое он показал.

– Он ввёл тебя в заблуждение. Ему чужда романтичность, но он и сам уже давно женат по любви и верен ей, насколько я знаю. И потом, Кармин... тебе не кажется, что это его условие... довольно лёгкое?

– Для меня. А для тебя?

– Перестань. С тобой никто не сравнится.

– Никогда?

– Никогда.

– Посмотрим, что ты скажешь, когда мои братья решат покинуть адаптационный лагерь.

– А они там довольно долго.

– Да. Им предоставили эскортесс... а... ты говорила что Каруи – любовница твоего отца. Это правда?

– Прежде она была его любовницей и драгоценной леди нашего предела. Сейчас за ней закреплён только второй статус. Папа любит её, она очень умна и хороша собой, и, честно говоря, она славная девчушка, ради которой он может далеко зайти, но всё же папа предпочитает нежиться в объятиях фитки, в честь которой назвал планету.

– Это куда как значимо. Так почему ты не любишь именно Каруи?

– Да из простейшей зависти. Дела своих дочерей папа едва ли удостоивает мгновением внимания, а вот на Каруи время всегда находит.

– Так значит, малышка Сарма недополучила внимания? – рассмеялся Кармин. – О!.. Но зато я – весь твой.

– Ложь. Ты отдаёшь слишком много времени Кристиану Рэйли. Каждый день, кроме сегодняшнего и редчайших выходных, ты там с самого утра. Ты не мог бы бросить это?

– Для того чтобы проводить больше времени с тобой?

– Да.

– Но Сарма... – почти шёпотом протянул Кармин.

– Я понимаю, что когда я была для тебя обычной шипастой, твой заработок гарантировал нам относительно достой-

ную жизнь, но теперь мы в этом не нуждаемся.

– Ты не нуждаешься – это так. Но я?.. В любой момент ты можешь выкинуть меня на улицу, и Эю останется с тобой. Но даже если ты не сделаешь этого сейчас, а потом, то я должен буду обеспечить своих детей хоть чем-то до того момента, как они смогут обеспечивать меня.

Сарма некоторое время молчала. Они вошли в её покои и прошли к внутренним. Там Сарма положила дочку на постель и принялась её переодевать.

– Я могу назначить тебя наследником Эю, – сказала Сарма. – У тебя будет титул и содержание. И таким образом титулы получают многие братья, да и сёстры Эю. В том числе и сводные. Если, конечно, ты этого захочешь.

– Это слишком щедрое предложение. Но я не могу согласиться. Давай титулы кому угодно, но не мне. Это против моего понимания достойного. Ваш Накханский принц, инуэдо, не имея ничего, завоевал себе титул. А я, сын царя, алмазный варлорд, получу титул только потому, что я тот, кто я есть?

– В реальном мире так и случается.

– Да, но имея пример Накханского принца перед глазами, я не могу на это согласиться. А кроме того, есть ещё одно... некоторое время, живя среди dospeshnikov, я проникался их заботами, а ещё горем, ужасом и страхом, на которые они вынуждены смотреть каждый день. Я больше не равнодушен ко всему этому и хочу помочь им настолько, насколько могу.

– Но они тебе абсолютно чужие!..

– Но это так похоже на войну!.. Только на этот раз я вижу и ясно понимаю, что противник действительно отличается от соратников. Его действительно нужно остановить, понимаешь? Война до сих пор казалась мне бессмысленной, а захватническая – тем более жестокой и несправедливой. Доспешники же борются не против точно таких же, как они, парней, а против преступивших закон.

– Я понимаю, Кармин, но ты толком не знаешь действия тех законов, которые готов защищать, и что если некоторые из них не так уж справедливы?

– Я всё равно не оступлюсь. Как я одобряю местные законы на семь восьмых, так на семь восьмых и подхожу для этой работы. И это лучшее из всего, что поможет мне.

– Поможет в чём? Заработать? Ты можешь наняться к отцу или Нинию, и они не только с радостью возьмут тебя, но и будут платить тебе куда больше.

– Нет, именно работа среди доспешников похожа на моё личное искупление. А оно необходимо мне, Сарма!..

– Что тебе искуплять, Кармин!.. Ты ещё так молод. Что такого ты мог сделать, если твоей работой, твоей жизнью была одна лишь война?

– Это была не просто война. Мы вторгались в империи, захватывали планеты и убивали всех, кого видели. А когда узнавали о восстаниях, то со всей жестокостью их подавляли. Восстания!.. Это же самое естественное желание на све-

те – вернуть свою землю. Практически все рано или поздно к этому приходят – и крылатые, и перевёртыши, и фиты, и менее человекоподобные формы тоже. Но я должен был не просто не позволить им сделать это, но и запугать так, чтобы в дальнейшем восстаний не было. И не всегда удавалось обходиться без показательных казней, Сарма. Меня прокляли миллиарды семей, и если бы была во вселенной хоть какая-нибудь справедливость, то я не узнал бы и крупицы того счастья, как сейчас, с тобой.

– Кармин, – вздохнула Сарма и села рядом с Эю, заинтересовавшейся своими ручками. – Ты не виноват. Это какими идиотами нужно быть, чтобы идти против алмазных варлордов и не в первый, а во второй раз?

– Во-первых, ты забываешь, что при помощи вашего ясновидящего вы заранее знали о нашем нападении, и только благодаря этому смогли дать тщательно спланированный и хорошо организованный отпор. Ни у кого больше не было такого шанса. Для покорённых народов восстание становилось первой и единственной возможностью сразиться с полным пониманием происходящего. А во-вторых... когда я возвращался на завоёванные планеты, то со мной чаще всего не было никого из братьев. В ходе боёв повстанцы не видели алмазного блеска. Моими исполнителями были обычные перевёртыши. Может быть, несколько парней с двумя-тремя каплями крови деда на всю мою армию. Я даже не брал в руки меча и не появлялся вне своего предела – лишь отдавал при-

казания.

Сарма долго молчала. Кармину казалось, что она вот-вот поймёт его.

– Значит, твои основные заслуги именно в этом – в подавлении восстаний на недавно завоёванных территориях?

– Да.

– Но вы же оставляли там своих варлордов для того, чтобы они не допускали восстаний?

– Да. Но на практике они были не слишком эффективны. К чему ты клонишь?

– Ни к чему. Просто продолжаю расспрашивать. А ещё... я подумала, что налететь огромной армией, поразив алмазным блеском, и захватить планету с помощью неожиданности, натиска и демонстрации силы куда легче, чем удержать планету, не имея в рядах подчинённых ни одного алмазного варлорда.

– Да, отец не... в его победах нет особого достоинства. Да, нам, его наследникам, приходилось изворачиваться и очень серьёзно рисковать, чтобы удержать в требуемых размерах его владения, но у нас не было другого выбора. Когда Декаэруа отдавал приказ, нам нужно было сделать всё, чтобы его выполнить. А что было бы в случае невыполнения – об этом лучше даже не думать.

– Значит вы – не такие уж изнеженные принцы, как предполагали все.

– Сарма, дело не в этом, а в том, что оставайся мы все без-

вольными идиотами, совесть каждого из нас была бы чище. А моя совесть была бы чище, если бы я вырвался из плена честолубия и просто покинул бы отца. Но я этого не сделал.

– Ты сожалеешь, что нити судьбы привели тебя сюда?

– Мне жаль говорить это, но быть честным для меня...

– Ясно... – Сарма опустила голову, но тут же подняла подбородок и улыбнулась ему:

– Потренируешь меня, когда Эю заснёт?

– Конечно. Кстати, купи мне метакарту, чтобы я мог выходить на ночные вызовы в группе захвата.

Сарма ахнула и в негодовании вскочила:

– Я только что просила, умоляла тебя меньше работать днём, а ты не только настоял на своём, но теперь ещё и ночью хочешь!..

Кармин рассмеялся:

– Ты ужасно забавная. Ночью я хочу, поверь мне, быть только с тобой.

– Тогда забудь о прошлом, обруби эту нить, – Сарма пошла к нему близко-близко, чтобы коснуться его тела своим и обдать сладкими ароматами варледи.

– Нить жизни всего одна. Обрубив её, умру я, умрёт всё, мне присущее. Останется призрак, воющий от сожаления.

– Я говорю о нити памяти, – всё нежнее говорила и смотрела Сарма.

– Если у меня есть совесть, то и нить памяти останется непрерывной. А совесть – это то последнее, что у меня есть

за исключением тебя и Эю. Или ты хочешь, что бы у меня не было абсолютно ничего своего?

– У тебя есть... одежда, – ухмыльнулась Сарма и потянула в стороны полы его верхней рубашки.

– Ничего подобного, – покачал головой Кармин, не сопротивляясь раздеванию. – Моя форма патрульного доспешника принадлежит городу, а другую одежду мне выдали в твоих застенках – она твоя. Повторюсь, у меня есть только совесть, ты и Эю. Кстати, она спит. Эю спит. И мы наконец-то можем...

– ...Потренироваться?

– Нет. Я имел в виду нечто более приятное. Как ты смотришь на это?

– Ты же обещал мне именно тренировку.

– Да, но ты сейчас так близко... Для чего бы ты ни подошла и не принялась меня соблазнять, у тебя всё чудесно получилось: я очень тебя хочу.

– Нет. Я хотела, чтобы ты вспомнил, как я великолепна и отрёкся от всяких мыслей...

– Я отрёкся. И абсолютно точно готов...

– Ты оставишь доспешников?..

– Я отрёкся, но не настолько серьёзно.

– Ты шутишь!.. – поняла и возмутилась Сарма. – А между прочим, я очень и очень хочу, чтобы ты был со мной всегда!

– Когда-нибудь я возьму... отпуск, – Кармин решил, что нежность легче слов переведёт мысли Сармы в нужное на-

правление и принялся целовать её. Но только сам задохнулся от поднявшегося волнения. И когда Сарма отодвинулась и снова потребовала от него точных дат, он вспомнил, что его серена действительно старше и опытнее его и хладнокровнее, пусть немного, но точно хладнокровнее в любви.

– Мне кажется, что всё это время ты разыгрывала страсть. Иначе почему сейчас я не чувствую в тебе того же пламени, что горит во мне?

– Кармин, – осуждающе протянула Сарма, – перестань говорить подобные вещи! Твой дневной отдых со мной слишком важен, чтобы вот так просто взять и забыть о самой его возможности.

– Забыть? Я отрёкся ото всех мыслей ради свечи блаженства с тобой прямо сейчас. Отрекись и ты.

Кармин взял лицо Сармы в свои ладони и принялся целовать её веки.

– Хорошо я...

– Скажи, что отреклась.

– Я... отрекусь... если поцелуешь... шею... сзади.

Кармин мгновенно развернул Сарму, спустил с её спины одежду и поднял волосы, чтобы увидеть, как она вздрогнула и повела плечами.

– Начинай отречение, – прошептал ей Кармин, дыханием обдавая тоненькие волоски на её шее.

– Уже почти.

– Отрекайся от всего, – низким и бархатистым голосом

потребовал Кармин. – От положения, силы и власти, от семьи, империи, отрекись даже от Эю на эту свечу. Хочу любить тебя самозабвенно. Хочу, чтобы ты так же любила меня.

Он жарко поцеловал её шею, Сарма ахнула и застонала. Она так и не нашла в себе силы выговорить слово "отреклась".

Сарма Дайиси

Сарма долго не могла заставить Кармина потренировать её. Но когда долгожданный спарринг начался, то герцогиня очень ясно осознала то, что без помощи принцев-древнейших с наследниками Деказруа защитникам империи было бы не справиться. И если только погибший отец Кармина ненамного превосходил своими навыками сыновей, то едва ли Накханский принц, близнецы Си и магия принца Рэйна вообще могли уничтожить его. И сыновья Деказруа Шестого опасны. В том числе и Кармин. Его никто не просил о тренировке, считая его навык слабым. Считая его бледной, недостойной тенью Деказруа, разве что смазливой мальчишкой, умеющим складно говорить. Но Сарме стало предельно ясно, что Кармин вполне может оказаться тем, с кем стоит тренироваться даже её отцу-древнейшему.

Принц Рашингава слишком скоро вернулся на Циннию, а доверять любым путям сообщения для передачи информации о Кармине Сарма побоялась. Так алмазный варлорд остался только тренером доспешников и герцогини Дайиси. Причём доспешникам было не по силам понять, насколько они недостойны своего тренера. Даже их командир вряд ли понимал, с кем имеет дело.

А тем временем Кармин и Сарма вычислили и проверили лучших нянюшек для Эю. Ими оказались сёстры Ксения и

Арайна, а кроме них две инуэдо отца, преданные ему до совершенства. И, что удивительно, Фанги так же стойко терпел Эю, как до этого терпел Сарму.

– Ты, наверное, издеваешься над ним, – предположил Кармин, когда вместе с Сармой уходил от Фанги, на вытянутых руках держащего Эю, – по его лицу предельно ясно, что возиться с девчушками, тем более не своими, он не слишком любит.

– Да, я немного издеваюсь. Это ему за то, что водил меня за нос, обещая тренировки. А ещё... мне не слишком важно, будет ли он возиться с Эю. Главное, что он третий по силе в нашем пределе и уж он-то точно не позволит, чтобы с нашей малышкой случилось хоть что-то.

Кармин поцеловал её в одном из залов подземной части предела и упал в большой коридор, что вёл к выходу. На нём была его форма, и вернуться он должен был сегодня очень поздно.

Так начинался ужасный день выхода Сармы на тренировку в адморский предел. И это ещё даже не один из самых ненавистных дней в году. Вот когда ей приходилось идти на тренировки в классический предел – тогда и казалось, что жизнь кончена. В пределе принца Адмора можно было и не встретить Хэллиса и Ро – сыновей Классика. Но вот в классическом пределе – их вотчине – они бы точно нашлись.

Но войдя в большой тренировочный зал предела Адмора, Сарма внутренне застонала. Здесь Хэллис.

Сарма в целом не любила тренировки с герцогами предела Классика. Чрезмерно жестокие, они буквально выбивали из неё всё желание заниматься дальше и словно стремились вызывать страх. При мысли о Хэллесе и Ро и при звуках их имён, Сарма внутренне сжималась и едва не покрывалась липким потом уже несколько десятков лет подряд. Оба были чудовищно сильны и быстры, хладнокровны, скоры на расправу, по-своему красивы, ловки и... выжили. Не многие герцоги предела Классика могли удерживаться на своих местах столетиями и удерживаться среди живых. А Ро и Хэллису это удавалось. Сарма всегда думала, что остальные не выживали только потому, что это Хэллис и Ро всех травят. И это было вполне возможно. Однако кроме них Хо-алэй и Ветреный так же упрямо выживали. Ветреный вообще был юнцом со множеством уязвимых мест и слабым навыком фехтования, но если даже он иной раз поднимался в рейтинге смертоносных выше Хэллеса, то последний не так уж коварен. Однако Хо-алэй – Первый герцог, Ветреный надолго исчез из виду, исполняя волю Классика где-то очень далеко, а Хэллис вознёсся до предполагаемого второго наследника Классика. Ро стал третьим, потому как немного проигрывал брату в силе и наглости. Тогда Сарма совсем перестала тренироваться с ними. Она же так и осталась на своём месте в рейтинге. И вздохнула с облегчением. Даже перспектива серьёзной драки с холодным Шеном или вызывающим головную боль и омерзение Джианом из предела Ли не так пугала

Сарму. И даже драка со старшими драконами, чреватая чудовищными ранами, не вызывала у неё такой подавленности.

И потому она была страшно и неприятно удивлена, когда увидела, как Хэллис идёт в её сторону. Он снизошёл, чтобы мазануть по ней взглядом своих диких чёрных глаз и сообщить, что избегая тренировок с ним и оставаясь на Циннии, она снижает свой рейтинг.

Сарма даже застыла от такой подлости.

– Что замерла? – словно бросил в неё слова и взгляд Хэллис, взмахнув подбородком выше её лба. – Думала, я не замечу, что ты меня боишься?

– Ах нет, – нашла в себе силы коротко рассмеяться Сарма. – Я тебя не боюсь. Что ты придумываешь?

– Боишься, – вкрадчиво прошептал он, но так отчётливо и громко, что в их сторону повернулось сразу несколько герцогов. – Но если это не так, то докажи и появишься у меня завтра. Думаю, к середине дня ты уже вотрёшь все свои мази и краски в личико. Или ты только к вечеру будешь готова?

– Ты отлично знаешь, что я готова к драке в любое время.

– Конечно, – снова прошептал он, но так, что никаких сомнений не осталось в том, что он считает её всего лишь талантливой девчонкой, по воле отца всё ещё занимающейся благородным искусством фехтования, а не рожаящей детей за деньги по стандартному контракту. Но если он не признаёт её воином, о чём много раз насмешливо говорил после спарринга, то зачем ему очередная тренировка? Чтобы сно-

ва унизить её, проявив беспощадность к её слабости?

И тут он медленно поднял руку и коснулся ладонью её щеки, которая похолодела ещё до прикосновения – такой была реакция Сармы на Хэллиса. Слишком давно и слишком часто он причинял ей сильную физическую боль. И она подсознательно ждала повторения. Но это прикосновение было ласковым, если не романтическим.

Он... не знает, что она состоит в контракте с Кармином? Нет, не знает. Как же так? Почему? Пределы принцев переплетены друг с другом не только шпионскими сетями, но и родственными. Одна из сестёр Сармы наверняка замужем за одним из братьев Хэллиса.

А прикосновение Хэллиса всё длилось. Он мог бы взрастить клинок из запястья и убить её. Потому такие жесты между герцогами разных пределов считались чем-то вроде игрой в доверие. Игрой – потому что тот, кто касался лица или шеи другого, как бы заявлял о своём превосходстве и о двусмысленности ситуации. Это была насмешка. Двойная насмешка. Хэллис умеет посмеяться. Но зачем ему смеяться именно над ней? Снова. Сейчас? Она по рейтингу была и есть ниже него. И наверняка ещё и упадёт ниже – почти год без тренировок не может не сказаться на технике.

Сарма почувствовала, что устала смотреть на Хэллиса и думать над его инсинуациями. Нет, ей нужно собраться к завтрашнему дню, подготовиться к очередному раунду его жестокости. Будет бить ей по груди и резать лицо – метить

в те места, которые женщина будет защищать инстинктивно. И Сарма не исключение. Как она ненавидела манеру Хэллиса бить по больному месту!

– Что за взгляд? – вдруг спросил он её, большим пальцем резко приподняв её подбородок и внезапно придвинувшись, от чего Сарма напряглась, а ноготь Хэллиса больно оцарапал её кожу. – Не хочешь начать тренировку сейчас, а продолжить завтра?

Два кошмара подряд? Ну уж нет!

– У меня запланированы дела на сегодня, Хэллис. Так что извини.

– И как зовут счастливица? – спросил он, опуская руку.

Сарма нахмурилась. Это был дежурный вопрос. Он точно ничего не знает о Кармине. А значит, Хэллис снова открывает сезон шуток о её сексуальном предназначении. Ранее герцоги-перевёртыши смеялись над тем, что Сарма – единственная женщина среди них весьма редко, и лишь Хэллис заходил так далеко, что расписывал, как они все будут насиловать её, если захотят. После этого ей надолго становилось очень беспокойно. Казалось, если только Хэллис подаст пример nepозволительного обращения с ней, все поддержат его. Но она продолжала иногда приходить без братьев. Потому что одно дело – тренировка, а другое – реальное сражение, в котором кому-то случайным образом не повезёт. А Сарма обязана была защищаться. Ребёнок перевёртыша должен был быть передан отцу. Вычислить отца ребёнка не составит

труда, даже если они действительно всем скопом изнасилуют её. Герцоги слишком различны. В крайнем случае дитя закрепят за пределом. Но дело даже не в потере ребёнка, а в бесчестье Сармы. Если она не сумеет защитить себя от посягательств, то не сможет больше считаться герцогиней и воином. Она станет сереной. Это точно.

Хэллис – настоящая мразь. Просто намекая на то, что может поднять соответствующую тему, он уже пугает последствиями.

– Этот счастливец – Нинио, – наконец сказала она.

Нинио был и есть сильнее и умнее Хэллиса. Нинио сможет отомстить за младшую сестру, насколько бы мало в этом ни было смысла. И Хэллис почуял угрозу. Он не боялся встреч с Нинио так же, как боялась Сарма спаррингов с Хэллисом, но и этого было достаточно, чтобы наследник Классика, внезапно подобравшись, кивнул ей отойти в сторону.

Сарма солгала. Она собиралась весь день провести с Эю за самыми приятными занятиями для того, чтобы усыпить свои мысли, орущие о том, что Хэллиса ей никогда не поставит на место.

Следующим утром она всё придумывала, как вознаградит себя после встречи с Хэллисом. И занятость собственными мыслями даже немного отвлекла её от того факта, что братья собрались идти с ней. Она бы предпочла одного Фанги в спутники, ведь он может промолчать, но пошли и Ю, и Айрелл. Оба будут осуждать Хэллиса вслух и громко, дово-

дя неудобство положения Сармы до максимума. Обладатели блестящего ума и обширных знаний, эти братья Сармы удивляли её абсолютным незнанием сути того, как измывается над ней Хэллис. Но, впрочем, это только её война и братья вправе даже не интересоваться её проблемами.

Однако в классический предел сегодня потянуло не только Ю и Айрелла – во внешних залах Хэллиса сегодня было полно герцогов из всех пределов перевёртышей. Неужели кто-то распустил негодные слухи об очередном унижительном избиении Сармы Дайиси?

Но все были одеты как для отдыха, пили крепкие напитки, мечами скорее развлекались, метали кинжалы, играли в карты. Это снизило напряжение Сармы.

И уж совсем неожиданно Ро предложил ей сыграть в одну старинную игру с фигурами и фишками, которую Сарма с детства любила, но которой почти не уделяла времени. И она начала получать удовольствие от игры, когда поняла, что Ро... проигрывает. Проигрывает, хотя она даже не напрягалась. Она была так удивлена, что решила дать Ро фору и позволила ему сбросить несколько рамок правил. Но это заметил подошедший Ю и возмутился.

– Дайиси решила победить Ро хоть как-нибудь, – прокомментировал происходящее Хэллис.

И Сарма про себя пожелала ему подавиться и сгореть, чтобы ей не пришлось в конце концов с ним тренироваться. Но он решил, что попал в цель своими словами и подошёл, что-

бы помочь брату. Сделал несколько правильных ходов за Ро, спас несколько его фигур и ушёл. Однако только отстрочил победу Сармы. И когда услышал об этом, очень удивился:

– Да не может этого быть! Не может же быть такого результата!

– Я сбит с толку, – сказал Ро и крикнул Ол-Бьян-Мину Лиффордскому: – Дайто! Сыграй со мной в приму.

И на месте Ро оказался Хэллис. Горло Сармы сжалось. Ей не нравилась сама мысль о том, чтобы быть так близко к Хэллису – он мог достать её рукой, немного наклонившись вперёд. Но она и сама себе не давала слишком много шансов открутиться, потому что при слабом везении у неё получиться намекнуть Хэллису, что он слишком пьян и перепутал игру и тренировку. И всё будет хорошо.

Однако Хэллис почти не пил – от него совсем ничем не пахло. Вообще. И, что ещё поразительнее – Хэллис тоже постепенно проигрывал Сарме. Он делал абсолютно верные ходы, мыслил правильно и быстро, был предусмотрителен, ничего не упускал, видел картину в целом, однако играл хуже Сармы. И, похоже, следил за подсчётом очков за время игры, потому что начал тщательнее продумывать каждый свой ход, что-то еле слышно и еле заметно шепча себе под нос.

– Может, изменим правила? – предложила Сарма.

Хэллис резко отказался, всем своим видом показывая оскорблённую гордость, и вскоре проиграл партию. Предложил реванш с изменёнными правилами и к концу снова ощу-

тил, что проигрывает. Запаниковал. Сарма, сообразив, что может отдохнуть за игрой, действительно расслабилась. Ставок нет, а Хэллис настолько выше неё рангом, что ни выиграв, ни проиграв, она ничего этим не добьётся. Но противник только сильнее напрягся. В середине третьей партии, в который раз проиграв одну из ключевых фигур, Хэллис вскинул голову, повернув лицо в сторону, и Сарма поражённо отметила, что он пытается не позволить пролиться слезам обиды и осторожно моргает, сжав губы. Взрослый мужчина, Хенера ему в душу!..

– Ты совсем не умеешь приводить к финальной позиции, – решила заметить Сарма. – Тогда без этого. Проигравшим будет тот, у кого количество фигур будет меньше. Засчитываем в любой момент игры.

Хэллис переменил позу и кивнул, не поднимая глаз. В полусумраке она заметила, как потемнели его щёки от прилившей к ним горячей крови.

Но Сарма не возликовала. Она искренне хотела бы ему проиграть, чтобы у него потом не возникло желания отомстить ей, вколотив её голову кулаками в каменный пол.

И, что самое странное, когда Хэллис выбирал ход, она видела тот же ход мыслей, которому подчинялась сама. Разве что она активнее атаковала и была в этом менее сумбурной. Хэллисом владела какая-то скованность мысли. Впрочем, она его понимала. Схлёстываясь с более сильным игроком в юности, она тоже ощущала себя учеником, видела

только гениальные стороны вражеской стратегии и совсем не видела слабостей. Потому и терялась.

Но она не смогла сдержать смех, когда Хэллис, изо всех сил стараясь, начал играть как несмышлёныш, проигрывая ключевые фигуры одну за другой. И тогда он вспылил, бросил в Сарму фигуры и вскочил.

– Эй, эй, успокойся, – быстро заговорила она. – У этой игры свои правила и тактики, которые подмечаются с опытом.

Хэллис, к её удивлению, прислушался к ней и осторожно спросил:

– Ты очень опытный игрок?

– Нет, не слишком.

– Как обтекаемо.

– Немного играла в детстве, до войны провела шесть часов в игре и вот сейчас.

– Значит, по-твоему, я непроходимый тупица?

– Я так не думаю. Мы мыслим почти одинаково, – честно сказала она. – Ты просто боишься меня. Я же – дочь Рашингавы. А значит я интеллектуалка, как ты считаешь. Потому тебе видится расчёт даже там, где его нет.

Хэллис сощурился, глядя на неё.

– Кажется, ты говоришь то, что думаешь. Какое доверие!

– Я стараюсь быть предельно честной с теми, от кого не вижу угрозы. И в то время, когда не вижу.

Хэллису её слова не понравились, но прежде, чем он сказал или сделал что-то ещё, его отвлек Кьёрен-Сэгерен, млад-

ший дракон Классика, подошедший в своей человекоподобной форме.

– А говорили, что ты будешь издеваться над Дайиси, – с интересом смотрел Кьёрен-Сэгерен, – физически.

– Кто тебе такое сказал?

– Кто-то мимоходом проговорил.

– Это наверняка были глупые слухи.

– Брось, это место похоже на ринг или цирк с удобными диванами вместо скамей. Ты хотел, чтобы все посмотрели на беспощадное избиение герцогини, потому и открыл этот зал. Все собрались, можешь начинать.

– Как всегда блещет любезностью и тактом, – закатил глаза Ю, оказавшийся рядом.

– Эта забава кажется такой глупой, – еле заметно подёргивая руками, заявил Хэллис, не сводя взгляда с Сармы. – Я хочу ещё партию.

Сарма уже не знала, чего в ней больше, раздражения, подавляемого страха или желания срочно придумать что угодно, лишь бы никогда больше не драться с Хэллисом. Но ведь этот момент вскоре настанет. Хэллис либо совсем разозлится и изобьёт её до полусмерти, либо ему надоест, он заскучает и будет гонять её по кругу ради развлечения прежде... чем всё равно изобьёт до полусмерти. Ю и Айрелл, собственно, пришли с ней, чтобы унести её, если она будет не способна двигаться. С одной стороны это тягостное ожидание расправы действует на нервы и хочется уже поскорее всту-

пить в бой, чтобы быстрее прийти в себя после всего и начать реабилитацию. Но сколько бы она об этом ни думала и что бы ни чувствовала, она всё равно стремилась отдалить бойню. Даже потеряв страх перед сильнейшей болью в юности, она не могла и в самом странном сне увидеть, что хочет драки с Хэллисом. Его жестокость ужасала её. И если с Ро она ещё хотя бы могла тешить себя надеждой, что ударит его по слабому месту, и, хорошенько разозлившись, изредка, один раз из пятидесяти, могла победить его, то Хэллиса победить словно было вовсе невозможно. Пропустить её удар он мог. Но никак не проиграть. В реальном сражении у неё был шанс нанести ему смертельный удар. Но вероятность погибнуть самой была много, много раз выше.

– Давай для начала сделаем все фигуры равными или уберём часть из них, чтобы было легче сосредоточиться на тактике захвата вражеских, – предложила она.

Хэллис кивнул, поднял с пола скатившуюся фигурку и поставил её на место.

– А, ясно, – словно рассеянно протянул Кьёрен-Сэгерен, повернулся к большому числу гостей лицом и объявил: – Господа, Хэллис желает научиться побеждать дочь Рашингавы с помощью одной только силы мысли, потому кровавого зрелища сегодня не будет.

Кто-то рассмеялся, кто-то что-то пробурчал, но все вполне спокойно восприняли новость и через полсвечи начали расходиться. Прежде, правда, подходя и справляясь о том,

удалось ли Хэллису победить Сарму. Что было почти бессмысленно, потому что Хэллис довольно громко возмущался и даже вопил и выл, когда попадал в особенно неприятное положение. Для себя Сарма отметила, что ни один из противников раньше не позволял так издеваться над собой, не заставляя её прилагать усилия.

В рамках "обучения" Сарма вдруг останавливала противника и объясняла, что ему нужно выбрать фигуру, которой он не готов жертвовать, потому что несколько других он сейчас лишится. Он много раз мог проиграть очень быстро и с оглушительным треском, и только Сарма спасала его от самого унижительного проигрыша. Что, впрочем, ненадолго помогало.

Меньше чем через свечу Хэллис был измотан и опечален.

– Почему, если мы не так сильно отличаемся друг от друга, я настолько отстаю? – спросил он, глядя в опустевший зал.

Ю и Айрелл всё ещё были здесь, но уже не раз грозились уйти и даже в шутку выманили у Хэллиса несколько десятков импералов за "аренду" Сармы.

– В следующий раз сыграем ещё, чтобы понять это, если хочешь, – предложила Сарма.

Хэллис кивнул и уточнил:

– Завтра.

Продолжение кошмара, значит?..

Тянуть это время перед избиением ещё и завтра!..

На следующий день никого, кроме обычного набора родственников, с ними не было. Разве что Фанги пошёл. Вероятно, боялся, что если он не пойдёт, то на него повесят Эю.

– Почему я не смог выиграть? Ты действительно не раздумывала над моими ходами как следует? – первым делом спросил Хэллис.

Сарма вздохнула.

– Я сейчас тебе кое-что скажу, что я поняла о твоей игре. Во-первых, ты выдумываешь сценарии, а не тактики. То есть ты решаешь, как я буду ходить в определённых случаях и когда я хожу иначе, теряешься и полностью меняешь тактику, а то и стратегию. А это всё... по-детски, Хэллис. Ты умён и изворотлив, в словесности и манипуляциях разумными просто удивительно, блистательно великолепен. Потому что продумываешь всё, что может сказать и сделать объект твоей очередной интриги. Вот и здесь так же. Все фигуры перед тобой, нет ни одной скрытой, следовательно, ты можешь анализировать и продумывать варианты за противника. Но не делаешь этого, потому что не хочешь обременять мозг ещё и моими задачами. Либо тебе не настолько интересно, либо ты не привык напрягать мозги. Первое или второе? Скорее первое. Честно говоря, я мучаюсь точно такой же проблемой. Я знаю, как ты должен ходить, потому что это логично, но и твои шаги я не продумываю немного дальше, чем хочу.

– Потому что я слишком паршиво играю, – мрачно сказал Хэллис.

– Возможно, – согласно кивнула Сарма, и Хэллис вызывающе вскинул подбородок, прежде чем красивым голосом слегка угрожающе процедил:

– Я слышал, физические нагрузки помогают мозгам сообщать лучше. Давай потренируемся, а потом сыграем.

– Если не будешь слишком наседаешь, чтобы я оставалась в сознании, – медленно проговорила Сарма, внутренне застоявшись.

– Хорошо, будет только немного неприятно, – пообещал Хэллис и взрастил меч.

Через пару мгновений он уже швырнул её об пол, и она едва не сломала нос. Кровь, во всяком случае, потекла.

Хэллис, увидев явный признак травмы, против обычая не обрадовался, а выругался и опустил меч.

– Я думаю, что на сегодня хватит. Дайиси, будем откровенны, воинское дело – не для тебя.

– Ты уже много раз говорил мне это. Но сегодня – всего лишь из-за моего разбитого носа. Что с тобой?

– Не хочу, чтобы ты залила кровью фишки и карту.

– Это действительно было бы не к месту.

– Тебе нужна помощь? – шагнул он к ней, всё ещё вытирающей нос платком.

Белая ткань, отороченная кружевом, уже покрылась чёрными пятнами крови.

– Да, но что ты сделаешь? – задала риторический вопрос Сарма.

Хэллис усмехнулся и достал из кармана крошечную склянку с белым порошком внутри. Немного высыпал на ладонь:

– Кровоостанавливающее. Можешь вдохнуть.

– Классическое коварство? Яд?

– О нет, это ваша семья славится отравителями.

– Ваша тоже.

– В любом случае, я предложил помощь, – холодно вскинул подбородок Хэллис.

Это его вскидывание подбородка за последние три дня уже начало казаться совсем не высокомерным, а... лошадиным. Хэллис словно конь пытался вырвать поводья у того, кто за них держался. У Сармы?

А она любила лошадей. Эти зверюшки, совершенно бесполезные для перевёртышей, были Сарме незнакомы и интересны. Ей всякий раз хотелось их потрогать. Она слышала, что они бывают очень добрыми и преданными друзьями.

И вдруг Сарма поняла, что до этого момента этот перевёртыш напротив, Хэллис, разговаривал с ней почти с теплотой. "Почти" – только потому, что для Хэллиса невозможна искренность. Классики не бывают искренни даже с посаженными на цепи рабами. Они слишком хорошо научены тому, что рабы не раз становились королями, а короли низвергаются до положения рабов и того чаще.

Но ладонь Хэллиса всё ещё была подставлена. Братья всё видят – они рядом и отомстят в случае чего. А Эю вырастит

и Кармин. И если Хэллис, как строптивый конь, внезапно подаёт ей знак того, что между ними может быть не только какое-то взаимопонимание, но и что-то большее, то хлестать по морде в ответ... просто опасно. Как и игнорировать.

И Сарма, старательно сохраняя хладнокровие, ткнулась носом в порошок на ладони того, кого панически боялась. Хэллис посмотрел на неё странно, чуть удивлённо и взволнованно.

– Я понял, – ещё ближе придвинулся он, заблестев глазами, и зашептал почти не слышно: – Я понял, как ты это делаешь! Ты каждому герцогу показываешь доверие, и каждый считает тебя своей протеей! И каждый щадит тебя так же, как и я теперь. И потому только ты до сих пор не уступила герцогство.

– Я... я... – растерялась Сарма. – Что за чушь ты несёшь?!

– Многие, наверное, рады учить тебя искусству в обмен на это чувство, которое ты у них вызываешь.

– Какое это чувство? – непонимающе спросила она.

– Приятное. Перестань разыгрывать идиотку! Я тебя раскусил!

– Ты первый начал!.. – возмутилась Сарма и тут же выпалила: – А когда я последовала по показанному тобой пути, ты наверняка опять придумал свой сценарий. Но не подумал, что он может не соответствовать действительности в корне!

И сердито вытерла нос.

Хэллис неожиданно рассмеялся, откинув голову. Достал

свой платок и принялся вытирать лицо Сармы:

– Ты крайне смешно и глупо выглядишь.

– Чушь сморозил ты, а глупо и смешно выгляжу снова я? – возмутилась Сарма.

– Из-за крови и порошка на носу. Нет, из-за своего женского коварства ты как прежде выглядишь достойной герцогства в классическом пределе.

– То есть редкостной стервой?

В ответ на оскорбление Хэллис выдал её ровно одну средней силы пощёчину, от которой голова Сармы зазвенела.

– Заткнись и давай сыграем, – сразу же примирительно сказал он.

Возвращались в предел молча и целыми. Но Фанги всё же сказал:

– Хэллису ты явно нравишься. Столько времени прошло, а он только сейчас разглядел твоё очарование.

– Что? – переспросила от неожиданности Сарма.

– А у тебя перед глазами случаем не стоит вид откровенно смеющегося Хэллиса? Лично я такое видел практически впервые. Если бы не существование Кармина, то я бы поставил на то, что Хэллис...

– Не продолжай. Мне кажется, он не знает, что я в контракте. Но он небывало мягок со мной, что говорит о том, что он в курсе всего произошедшего. Разве что задумал какую-то подлость.

– А я думаю, что он не видел тебя целый год, а после встре-

чи вдруг понял, что его сердце ушло прямо к тебе в руки. Оттого так мил и почти не избивал тебя.

– Я... я... не думала, что ты способен вообразить себе такую романтическую историю, Фанги. Это на тебя не похоже и так невероятно, что я бы посмеялась, если бы могла.

– А что такого невообразимого в сердечных склонностях? Впрочем, хватит говорить в таком ключе о Хэллисе. Да, верно, будь с ним начеку. И не давай ему даже рядом находиться с Кармином и Эю. Хенер знает, что там у Хэллиса в голове на самом деле.

Сарма щурилась, пока совсем не закрыла глаза. Да, лицо Хэллиса стояло у неё перед глазами. Он редко так смеялся. Обычно он хохотал так с некоторыми из герцогов, с драконами, с несколькими принцами и считанными придворными. Никто из этих избранных не был женщиной и не считался хоть немного слабее Хэллиса. Все остальные были для него либо слишком глупы и бесхарактерны, либо подходили под категорию возможных врагов.

О чём всё это говорило?

Сарма запуталась. Сердце говорило ей, что Хэллис в своей новообретённой снисходительности к ней не лжёт и ничего, ровно ничего не замышляет. Но поверь она в это, действительно заплакала бы, растрогавшись. А её сложно было растрогать. Даже исповедь Кармина о подавлениях восстаний не тронула её душу так же, как одна лишь мысль о том, что Хэллис впервые чистосердечен. Она слишком давно зна-

ла Хэллиса.

Но, только войдя под своды верхней части предела отца, Фанги вдруг повернулся к Сарме, взял её за плечо и отвёл в одну из светских гостиных, чтобы закрыть двери и очень тихо сказать:

– Сарма, послушай то, что я хочу сказать. Мы все видели, что ты обожаешь своего сахарного мальчика, но Нинио передал мне просьбу быть внимательным к нему, и я хочу предупредить тебя об этом.

– Быть внимательным в смысле?..

– Да, в смысле быть подозрительным.

– Так это именно Нинио не доверяет ему? – переспросила Сарма.

– Ему никто не доверяет. Он кажется очень милым, но не стоит забывать, что ещё год назад он был нашим врагом.

– Брось. Даже если в его помыслах враг – это я, то все мы знаем, что не каждый стремится убивать своих врагов. Большая часть мудрых разумных недругов... конечно же, использует... А Кармин глупым не кажется.

– Он слишком молод для истинной мудрости. И потом... даже не в этом дело. За четверть свечи до подписания твоего контракта отец лично попросил Нинио приглядывать за Кармином. Отец считает, что Кармин никак не может навредить пределу изнутри, но всё же что-то с ним не так.

Сарма тяжело сглотнула, а Фанги, немного помолчав и оглядев гостиную и взглядом измерив расстояние до любых

поверхностей, за которыми может кто-либо прятаться, снова обратился к ней:

– Из-за Хэллеса с его дрянным характером и резкими поступками ты можешь почувствовать, что теряешься. А в таких ситуациях так и тянет полагаться на ближайшего союзника – возлюбленного, но послушай, ты не должна проникаться к Кармину большим доверием на фоне выходов Хэллеса. Это будет ловушкой, в которую ты сама себя загонишь.

Сарма только печально кивнула.

Возможно, Кармин её не простил, и отец увидел это в глубине души варлорда. Да, этот "сахарный мальчик" действительно сладко говорит и может быть и не причинит никакого вреда, но внутри у него может прятаться что угодно.

Размышления о том, какие мысли скрывает в своей голове Кармин, насовсем вытеснили образ Хэллеса.

Кармин вернулся в предел после ужина, утомлённый, задумчивый и вымокший под дождём, но всё равно красивый до невероятного, и Сарма решила осторожно начать расспрашивать его, чтобы выведать, о чём он думает, что его заботит.

– От чего ты возвращаешься так поздно? – сразу же спросила она, увидев Кармина входящим в её спальню.

– А... – начал было он, но тут развернулся к ней, и его взгляд упал на её лицо: – Это кто же во время тренировки оставляет на лице женщины такие жуткие отметины?

– Это не так уж важно. Мне, можно сказать, откровенно

повезло сегодня, – быстро говорила она, стараясь перевести тему от ссадины на щеке и проступающего огромного синяка вокруг носа, на скуле и под глазом. – Да и вчера тоже повезло. И... Кармин, ты что же, никому не говорил о нашем контракте?

– Нет. Условия контракта для меня одновременно удачны и унизительны. Потому я молчу о нём.

– Похоже, молчали о нём и все те, кто любит меня. Потому как, похоже, слухи до сих пор не разошлись по империи.

– Это не входило в твои планы?

– У меня не было планов на этот счёт. Я думала, что слухи – это что-то вроде отражения естественного процесса. Но если не вчера они дошли до тех, кого не нужно, то дойдут завтра. Я не верю в удачу.

Кармин подошёл, пока Сарма говорила, скинул плащ и верхнюю рубашку, стащил сапоги и забрался в изножье кровати, чтобы сесть напротив серены и хмуро, почти как Фанги, взять на руки слишком довольную Эю. Малышка цапнула Кармина за волосы и дёрнула их к себе в рот. Кармин принялся вытаскивать волосы из руки Эю и ласково, так, чтобы не напугать дочку, говорить:

– Мне не нравятся твои шрамы, ссадины и кровь. Ещё ужаснее видеть их совсем свежими. Я бы хотел, чтобы ты больше не ходила на тренировки с другими наследниками. Тренируйся только со мной, братьями и сёстрами, пожалуйста.

– Только если откажешься от своего искупления нас всем, – быстро нашлась с ценой Сарма.

Кармин тихонько застонал.

– Я не могу, – наконец сказал он. – Давай так: я не выхожу на ночные захваты, а ты больше не тренируешься с тем, кто сегодня сделал это с тобой.

– Я в свою очередь должна сказать, что не могу. Это Хэллис из первых наследников Классика. Я бы очень хотела не только не тренироваться с ним, но и позабыть его облик, но он всегда стоял во главе моих недоброжелателей, и я не могу спасовать перед...

– Этот ублюдок так сильно хочет тебя?

– Что? – Сарме показалось, что она ослышалась – Кармин ни разу не сказал ни одного грубого слова за всё время их знакомства.

Кармин очень серьёзно смотрел на Сарму, подняв голову от Эю настолько, насколько дочка позволяла, упрямо удерживая своего отца за волосы. Кармину явно больно. И теперь уже Сарма принялась вытаскивать его волосы из руки Эю.

– Только не будь наивной, Сарма, – тихо сказал Кармин. – Недоброжелатели? Серьёзно? Все они всего лишь хотят тебя, поскольку ты – сильнейшая. А все их нападки только от того, что знают, что ты никогда не достанешься им. И для Хэллиса ситуация очевиднее, чем для всех остальных. Может быть, конечно, он так же молод и неопытен, как и я, и не отдаёт себе отчёта в своих действиях, но я в это не верю.

Сарма молчала, путаясь в обрывках мыслей и не успевая ни одну из них поймать за хвост. Она понимала только то, что Кармина не выйдет расспросить о том, что он думает о ней на самом деле, потому что он сильно разозлился. Лишь не показывает этого.

– Впредь и я буду ходить на тренировки с Хэллисом, – твёрдо сказал ей Кармин.

– Нет, – так же твёрдо ответила Сарма. – Если ты хоть раз обнажишь оружие против них, то они поймут, насколько хорош твой навык. Что тогда будет? Я этого не представляю.

– Думаешь, отравят моих братьев?

– Как вариант.

– Если мне придётся с кем-то сойтись в тренировочном бою, то после я приму меры. Значит... ты говоришь... мой навык... на какое место в рейтинге наследников ты поставила бы меня?

– Твой уровень точно никак не ниже, чем у первых герцогов. Очень уж сложно говорить конкретно, извини. И снова извини: я не хочу, чтобы ты ходил со мной на тренировки с герцогами. Это будет выглядеть так, будто... папочка приглядывает за своей девочкой.

– Всё правильно. В отсутствие принца Рашингавы – я твой папочка.

– Перестань. Ты ещё юноша, неопытный и наивный. Ты не знаешь, кто из наследников способен на подлость, а кто не знает, что это такое. Нужно хоть немного знать наследни-

ков принцев, чтобы суметь вмешаться своевременно. На это есть мои братья. И пусть они не идеальны, но на них можно положиться. Они почти всегда ходят на тренировки вместе со мной. А в предел Классика – так вообще всегда.

– В таком случае...

– Нет. Это моё герцогство, моя честь и моё кинье. Я должна сама поддерживать своё достоинство и права.

– Что? Права? Сарма, милая, я ни в коей мере не хочу тебя обидеть, но кто внушил тебе, что от твоей чести зависит наличие у тебя прав на герцогство? – с напором заговорил Кармин. – Герцогство у тебя только пока ты сильнейшая из дочерей Рашингавы. Только потому. Всё остальное для твоего отца не важно. Увязая в ненужных нюансах, ты рискуешь потерять само герцогство. А если именно таков план Хэллеса? Заставить тебя нервничать и допускать ошибки? Что если он хочет, чтобы ты продолжала приходить на эти якобы полезные сборища богатых мужланов? Это же полный бред! Всё, что должно тебя заботить – это то, каким образом стоит поддерживать свой навык на недостижимой для сестёр высоте. Но нет, ты думаешь о том, чтобы что-то доказать мужчинам. Сарма, не нужно ничего доказывать им. Одним ты ничего не докажешь, потому что они упёрты, а другим ты уже всё доказала одним своим существованием. Разве не так?

– Ты вот так берёшь и отвергаешь всё то, ради чего я боролась больше века. Ты в своём уме? Думаешь, никто раньше не говорил мне этого? Кармин, твои деспешники и то,

что ты работаешь с ними – то же самое. Мы оба прекрасно понимаем, что это не то, что тебе нужно, но ты не отказываешься от этого. И у меня так же. Доказывать Хэллису и другим, что я не боюсь их – это значит заставлять их уважать герард и серен. Каждый раз я словно заново учу их тому, что женщины – это не только платное средство для производства наследников. Что это существо, которое на многое способно – только дай время и свободу действий.

– Они с самого начала знали это, Сарма. Все. Недаром же в войсках полно герард. Это же словно признание "Да, герарды талантливы, не менее талантливы, чем мужчины". Но дай мужчины свободу своим серенам, разве у них стало бы от этого больше детей? Нам дико повезло с твоими сёстрами – с тем, что они не против присмотреть за Эю. Большинство герард не хочет тратить свои годы свободы на такое.

– Ты прав, но... я всё же не устану ратовать за лучшее отношение к нам, женщинам. И потому...

– Я боюсь, что в результате улучшится отношение наследников именно к тебе, а не ко всем женщинам в целом. Это ты вызываешь уважение, а не серены и герарды. Только ты достойна герцогства, а не твои сёстры. Только ты так желанна для Хэллиса, что он не может сдержать свою злость от того, что ты ему недоступна.

– Я... должна подумать над этим позже, Кармин. Моё нутро сопротивляется мысли о том, что я зря терпела наследников и добилась совсем не того, чего хотела. Но на счёт того,

что мне не нужно подтверждать своё право... сейчас я уже чуть лучше смотрю на это. Может быть, завтра утром я дозрею до того, чтобы действительно принять это. Но нет... это же точно так же похоже на то, что ты говорил мне. Помнишь, ты совсем недавно сравнивал себя с Накханским принцем и не хотел принимать от меня титул только потому, что ты...

– Я помню. То есть ты хочешь быть требовательной к себе и добиваться большего и лучшего? Я уважаю это. Ты можешь поставить себе новые, прекрасные цели, Сарма, но на этот раз не отвлекаться. И Хэллис не сможет манипулировать твоим пониманием своего предназначения.

– Хэллис хитёр. Едва он поймёт, что для меня важно, как начнёт собирать ловушки, одну за другой. Он упрямый и хитрый.

– Но ты будешь осторожна... Так... теперь-то я смогу посещать с тобой тренировки? Я бы даже не обнажал меча – только смотрел. И... кажется, Хэллису надо сказать, что ты в длительном контракте.

– Что если он захочет убить тебя?

– Это не так-то просто. Я почти всегда настороже. Разве что ты могла бы прикончить меня.

– С чего ты взял?

– Только тебя я готов подпустить так близко. Готов подпустить твои губы и руки к своей коже... везде-везде. Погладишь меня сейчас?

– Эю ещё не спит.

- Она уже засыпает. Можешь начинать.
- Её глаза всё ещё широко открыты.
- Но её взгляд уже затуманен.
- Вовсе нет, – улыбнувшись, покачала головой Сарма.
- Тебе всего лишь не видно с того места, где ты сидишь.

Посмотри внимательнее.

Едва придвинулась и заглянула в сверкающие серые глаза дочери, как горячие губы и руки Кармина приникли к обнажённой коже Сармы.

Ловушка. Слишком приятная.

Его рот влажный. Его пальцы уже там, где им ещё рано быть. Но это действует шокирующе точно... отрекаясь от всей своей жизни снова, Сарма увлекла Кармина на прохладный пол. Но это не остудило варлорда. Наоборот.

– Эю не спит! – задыхаясь, произнесла Сарма.

– Вот увидишь, наша умная девочка нам не помешает, – точно так же задыхаясь, проговорил Кармин, залившийся румянцем, кажется, полностью.

– Ты не уверен.

– Но я прав.

– Нет.

– Мы проверим.

Эю почему-то оказалась спящей, когда Кармин поднялся с пола, ещё бледный от всего только что пережитого на вершине удовольствия, но уже мягко сияющий и довольный.

– Чему ты так рад? – не торопясь выговорила Сарма.

– Тому, что сумел доставить тебе удовольствие, не смотря на то, что я... как ты сказала? Наивный неопытный юноша.

Сарма тихо рассмеялась. Кто бы мог подумать, что алмазный варлорд будет радоваться такому!..

– Не можешь же ты не понимать, как хорош собой?

– Не хотелось бы рассчитывать только на свою внешность в таком важном деле, как удовлетворение великолепной Сармы Дайиси, – сказал Кармин, с непроницаемым лицом усаживаясь на край постели. С этой позиции ему хорошо была видна Сарма, всё ещё распостёртая на полу, в едва запахнутой рубашке.

– Неужели таком уж важном? – Сарма неуверенно свела ноги, проследив за тем, чем именно любитесь Кармин.

– Можешь не сомневаться, – покачал головой он и заглянул ей прямо в глаза. – Для меня это задача первостепенной важности.

Оставалось только смущённо хихикать от того, как серьёзно смотрел на неё Кармин, говоря такое.

Кармин никогда в жизни не думал, что действительно захочет кого-нибудь отравить. Но это случилось.

В те дни, когда его жизнь словно вплелась в ткань из нитей чистой любви и следования целям искупления, в идиллию чудовищным образом ворвался некто неприятный. Искупление и любовь никуда не делись, но чужак уничтожил понимание правильности происходящего, которое существовало

до сих пор в голове Кармина.

Хэллис приехал в предел Рашингавы и потребовал встречи с Сармой, видимо узнав, что она всё же подписала контракт с мужчиной. И она встретила с Хэллисом. Всё это происходило в отсутствие Кармина, и потому о том, каким унижениям Хэллис подверг Сарму, ничего не удалось узнать. Она ничего не говорила вечером, только замкнулась в себе так надёжно, что почти перестала слышать плач Эю. Кармин быстро понял, что сказанное Хэллисом наверняка потрясло Сарму как ничто до сих пор. Она никогда не застывала в такой каменной неподвижности, никогда не была так тиха, никогда не смотрела в одну точку так долго, бесконечно долго. Не слышать плач беззащитной крошки Эю? Хэллис поработил сознание Сармы до непостижимого серьёзно.

Сарма приняла объятия Кармина так отсутствующе, будто бы вычеркнул его из комнаты, сделай невидимым для любого вошедшего тотчас – и ничего не изменится, а сторонний наблюдатель ничего не заподозрит.

Но желание отравить Хэллиса возникло не тогда. Оно возникло в следующую тренировку Сармы с наследниками принцев. Герцоги пределов на сей раз собрались по приглашению Нинию. Кармин, по воле случая оказавшийся в пределе Рашингавы в дневное время, был допущен в качестве наблюдателя на тёмную верхнюю галерею вместе с юнцами, едва постигающими науку меча и амбициозными герардами со свежими лицами, не тронутыми краской. Наблюдатели

не должны были говорить и топтать или шуршать одеждami, но правило едва ли выполнялось. Тем не менее, на галерею словно прицельно несло каждое слово герцогов и Сармы:

– Скажи мне, Нинио, как Дайиси оправдывала свой внезапный контракт?

Вопрос задал худощавый варлорд в бледно-голубой рубашке с тщательно вышитым алым узором. Чуть выше среднего роста, со здоровым лёгким румянцем на щеках, этот парень держался вполне естественно. Его можно было бы назвать красивым, но нос и подбородок казались слишком острыми и выдающимися, с линией рта определённно что-то было не так, а контраст кожи оттенка шоколада с молоком с чёрными глазами и густыми бровями врзлёт выглядел скорее отталкивающим, чем приятным. Волосы этого мужчины, по оттенку и длине схожие с волосами Сармы, настроили Кармина на симпатию. Он даже сначала подумал, что это ещё один герцог предела Рашингавы, но варлорд вдруг бросил такой странный взгляд на Сарму, что стало ясно, что никакой он ей не брат и не племянник.

Нинио рассмеялся:

– Ты всерьёз считаешь, что Сарма стала бы оправдываться перед кем-либо? Да она даже отца своего может оскорбить – такая нахалка.

– Но тебе же она поведала, отчего такая перемена?

– Что ты хочешь услышать, Хэллис? – вмешалась Сарма. – Что я отхватила самого лучшего из мужчин и потому изме-

нила взгляд на возможность барка?

– Расчёт всё объяснил бы, – покрутился на месте Хэллис, спрятав взгляд. – Но что-то здесь не так. Вышла бы за принца Адмора. Но нет, ты ждала. И дождалась алмазного варлорда. Сомнительно, чтобы сам ясновидящий сказал тебе о том, что в твоей постели может появиться такой... клиент. Нет, узнала о надвигающейся на империю армии алмазного варлорда ещё на Клервинде и начала готовиться к похищению одного из его юных сыновей. И пока лучшие бойцы Бесцейна не щадили себя, ломая мечи о броню пришельцев, ты, Дайиси, выбирала себе красавца, чтобы отдать команду своим герардам и утащить его прямо с поля боя, так?

Сарма вздохнула:

– Увлекательная история, но...

– Она доказывает, что жалким похотливым шлюхам не место на поле боя, – громко закончил Хэллис.

– Не трать силы на слова, – Сарма быстро и холодно отозвалась на почти не завуалированное оскорбление. – Они ничего не решат, ни на что не повлияют. Тебе так и придётся терпеть меня в составе наследников, чтобы ты ни говорил и что бы ни делал.

– Правда? А я советую тебе не приходить на встречу со мной без Нинио и Фанги, потому что без их защиты ты не сможешь оставаться такой спокойной в моём присутствии.

– Как же это пошло, – вырвалось у Кармина.

Он даже закрыл лицо ладонью – так стыдно ему стало за

беднягу Хэллеса. Смотреть на этого парня казалось невыносимо – так он был обескуражен втайне.

Герцог Классика явно уже понял, что ошибался во всём, что касается Сармы, понял что опоздал, искусал губы, поколотил подушку ночи две-три, и, в конце концов, жутко обозлился. Но глупая влюблённость, граничащая с обожанием, всё ещё просвечивала через ненависть к себе, идиоту, в этом бедняге Хэллесе.

– Это кто там решил спрятаться, когда его серене обещают жёсткий секс? – прозвучал голос Хэллеса чуть ближе.

Кармин отнял руку от лица и взглянул на своего неудачливого соперника в любви. Хэллис с интересом и затаённой ненавистью разглядывал Кармина.

Отлично. Хэллис жаждет сорвать на ком-нибудь свою злость, но срывать её на Сарме он, кажется, не может. И лучше всего в такой ситуации для битья подойдёт счастливый соперник. Но Сарма права – нельзя показывать своих возможностей. Значит, надо увилывать от драки с ним.

– Или всё это глупые слухи и Сарма всё ещё абсолютно свободна? Тогда...

– Нет, Хэллис, я состою в брачном контракте, – быстро ответила Сарма.

– Отчего же твой хозяин молчит?

– Я не разрешала ему говорить.

– Ну надо же. Опять разыгрываешь из себя важную леди. Но, я уверен, это он ставит тебя на колени, а не наоборот.

Потому что тебе это нравится. И ты всегда этого хотела, не так ли? А все твои прежние слова только для того, чтобы завысить свою цену. Всё, точка. Убирайся из этого зала, Дайиси. Тебе здесь не место.

– Я останусь здесь до тех пор, пока мой отец будет считать это уместным. Только он способен определить, куда и с кем мне приходиться. Или ты, Хэллис, заботишься обо мне больше моего отца?

– Чуть больше. Потому что ему ты полностью безразлична. А меня могла бы заинтересовать... как подстилка, пожалуй.

Именно на этом моменте Кармин понял, что Хэллис угодил в больное место Сармы. Отец. Серены соглашаются на браки с чужими их сердцу мужчинами ради того, чтобы любимый папочка получил больше денег за контракты. Серены хоронят свою гордость ради удобства, положения и счастья своих отцов. И всегда так было. Эта любовь дочерей жертвенна и священна у перевёртышей всех рас и народов. И эта любовь иррациональна и даже глупа настолько, что даже будучи самой сильной из неисчислимого множества дочерей, Сарма будет глубоко уязвлена очередной мыслью о том, что безразлична принцу Рашингаве. Подумает ли она о том, то Хэллис сказал это только для того, чтобы причинить ей боль? Или решит, что если даже Хэллис заметил нелюбовь принца к своей дочери, то любви действительно нет?

О, последнее. Сарму зацепило – Кармин увидел это по её

плечам, чуть опустившимся, по всей фигуре, по разлившейся по линиям её тела печали.

– То, что отец разрешил ей выйти за мужчину самого совершенного физически, а не самого богатого, как раз и говорит о его любви к Сарме, – прежде всех вмешался Ю. – Ты, Хэллис, что-то не до конца понимаешь в том, с кем следует заключать брачные контракты.

Хэллис обернулся к Ю и увидел свою новую мишень:

– Я думаю, что твоя сестра, Ю, грязная шлюха, которой здесь не место.

– Можешь думать что угодно, только заткнись уже.

– Нет же, я утверждаю, что смогу заставить её принять свою истинную сущность весьма и весьма дешёвой шлюхи.

А вот это уже обещание.

Кармин начал продумывать состав яда и способ накормить им Хэллиса.

– Я вынужден напомнить тебе, что оказывать любое влияние на мою сестру ты не вправе, – прервал размышления Кармина Ю. – Это касается законов разграничения власти пределов, если помнишь.

– Законы чести велют мне изгнать её из рядов защитников империи, – громче и внушительнее, чем прежде, проговорил Хэллис.

Кармин тяжело вздохнул. Могло показаться, что достаточно было бы разыграть перед Хэллисом историю о неземной любви, которая бросила Сарму в объятия Кармина, но

он точно знал – Хэллис этому не поверит. А если и поверит, то ни за что не покажет этого, чтобы продолжать оскорблять Сарму.

– В таком случае, защищай закон своей чести, – переиначил слова Хэллиса Ю. – А я буду защищать права своего отца.

Клинки блеснули, и началась одна из самых безобразных, но при этом быстрых драк из всех, какие Кармин видел на этой планете. Кармин почти сразу же потерял к Хэллису остатки сочувствия – герцог Классика атаковал, целиком и полностью полагаясь на болевой эффект и запугивание. От метил в глаза и пах, был дик и необуздан, метался вокруг Ю, не позволяя расслабиться. Ю же явно предпочитал эффективность и метил в сердце и горло. Но Хэллис так хорошо защищался, что только крайнее напряжение всех сил могло бы помочь любимому брату Сармы нанести смертельно опасный удар.

Наконец Ю пропустил один удар по касательной, отчего кончик меча Хэллиса кровью прочертил линию от левой скулы Ю и разрезал ему ухо. Ещё какое-то время Ю показывал превосходную концентрацию, но совсем скоро пропустил очевидно сильный удар по виску чуть выше кровоточащей раны – Хэллис, промахнувшись в прямом ударе и получив подножку, поменял ось движения, согнул руку и ударил в голову Ю локтем. Это было не запланированное действие, но именно оно вызвало у Ю временное помутнение

сознания. Кровь с шипением, серыми облаками вскинулась в обе стороны от Хэллиса – он принялся хлётко сечь корпус и спину противника. Его удары в первые мгновения ещё не были смертельными, но Кармин мгновенно осознал, что если никто не остановит его, а Ю срочно не взрастит доспех, то потеря крови для брата Сармы может стать рискованно сильной, а важные органы никогда не восстановятся.

И Кармин бросился на Хэллиса. Тот явно ожидал сторонней атаки и будто бы с припасённой яростью обрушился на Кармина. Но чтобы смутить разошедшегося герцога, достаточно было взрастить тонкий слой алмазного доспеха и одними руками ловить меч Хэллиса. Что, однако, оказалось не так-то просто. Но Кармин заставил себя смеяться. А потом действительно развеселился – меч Хэллиса слегка ранил ему руки в местах, не слишком хорошо защищённых – на внутренних сгибах пальцев и запястьях. А из-за смешавшейся на кончике меча крови Кармина и Ю, клинок стал скользким и удержать его стало ещё сложнее. Это походило на какую-то забавную игру. Хэллис быстро взбесился до какого-то невероятного предела, заскрежетал зубами, и захватывающе приятное садистское тепло разлилось по телу Кармина. Небольшая боль от ран и пощипывание в руках в купе с неожиданным удовольствием, заставляли Кармина продолжать игру. Он позволял себе вздрагивать от особенно сильной боли и оглядывать руки, но не переставал посмеиваться и снова атаковать пустыми руками. Хэллис стал серьёзнее, немного

пришёл в себя, осознал ситуацию и присмирел, но Кармин не оставлял его даже после того, как загнал в угол. Руки Кармина уже отчаянно кровоточили, но удовольствие заигрывать с Хэллисом оказалось каким-то запредельным и останавливаться не было сил.

В конце концов, Кармин начал задыхаться, отошёл и согнулся пополам, чтобы отхохотать своё. Хэллис не напал на него. Он стоял в углу и собирался с мыслями. Выражение лица Хэллиса, поза и взгляд были знакомы Кармину. Оказываясь в юности в подобной ситуации во время ссор с дядюшками и старшими кузенами, Кармин ощущал, как сжимается горло, пытался сглотнуть внезапно вязкую слюну и вдохнуть сухой, горький, царапающий носоглотку воздух, нервничал и собирался с духом, ожидая новую, возможно смертельную атаку в свою сторону. А теперь он оказался на месте своих дядюшек.

– Поиграем ещё как-нибудь? – спросил Кармин у Хэллиса, не переставая улыбаться. – Кажется, если прерваться сейчас, в следующий раз будет почти так же весело.

Хэллис ответил напряжённым взглядом, и травить его окончательно расхотелось, что хорошо, потому как убивать в империи Бесцейна ему, Кармину Тахри, нельзя.

Позже Кармин узнал, что поступил абсолютно правильно. Взрастив даже очень тонкий доспех, он нивелировал впечатление о своих боевых навыках. Большинство решило, что бесстрашие перед опасным противником и почти бездумная

напористость, какие показал Кармин, была бы свойственна любому, кто вырос в шкуре алмазного варлорда. Ну а вмешавшись в бой Хэллиса и Ю, Кармин, как посчитали присутствующие, всего лишь молча подтверждал свой контракт с Сармой. И потому, пусть произошедшее на этой тренировке и превратилось в объект для сплетен, никто не сделал никаких опасных выводов.

К сожалению, Кармин недооценил ум Хэллиса, его характер и силу чувств к Сарме, так несвоевременно вспыхнувших. Не знал он и того, что Хэллис серьёзно отравлен горькой, саморазрушительной злобой.

Сперва это было всего лишь дурацкой случайной встречей.

После очередной тренировки у Адмора Сарма шаталась по улицам Коллуэя с братьями, решившими посмотреть на танцовщиц в бельведере дворца Карих Глаз. Она знала, что Кармин собирался патрулировать улицы Ньюна этим вечером и всё равно до ночи не появится в пределах. Как вдруг увидела впереди идущего Хэллиса. Она пронаблюдала, как к тому же дворцу, что и её братья, он не торопясь двигается в сопровождении Шена, Гарета и Джеана Лифордских. Только Ро не хватало для полного сбора самых ненавистных противников Сармы.

Но братьям это настроения ничуть не испортило. Все давным-давно знали, что Хэллис – жуткая сволочь. Но при этом

его уважали и ценили, им восхищались как бойцом и невероятно живучим, бесстрашным парнем.

Входя под своды дворца, Сарма почувствовала, что Хэллис знает о том, что она близко. И ей бы стоило струсить и повернуть назад хотя бы для того, чтобы спасти нянюшек от Эю, но упрямая гордость заставила Сарму поднять голову и шагать вперёд. Все его оскорбления должны были остаться только словами, и герцогиня готова была проверять это снова и снова, испытывая свою смелость.

И вот все они вместе пьют келлер и смотрят на танцовщиц, тихонько болтают между собой и раздражаются немилосердно громким, раскатистым смехом. Всё, кажется, в полном порядке. Всё как раньше.

Но не забытья. Чувство, что Хэллис рядом, не даёт расслабиться. Сарма заказала себе благовоний. Глядя на завитки дыма и вдыхая его, она немного отвлеклась.

Не единожды она поймала на себе взгляд Хэллиса. Но не ожидала, что он сделает ей знак отойти в сторону. Взяв одну из курящихся палочек, Сарма встала с дивана и прошла между круглой сценой и братьями, чтобы подойти к краю широкого балкона и посмотреть на пригород. Сейчас, в сгустившихся сумерках, он был особенно хорош – так уютен и сверкающ, что даже забывалось, что Коллуэй – царство всевозможных пороков и праздных удовольствий, способных значительнее сократить жизни братьев, чем усладить их существование.

Хэллис подошёл к герцогине с бокалом шоколадного келлера в руке. Он какое-то время молчал, глядя на огоньки, освещающие дорожки парка внизу, мерцающие из-за сильного ветра, треплющего листву.

Полы его длинной красной рубашки взметнулись и серебристая отделка, изображающая волны цветов, шлёпнула Сарму по ноге, обутой в высокий сапог из тонкой кожи.

В ответ Сарма решила первой нарушить тишину:

– Партию в мэхдо?

– Когда-нибудь, – кивнул Хэллис. – Играть с тобой было очень приятно. Но сейчас я не смог бы сосредоточиться на этом. Я кое-что узнал. И ты должна узнать это кое-что.

– Хорошо, говори.

– Я узнал все подробности того, как ты похитила Кармина Тахри. И я должен перед тобой извиниться...

– Ты способен на это?! – вскричала, не сдержавшись, Сарма.

– Боги... перестань. Ну конечно же я способен на это! Тем более недавно понял, что на самом деле ты мне... даже несколько... симпатична. Потому я приношу свои извинения – ты ни в коей мере не предала воинское братство. Однако, Сарма... предали тебя.

– О чём ты? Мои дела в полном порядке.

– Может быть так и останется. Вот только я был дотошен, и мои парни смогли допросить всех в доступной зоне, кто когда-либо имел дело с Кармином Тахри.

– Он не сын Деказруа Шестого? – вырвалось у Сармы.

Когда Кармин играл с Хэллисом, то ей вдруг показалось, что разница в их способностях и навыках даже больше, чем она предполагала прежде. До нападения Деказруа в неофициальном боевом рейтинге Хэллис стоял бы между близнецами Си – легендарными фехтовальщиками крылатых. Именно они продолжали изматывать царя алмазных после Накханского принца, и один из братьев нанёс смертельную рану. И если, в таком случае, Хэллис по боевым навыкам ненамного слабее Деказруа Шестого, то, выходит, Кармин гораздо лучший боец, чем даже его отец. Скорее всего, Кармину Тахри, несмотря на молодое, свежее лицо и наивные глазки, вовсе полторы сотни лет, как он сказал. И, быть может, Кармин Тахри вообще не был в рядах наследников во время нападения. Может быть, муж Сармы – это кто-то, посланный узнать, что произошло с Деказруа Шестым. Может быть, это сын нового царя или даже следующий претендент на трон империи Деказруа.

– Это бы многое объяснило, – с неудовольствием проворчал Хэллис, но тут же вскинул голову, чтобы сказать: – Но нет, он действительно тот, за кого себя выдаёт. Дело в другом. А именно в его планах на тебя. Скажи, он до сих пор держит тебя на короткой цепи за то, что ты заточила его на год в своём подземелье?

– Н-нет... Нет, Хэллис. И пусть это не твоё дело, но я скажу: он простил мне то, что я сделала.

Хэллис фыркнул:

– Как великодушно и благородно с его стороны!

– Ты не веришь в его чистосердечие? Он действительно милый мальчик, Хэллис.

– На словах. Знаешь, что твой милый мальчик делал в первые же дни в империи, пока залечивал раны? Он расспрашивал о состоянии дел, рассказывал о своих женщинах и болтал с охраной о Невероятной Канели и о тебе. Его держали в отдельной камере и охраняли десятки военных. Десятки действительно, по-настоящему чистосердечных мальчиков. И каждый рассказал твоему милому мальчику какую-то деталь о паре самых талантливых женщин-перевёртышей в империи Бесцейна. О том, насколько вы обе уникальны и во сколько примерно оценивается контракт с вами. Как выглядите. Чем отличаетесь. Кто ваши отцы и чем отличаются они. В адаптационном лагере Кармин уже всё распланировал. И... как?! Почему у тебя, когда ты увидела его в небе над Ньюном, не возникло ни единой мысли о том, что Кармин Тахри мог бы оказаться где угодно, но почему-то красуется и сверкает совсем близко от тебя? Почему он не улетел? Чего он ждал? Почему у твоих парней не возникло ни единой мысли о том, что чужак слишком доверчив? И ты не подумала о том, что он уже заприметил тебя и значки твоего герцогства, и только с твоими парнями был так мил, что позволил себя одурманить. Я проверял – парни адморского предела тоже увидели его и захотели сцапать. Хо-алэй тоже

послал своих ребят за алмазным мальчишкой, когда он оказался в Ньюоне. Однако от одних твой мальчик ушёл, другим разбил лица. Для того, конечно, чтобы попасть именно к тебе, отдохнуть чуть меньше года и получить тебя и твоих детей абсолютно бесплатно. После всего этого ему и не нужно было разыгрывать великую любовь. Достаточно наслаждаться результатом, не так ли? Благородство? Простил? Серьёзно?!

Хэллис ненадолго смолк. Сарма глубоко вздохнула. Она поняла, что до сих пор не дышала.

– Расторгни с ним контракт сейчас, – предложил Хэллис. – Иначе... кто знает, что ещё он может придумать? У вас есть дочь. Что если он хочет забрать её, едва ей исполнится пять? И что, если он задумал что-то похуже?

– Это правда, Хэл? – услышала Сарма голос своего старшего брата Дзисина. – Ты не воспротивишься проверке с моей стороны?

– Проверяй сколько хочешь. Но ты придёшь к тем же выводам, что и я. С той разницей, что ты в силах тайно проанализировать, насколько ваш Кармин поддаётся той химии, с помощью которой Дайиси якобы удерживала его целый год.

Сарма обернулась и увидела своих братьев и Шеда. Они казались нахмуренными, разве что глаза Шеда поблескивали с интересом в глубине зрачков. Похоже, они подошли, задавшись простым вопросом: о чём Хэллис так долго может говорить с Дайиси, которую ещё недавно во всеуслышанье

называл шлюхой?

– Сарма? Скажи что-нибудь, – попросил её Кадан, подойдя и приобняв за плечи.

– Я не понимаю. Теперь ты серьёзно думаешь, Хэллис, что брак со мной стоит года жизни в застенках? – чуть насмешливо от шока спросила Сарма.

– Заткнись, Дайиси, ты ещё не разорвала свой контракт, чтобы заигрывать со мной, – так же насмешливо ответил ей Хэллис, но в его чёрных глазах возникло что-то приятное и мягкое, чего раньше точно не было.

Что-то, похожее на нежность.

Это должно было подтолкнуть её к мысли разорвать контракт с помощью измены. Переспи Сарма с Хэллисом – контракт с Кармином тут же утратит силу. И Эю останется с ней.

Но... разве такое можно делать?

И ещё... если Кармин её обманывал, то это вовсе не то же самое, что и её ложь. Нет, это куда хуже, куда бессердечнее.

Руки Кадана вдруг показались Сарме чудесно заменяющими руки отца, совет которого ей сейчас необходим. Кадан прижал Сарму к себе, и она позволила себе буквально спрятаться на его груди.

– Дайиси, думай головой, а не развилкой, – почти потребовал Хэллис. – Этот парень очень изворотлив. Действуя прямо, ты ничего не добьёшься.

– Возможно, ты прав... – тихо ответила Сарма, ненамного отодвинувшись от брата. – Хэллис, если окажется, что ты во

всём прав, то я отблагодарю тебя.

– Что? Ты? Перестань нести чушь. Ты плюнешь мне в лицо при любой возможности, Дайиси. А ещё я знаю, что вы, леди, счастливы заблуждаться и падки на смазливых мальчишек вроде Кармина. Потому смотри, как бы не оказалось, что он продолжает лгать, глядя тебе в глаза, а ты ему веришь просто потому, что тебе это нравится.

– Идём, – повёл её прочь Кадан. – Я помогу тебе что-нибудь придумать.

Все братья покинули дворец, чтобы улететь в покои отца вместе с Сармой и обсудить всё там. Комнаты принца пустовали, но братья правильно сделали, что собрались здесь. Здесь Сарме становилось теплее на душе. Всегда. Каждый раз.

И теперь она оглядывала своих братьев – самых сильных бойцов предела Рашингавы. Внешне яростного и нетерпимого, но на деле удивительно спокойного Фанги. Способного стойко переносить что угодно Ю. Несгибаемого, целеустремлённого Дзисина, красивого и точь-в-точь как отец сосредоточенного на науках. Мягкого и вкрадчивого, душевного, и никогда не поддающегося слабостям и сомнениям Кадана. Чувствительного и пронизательного, смелого Айрелла, не менее Дзисина и Нинио совершенного лицом. Имея перед глазами таких братьев, практически без исключения выдающихся, Сарма не могла бы, пожалуй, разглядеть какого угодно мужчину. Только того, кто мог бы сверкать ярче них,

быть и спокойнее внутри, и душевнее, и решительнее, и мужественнее. И кажется, ей выпал шанс получить такого мужчину. Но...

– Чёртов Хэллис! – вскочила она, разозлившись. – Он всегда пакостил мне, а теперь вдруг решил сыграть в милашку!..

– Так он же влюбился в тебя, как я понял, – входя, весело сказал Нинио. Без него, первого герцога предела и регента принца Рашингавы, список лучших казался несерьёзным. – Что случилось, по поводу чего сбор старшего герцогского состава? Что же Уран опять сделал?

– Уран? – переспросила Сарма.

– Ну да. Это его личное имя. Ты не знала?

– Нет.

– Моё-то хоть помнишь?

– Сагаро. Хэллис сказал, что это Кармин подстроил всё так, чтобы я заметила его и приказала парням схватить. Представляешь, по Хэллису, оказывается, злодейка вовсе не я, а мой сахарный мальчик!.. Дзисин решил перепроверить детали, опросить весь круг свидетелей или даже поискать дополнительно. Но пока парни будут суетиться, я должна что-то придумать.

– А зачем? – поинтересовался Фанги, как всегда будто бы с трудом открывая рот для каждой пары-тройки слов. – До сих пор тебя всё устраивало. Да, ты обожаешь паренька и это твой первый брак, потому Кадан и Дзисин решили, что у тебя романтические чувства к нему и нужно срочно узнать,

не обманывает ли он тебя. Но разве это что-то изменит?

– Хэллис прав хотя бы в том, что Кармин может забрать Эю и улететь с планеты, – покачала головой Сарма, поморщившись.

Эта идея так давно её преследовала, но от этого пугала вовсе не меньше прежнего.

– Куда? И зачем? – дёрнул плечами Фанги. – Я слышал, его братья совсем не стремятся улетать. Но почему? А потому, что в ближайшей обозримой части галактик их ненавидят и боятся. В самых диких местах алмазного варлорда, прибывшего в одиночку, расколотят на камушки и напьются его кровью. На развитых цивилизованных планетах будут использовать точно так же, как первоначально собиралась использовать его ты. Разве что не позволяя прийти в себя. У братьев Кармина и у него самого на самом деле есть только три варианта. Угадай какие? Можно наняться служить к одному из своих дядюшек. Но есть вероятность, что отравят кузены. Можно выбрать сильнейшего из братьев лидером и сообща, кланом, основать цитадель на территории какого-нибудь разобщённого альянса. Или?... Да, именно, можно следовать по пути Кармина. Но его вариант годится только здесь, в империи Бесцейна. И только в его стиле – так, чтобы парень вроде Кристиана Рэйли приглядывал за ним. Так что Кармин никуда от тебя не денется. Судя по всему, он не отличается трепетной любовью к своим братьям и основывать с ними клан не собирается. Подозреваю, когда он

услышал о тебе, то сразу решил, что любой из его братьев, решивший остаться здесь, может оказаться затем его соперником.

– Это объясняет, почему Кармин не пытается ничего для них сделать, – кивнул Нинио. – До сих пор он не подавал никаких признаков того, что хочет встретиться с императором и обговорить положение других сахарных мальчиков. Даже не подбирался к чиновникам или придворным. Разве что подумывает подкопаться из-под Рэйли?..

– Так, ясно, Кармин никуда от неё не денется, – кивая головой в такт своим словам, заговорил Кадан. – Однако... чего он может добиться через наш предел?

– Ничего, – уверенно сказал Нинио. – Я видел контракт. Кармин на положении серены. И пока герцогиня Дайиси в силах поддерживать видимость своей самостоятельности, Кармин не подменит её, не займёт никакой значительной позиции в пределе и единственное, на что он способен – это быть нашим ручным пёсиком. С Хэллисом он действительно хорошо справился. И его алмазный доспех впечатляет. Поэтому предлагаю использовать его с учётом всего этого.

– Подожди, мы собрались здесь не для того, чтобы включить его в твои тайные планы по захвату империи, – после короткого нервного смешка заговорила Сарма. – А наоборот, кажется.

– И остаётся только бедное разбитое сердечко Сармы, – сказал Кадан. – Малышка, ну как же так?..

– Не торопись меня жалеть. Почему ты сразу поверил всему, что сказал Хэллис? Может же быть, что это не так?

– Хэллис был убедителен и сослался на легко проверяемые свидетельства. Я тут подумал... не будь ты моей сестрой, я бы голову сломал, желая получить тебя в свои жёны. И ведь обдумывал бы одну идею за другой. Правда же, Нинию?

– А то как... правда, – посмотрел куда-то вверх и в сторону Нинию. – Единственная герцогиня. Шесть тысяч лет в ранге лучшей мечницы предела. Чистокровная варледи. Талант, сила и скорость. Сотни тысяч боевых вылетов за хрупкими плечами. Такой соблазн!.. И я бы голову сломал, как тебя взять. Но я бы подумал, что раз никому до сих пор не удалось ни соблазнить её на контракт, ни запугать, ни заставить и ни обмануть, то, значит, и пытаться не стоит. Так все и думали, включая беднягу Хэллиса. А вот Кармин изначально знал, что столько же, сколько его братья будут сидеть в адаптационном лагере, он, вырвавшийся на свободу, и будет соблазном для любой самостоятельной женщины-перевёртыша. И для недоступной герцогини в том числе. Он не колебался, верил своё милое личико и правильно рассчитал, что ты не удержишься.

– Значит и ты уже поверил, – прошептала Сарма.

– Я мог бы его понять, если бы версия Хэллиса оказалась правдой, – уточнил свою позицию Нинию.

– И всё же я никак не понимаю, почему ты настолько расстроена, что даже не можешь этого скрыть, – вдруг сказал

Фанги.

– Не могу скрыть? – удивилась Сарма.

Ю и Айрелл сочувственно покачали головами:

– Нет, не можешь.

– Ты отравила паренька и удерживала целый год, – продолжал немилосердный Фанги. – Просто за то, что он тот, кто он есть. И кстати, это преступление. В сравнении с тобой Кармин, даже если он тебя выслеживал, всё ещё наивный мальчик.

– Но...

– Нет, подожди. Это сейчас вы в контракте. Но что ты собиралась делать с ним сначала? Подсадить на не слишком вредные наркотики и пользоваться им раз в пять лет для зачатия? Или отпустила бы его после рождения Эю? Не думаю, что отпустила бы.

– Она могла его отпустить, – вмешался Нинио. – Сарма использовала другое имя, чтобы Кармин не смог потом выследить её.

– ...И узнать, зачем всё это было, увидеть, хотя бы случайно, собственного ребёнка, – дополнил Фанги, чтобы прямо сказать Сарме: – Мне от твоей бездушности, честно говоря, жутко. И я даже буду рад, если окажется, что Кармин с самого начала охотился на тебя.

– Ты всегда был ко мне предвзят.

– Не предвзят, Сарма. Может быть и строг, но точно не предвзят. Похищение и подобного рода использование муж-

чины? Не думал, что ты такая – давно хотел тебе это сказать.

– Хочешь сказать, если Хэллис прав, то я всего лишь получила по заслугам?

– Ещё нет. Вот если бы оказалось, что Кармин тебя только использует, а ты уже по самую макушку в него влюбилась – вот тогда я бы сказал, что ты получила по заслугам.

– Ладно-ладно, Фанги, – уравновешенно протянул Кадан. – Нам всего лишь нужно решить, как быстрее Дзисина узнать, что там в голове у Кармина. Есть идеи?

Поморщившись, Фанги с нарочитым раздражением фыркнул:

– Что любят абсолютно все разумные? Власть, секс и деньги. Подарим нашему малышу неограниченный кредит, герард и отряд опытных инуэдо в личное пользование, накачаем его стимуляторами и пригласим эскортесс. У него будет какая-никакая власть, ощущение внезапно свалившегося богатства, он будет думать над тем, как всем этим лучше всего распорядиться, потеряет бдительность, и, возможно, не устоит перед эскортесс. Даже самые осторожные и хитрые в таких случаях попадаются. А потом Нинио сумеет подвести Кармина к тому, чтобы сахарный мальчик сказал или даже громко выкрикнул правду.

– Почему я? – поинтересовался Нинио.

– Ты проводишь время с принцами. Наверняка научился у них осторожности и продуманности фраз. А над стимуляторами подумает Айрелл.

– Нет, лучше я этим займусь, – вызвался Дзисин. – А опрос по второму кругу пусть проведут парни Нинио.

– Опять я? – со смущённой полуулыбкой удивился Нинио. – Не слишком ли ты на меня полагаешься?

– Ты ещё до регентства занимался шпионажем по поручению отца, – ответил Фанги за Дзисина. – Значит, ты хорош и в этом.

– Да, но и тебе пора набивать опыт, братишка Фанги. Эта задача по силам любому. К тому же, в случае провала никто не умрёт – никакой опасности.

– Нет, я сижу с Эю, – хмуро отрезал Фанги.

– Ты просто ленишься.

– Я?! Приглядывать за мелкой нахалкой Сармы – вот что невыносимо на самом деле!

Сарма рассмеялась:

– Если это так уж невыносимо, то впредь посопровитвляйся хоть раз, когда я решу тебе её принести.

– Не стану. Я прекрасно понимаю, что если ты принесла её мне, то либо боишься за неё, либо больше просто некому присмотреть за... ней.

– На самом деле это верно лишь отчасти, – лукаво ухмыльнулась Сарма.

– Я сделаю вид, что не слышал этого и вовсе не хочу сломать об тебя вон тот стол.

– Подожди-ка, Фанги. Ты так всё расписал... какую роль ты придумал для меня?

– Ты должна быть слепой, любящей и почти всё время отсутствующей. Но при этом должна быть где-то в пределах. Будешь тренироваться с Каданом, Айреллом и своими девчонками. А ещё ты должна якобы поддерживать Ю. Кармин не знает, что Ю демонически плевать на любые раны. Он должен думать, что твой любимый братец страдает после драки с Хэллисом.

– Я не её любимый братец, – возразил Ю.

– А она так всем говорит, – пожал плечами Фанги.

– Да, но с кем она всегда проводила больше всего времени? – намекаяще подёргал бровями Ю. – Нет, я для неё что-то вроде Каруи для отца – милое, но жалкое прикрытие. А вот Мария для неё, кажется...

– Кто? – быстро спросил Нинио.

– Ну Фанги, конечно.

– Я?! – изумился Фанги.

– Это всё-всё объясняет, – притворяясь обиженным, поднялся Нинио. – А я-то думал, что это я – самый любимый старший брат.

– Я люблю вас и восхищаюсь вами всеми одинаково, – твёрдо заявила Сарма, выпрямившись. – Каждого чуть-чуть больше за что-то особенное. И я благодарю вас всех за это безобразное собрание – вы все оказались равнодушны к моим чувствам. Я никак не могла этого предположить, особенно после Великой междоусобицы на планетах группы Воя. И последующего молчания.

– Прошло уже восемь сотен лет, – погрустнел Нинио.

– И я до сих пор не хочу вспоминать об этом, – бухнул Фанги. – Н-но, парни... я думаю, что если Кармин вдруг обнаружит честолюбивые замыслы на счёт предела, то нам всего лишь нужно будет разыграть повторение той междоусобицы, чтобы подловить его.

– Так можно подловить кого угодно, – кивнул Кадан. – Особенно из тех, кто не принадлежит к нашей семье и не знаком с химией так же, как все мы.

– Но это опасно, – покачала головой Сарма. – Кто-то может лишиться жизни, если будет не осторожен. Лишь бы Кармин не думал ни о чём таком...

– То есть ты собираешься простить его, если окажется, что Хэллис прав? – поинтересовался Айрелл, уловивший мольбу и надежду в полустоне Сармы.

– Я прощу, если он даст такую возможность. Если картина не развернётся в ещё менее приятное зрелище. Фанги действительно прав – я не собиралась давать ему знать, что он стал отцом. И я совершила безумный поступок, когда приказала одурманить Кармина. Но я не буду верить ему как прежде – это точно. И, быть может, действительно захочу разорвать контракт. Но я не буду торопиться. Кармин отчаянно ценен сам по себе.

Солнце палило так, будто бы уже наступило жаркое лето. Пыль должна была подниматься с каменных плит от каждого

шага, каждого движения, но воздух оставался чист и свеж. Магия какая-то. Ах да, почти каждую ночь, незадолго до рассвета идёт дождь – это он смывает всю пыль и освежает Ньон.

– Кармин! – позвал его знакомый голос. – Найди долю свечи для меня.

Кармин ощутил приближающегося варлорда, но не переставал двигаться. Утренняя тренировка только началась. Вся площадь усыпана доспешниками, которые повторяли за Кармином движения на разогрев рук.

– Говори сейчас и здесь, либо жди, – громко предложил Кармин.

Нинио оказался прямо перед ним. Ослепительные одежды, белые с металлической отделкой, поразительно контрастировали с чёрными формами доспешников. Не обращать внимания на Нинио казалось невозможно. Он, в свою очередь, с любопытством наблюдал за Кармином и вдруг сказал:

– Мы с братьями посоветовались и решили сделать тебе небольшой подарок. Просто для того, чтобы твоя гордость не страдала из-за высокого положения герцогини Дайиси.

– Моя гордость не страдает. Я не приму никаких подарков.

– Тем не менее, тебе могут понадобиться те, кому ты сможешь доверять. От пары отрядов инуэдо, как мы решили, ты не откажешься – они никогда не помешают.

– Я никак не в состоянии прокормить даже один отряд, уж не говоря о двух. И потом... предают все: дети и отцы, жёны

и любовницы. И даже собственное сердце иной раз может предать.

– Верно, но любого инуэдо, даже самого продажного, можно послать за цветами для Сармы или за няней для дочери. К тому же, мы решили дать тебе неограниченный кредит для поддержания духа твоего отряда и для того, чтобы ты мог побаловать Сарму подарками.

– Это уже выше моего понимания, Нинио... Вы настолько же любите сестру, насколько презираете меня, так?

– Не пытайся смутить меня пустыми обвинениями. Можешь записать своих инуэдо в ряды стажёров-доспешников, если угодно. Они уже твои. И пусть сами зарабатывают себе на жизнь. А кредитом можешь не пользоваться. Но ты им уже владеешь. Найди меня вечером, я познакомлю тебя с твоими парнями, подчинёнными герардами и расскажу подробности о кредите.

– Начиная с сегодняшнего дня я прекращу появляться в пределе по вечерам.

– Хорошая шутка, – едва улыбнулся Нинио. – Но это глупо – получить в руки такие карты и не суметь воспользоваться ими, когда противник решает играть по-крупному.

– У меня есть противник?

– Мы оба знаем, как его зовут, – отрезал Нинио и умчался прочь.

Значит, герцоги Рашингавы тоже разглядели влюблённость Хэллеса в Сарму.

Похоже, эти инуэдо нужны, чтобы усилить охрану Сармы. Но так, чтобы она об этом не знала. Вероятнее всего именно этого хотел Нинио. Ну что ж... почему бы и нет.

Но Нинио говорил слишком громко. К вечеру важнейшие обстоятельства личной жизни Кармина всем разъяснили те доспешники, которые не слышали о стычке с Хэллисом и её причине, но оказались на тренировке настолько близко к Кармину и Нинио, чтобы расслышать их разговор.

Сдавая отчёт старшему в группе, Кармин обнаружил вокруг множество любопытных, как офицеров, так и простых патрульных. И когда пришёл сам Таэрин, Кармин ожидал, что тот вызовет его в кабинет для разговора, но командир решил сэкономить время и задал вопрос при всех:

– Ходят слухи, что ты женился на герцогине Дайиси. Это правда?

– Да.

Общий выдох, больше похожий на стон.

– И чем ты платишь ей за контракт?

– В нашем случае платит она.

– И что, у вас уже... как это говорят у перевёртышей... наметился результат? Девочка?

– Да. Мне пора. Меня ждут в пределах Рашингавы.

– Подожди. Если ты женился, и у тебя дочь... значит ли это, что ты решил остаться в империи?

– Я не могу поклясться, что я останусь здесь навсегда, но в ближайшие несколько десятков лет я хочу посвятить жизни

на вашей группе планет.

– Хочешь отомстить за смерть отца? – неожиданно жёстко спросил Таэрин.

Кармин вздохнул и посмотрел прямо в тёмно-розовые, почти пунцовые глаза командира dospешников. Крылатые видят ложь по глазам. А Таэрин был одним из них.

– Я благодарен своему отцу за то, что он породил меня на свет. Но на этом мои тёплые чувства к нему иссякают. На данный момент я рад тому, что он мёртв, ведь в противном случае Дайиси украшала бы собой его постель, а не мою. Или была бы мертва. Так что нет, я не стану мстить за убийство Деказруа Шестого.

Таэрин еле заметно улыбнулся:

– Полагаю, я могу больше не оплачивать твои краски для лица? Тебе больше нет нужды скрываться, правильно?

Кармин хотел бы оставить за собой право скрываться, когда это ему нужно, но решил быть внимательным и кивнул, проговорив вежливую формулу:

– Я надеюсь, что ваши траты не были слишком обременительны.

– Любишь Дайиси? – вдруг брякнул свой нетактичный, почти глупый вопрос Таэрин.

– Очень.

Кармин сорвался с места и унёсся. В пути к пределу Рашингавы он гадал, слышали ли братья о контракте своего младшего братишки с герцогиней Дайиси? Если да, то Кар-

мину лучше не появляться в адаптационном лагере.

В покоях Нинио разворачивался какой-то праздник. Герарды накрывали столы, пели и украшали все поверхности цветами, а Нинио, шутя и посмеиваясь, танцевал с одной из своих юных дочерей. Но едва появился Кармин, как Нинио всех бросил, схватил за руку мужа сестры и потащил прочь из покоев:

– Не будем им мешать. Едем в Коллуэй. Там нас ждут Айрелл, Дзисин и младшие. С кем из моих сыновей ты знаком?

– Пока ещё ни с кем.

– Я должен познакомить тебя... а где Сарма?

– Полагаю, тренируется, – вздохнул Кармин. – Или же у Ю... Могу поклясться, что в первые несколько дней после его сражения с Хэллисом, она не так ухаживала за ним, как теперь. Сейчас она засиживается у него совсем допоздна.

– Тогда у него ещё не было сил на нытьё, – насмешливо объяснил Нинио. – А сейчас он только и делает, что лежит и стонет о том, в каком он ужасе от своих ран, как они болят и как он боится, что его тело после всего будет плохо слушаться. И ему нужен кто-то сочувствующий. А кто лучше всех подойдёт, кроме Сармы? Она его обожает.

Кармин снова вздохнул. В последние несколько дней она возвращалась в свои покои за пару свечей до рассвета, тут же ложилась спать, и Кармин не видел её с утра и до следующего утра, когда просыпался и натягивал одежду, чтобы отправиться в казармы. Он не решался разбудить её, чтобы пого-

ворить. Но это нужно было сделать. Потому что её забота о Ю уже явно стала излишней и начала вызывать подозрения, если не ревность.

Кармин поёжился при одной мысли о том, что нити ревности могут опутать его. Сколько лет он отчаянно завидовал мужчинам, находящимся в бессрочных контрактах. Уважал их просто за то, что они давно состоят в браке. И искренне сочувствовал, если видел их ревность. Считал, что она – признак давности любовных отношений и связанных с этим переживаний. Но сегодня что-то шло не так, и несколько раз, урывками, ему постепенно открывалась другая сторона ревности и всё более пугающей казалась.

Действительно, не будь на этой планете ясновидящего и магов-древнейших, Сарма оказалась бы загнанной в спальню к отцу. И вела бы себя там примерно так же, как Леммай Аффор вела себя с Кармином с самого начала.

Он бы обязательно её полюбил. А она его?

Нет, об этом лучше не думать.

Кармин решил, что однажды он обязательно выразит свои чувства тем парням, что прикончили отца.

– Ты что-то очень тих сегодня, – пожаловался Айрелл, подливая Кармину яркий напиток, то ли келлер, то ли энгаму, то ли очень сладкий эйерн – не разобрать. Всё равно местные пьянящие напитки настолько крепкие, что лучше бы не пил.

– Сегодня? Да я никогда толком не бывал на ваших сбо-

рищах.

– Так ты всегда такой тихий на вечеринках, организованных в твою честь?

– Тебе не кажется, что в самой этой вечеринке и её обстоятельствах точно так же нет ничего нормального, как и в моём статусе?

– Твоя правда. Всё что с тобой связано – в высшей степени необычно. Но мы честно старались тебя развеселить.

– Прошу прощения. Я постараюсь соответствовать и скоро, уверен, буду получать удовольствие от вечера. Но... ты же, конечно, женат? – чуть поколебавшись, спросил у него Кармин.

– Да.

– И твоя серена ведёт себя так, как ты того ожидаешь, да?

– Чаще всего. Ты... если ты не можешь смириться с тем, что Сарма не обычная серена, то тут я тебе мало чем могу помочь. Мы привыкли не лезть к ней и воспринимать её почти как мужчину, разве что очаровательного и чуть более чувствительного к пошлостям, чем мы. О, ты знаешь... Кристиан Рэйли, так? Иной раз выглядит почти как девушка, но ты точно знаешь, что это не так. Вот так же мы относимся и к Сарме. Разве что любим её.

Кармин поморщился и устремил взгляд на Нинио. Тот опять танцевал, только на этот раз с герардой Кармина, которую только что фактически подарил.

Кармин взял себя в руки и решил отплатить братьям Сар-

мы за то, что они решили сделать для него и немного повеселить их в свою очередь. Он научил их, своих инуэдо и герард весёлой и немного шумной игре, и свечи начали ставиться с невероятной скоростью. Но все немного притихли, когда прибыли заказанные эскортесс. К тому моменту, как одна из них запустила руки под рубашку Кармина, он уже был порядком пьян и слабо соображал, что делает. Потому очень удивился, когда братья Сармы принялись оттаскивать его от красавицы.

– Ты идиот! – сокрушались они. – Ну кто же так делает?!

– А что не так? – удивлялся Кармин. – Ей же, в конце концов, совсем не больно!

– Ты садист или у тебя ещё какие-то извращённые вкусы? – раздражённо спросил Дзисин.

– Да не особенно, – пожал плечами Кармин. – А что, я выгляжу как садист?

– Скорее как идиот, – хмурился Дзисин.

– Верно! Не-ет... что же я наделал!.. – схватился за голову Кармин. – Почему вы не остановили меня раньше?!

– Я понятия не имел, что ты додумаешься до такого, – покачал головой Айрелл.

– Ты полный придурок!.. – засмеялся Нинио. – Вырезать лицо Сармы на спине эскортесс!..

Кармин крепко зажмурился и закрыл лицо обеими ладонями. Он вырезал то, что хотел увидеть, тончайшим взращённым алмазным доспехом, который то и дело ломался и

застревал в мгновенно регенерирующих ранках эскортесс. Так лицо Сармы крошечными бликами проявлялось под определённым углом к лучам света. Вот только Кармин не подумал о том, что лицо Сармы может увидеть следующий же клиент этой эскортесс. Непосредственно во время секса.

– Парни, я не уверен, что смогу обратно вытащить все кусочки, – простонал Кармин.

– Я вызову нашего дежурного хирурга, – сказал Айрелл. – Но за молчание заплатишь ему сам.

– Пригодился кредит, – мрачно сказал Дзисин.

– Ты знаешь, Кармин, – Нинио свободно развалился на диване рядом. – Ты обязан рассказать Сарме о том, что сделал. Ты можешь заплатить всем здесь присутствующим за молчание, но она всё равно узнает. Кто-нибудь обязательно положит деньги на твой порог только из презрения к твоему поступку и всё расскажет Сарме. И тогда она наверняка всё неправильно поймёт. Но даже если ты не предпримешь ничего, чтобы скрыть то, что натворил, она всё равно может неправильно понять твои намерения.

Глаза Кармина расширились.

– Я постараюсь объяснить ей, что ничего такого не имел в виду. Я же... ни о чём таком не думал, когда делал это. Я же... не извращенец. И я люблю Сарму. Это абсолютно точно. Я просто немного... перепил. Ты зря нагнетаешь.

– Не знаю, – хрипловато протянул Нинио после недолгого молчания. – Она не крылатая. Она не может знать, что ты

говоришь ей правду.

– У вас есть дежурный крылатый в пределе? – быстро спросил Кармин.

– Она не станет обращаться к нему. Это считается унижительным для титулованных перевёртышей пределов.

– Ах... я... не могу ничего придумать – я слишком слабо мыслю сейчас, – сокрушаясь, негромко бормотал Кармин.

Одно дело великодушно простить ей её ложь, а другое дело – самому быть подозреваемым. Как поведёт себя Сарма? Он не знал этого.

Нинио словно читал его мысли:

– Иногда достаточно всего одной двусмысленной ситуации, чтобы женщина начала продумывать худшие сценарии. Сарма мало чем отличается в этом от прочих серен. И только раз взглянет на твой поступок под другим углом, как все твои действия начнёт рассматривать иначе. Думаю, тебе несдобровать. Но мы можем придумать что-нибудь прямо сейчас. Айрелл, конечно, тоже напился, но мы с Дзисином соображаем хорошо. Скажи, если тебя нужно в чём-то прикрыть, и мы подумаем, как это замять.

– Вы слишком добры ко мне. А я, идиот, ничего не могу сообразить, – горестно вздохнул Кармин. – И ничего не могу вспомнить.

– Я тебе помогу... – обронил Нинио.

– Ты ещё и знаток женского бреда?.. – наконец перестал хмуриться Дзисин.

– Нет, конечно, но она может подумать, к примеру, что ты, Кармин, ходишь в патрули для того, чтобы захаживать в дома свиданий, – плавно заговорил Нинио. – Или что ты остался доспешником, потому что Сарма и Эю тебе уже надоели и хочешь проводить время вне предела. Или что ты на самом деле не простил Сарму за свой плен и только ждёшь шанса, чтобы... Боги, в сравнении с тем, что ты сегодня сотворил, всё это меркнет. Нет, что бы могло с этим сравниться?.. Только что-то коварное.

– Я знаю! – выпалил Дзисин. – К примеру...

– Вы что, развлекаетесь за мой счёт?! Так тренируете воображение, да? – возмутился Кармин. – Я иногда не вполне понимаю, в чём именно меня обманывают, но чувствую, что что-то не так, и сейчас подозреваю, что вы издеваетесь надо мной, парни. Хватит.

– Никто и не думал над тобой издеваться, Кармин. Но вот если бы оказалось, что ты выслеживал Сарму с самого начала и якобы не специально попался именно к ней, чтобы терпеливо выжидать, когда она придёт к тебе... вот такая идея была бы для Сармы потрясением.

– Она бы не смогла додуматься до такого, – покачал головой Дзисин.

– Почему нет? Эта версия объяснила бы о-о-очень многое. И она сняла бы с Сармы чувство вины за то, что она сделала.

– Я думал, она не чувствует себя виноватой, – промолвил Дзисин.

– Ты плохо её знаешь. Ю говорит, что... Кармин? Что ты думаешь?

– Не верю, что она чувствует себя виноватой. Она боялась только, что я заберу у неё Эю.

– А что касается твоего выбора Дайиси?

– Полная чушь, – протянул Кармин, однако чувствуя, что слова нужно выбирать тщательно. – Она бы не подумала, что я на такое способен. До сих пор я не проявлял такой расчётливости и такого терпения, какие нужны были бы мне для выполнения всей цепочки действий, начиная с выбора Дайиси и заканчивая долгим ожиданием её в камере. И вообще, ждать взаперти целый год?.. Невиданный бред.

– То есть, хочешь сказать, ты не знал, чьи парни тебя одурманили тогда, почти два года назад? Никаких намёков?

– Конечно нет, – покачал головой Кармин. Интуиция подсказала ему, что его прижали к стенке, но он продолжал играть свою роль: – Ты не веришь в прощение? Я должен был догадаться. Когда я услышал про то, что Рашингава славится ещё и мстительностью, я должен был понять, что моё умение прощать здесь окажется не к месту, хотя на самом деле...

– Подожди, – прервал Кармина Нинио, – Шелли, Шелли, иди сюда.

К ним подошёл симпатичный паренёк с какой-то очень необычной для перевёртыша внешностью. Он немного напомнил Кармину мать Дайдруса – она тоже резко выделялась своей внешностью и экзотической красотой из ряда перевёр-

тышей. За это отец её и выбирал раз за разом, хотя не все их дети оказались так крепки и живучи, как Дайдрус.

– Шелли, скажи-ка, врал только что алмазный варлорд или нет?

– Врал. Прежде ни мгновения не лгал, а только что – да.

– Видишь ли, Кармин, Шелли у нас полукровка, на половину крылатый. От крылатых ему досталось умение различать все оттенки лжи. Он давно служит нашему пределу и научился читать по губам. Шелли – один из самых ценных наших специалистов. Скажи, Шелли, в чём именно солгал наш алмазный варлорд?

– Он сказал, что не проявлял расчётливости и терпения, какие нужны были ему для выполнения цепочки действий, начиная с выбора Дайиси и заканчивая ожиданием её в камере. Это ложь.

Ещё он отрицал, что узнал парней Дайиси. Это самая чистейшая, крепкая, полновесная ложь из всех, что я видел.

– Ну а я узнал, что парни Дайиси поначалу просто не могли ни отравить тебя, ни одурманить, – сказал Дзисин. – Те дозы, которыми тебя накачивали, для тебя были слабоваты. И только со временем начали действовать, накапливаясь в твоём организме. Это лучше всего иллюстрирует тот факт, что находясь в застенках Сармы, ты оставался там по своей воле.

Да, всё так.

Нинио не смотрел на Кармина. Он смотрел куда-то вдаль

и чего-то спокойно ждал. Дзисин же внимательно разглядывал Кармина. Кармин отвечал Дзисину тем же и размышлял о том, чего добиваются братья Сармы. И чего собираются добиться от него. Чтобы не вестись у них на поводу, всё это не стоит даже пытаться отрицать. Но это значит, что Сарма будет... мягко сказать шокирована. И хорошо, если она не выкинет его из предела, бросив ему следом обрывки контракта.

Эю... ещё утром она тянула к нему ручки, улыбалась, разглядывая его лицо, и явно радовалась ему. Тогда его сердце сжималось, и он думал о том, как любит эту малышку. А теперь... что если Сарма...

– Так значит, это всё же правда?! – восхищённо воскликнул Айрелл, подойдя. – Я не думал, что такое возможно. Каким умом надо обладать, чтобы задумать и воплотить такое? Кармин, моё почтение. Прежде я считал тебя избалованным князьком, отличившимся только физическими данными. Но ты оказался деятельным и пронырливым парнем. Обставил половину империи!..

– Как ты мог знать, что она не подложит тебя одной из сестёр? – спросил Дзисин.

– Всё это в прошлом, парни, – повёл плечами Кармин, ощутив глубоко внутри дрожь, какой раньше не чувствовал. – Сейчас меня интересует, что там с хирургом. Скоро он появится?

Будто мороз проник в грудную клетку, застудил всё вокруг сердца, такого горячего, что скоро, когда кровь превра-

тится острые льдинки, станет невыносимо больно.

– Хирург будет через четверть свечи, – сообщил Айрелл. – Что будешь делать с Сармой, Кармин?

– Буду честным. Шелли не одолжите?

– И ты думаешь, что только лишь честностью ты сможешь пробить её оборону?

– Оборону? Так она уже всё знает? Дайте-ка угадаю... Уран Тхор-Алэй, мать его, Рифелволджи, герцог Хэллис предела Хоакина? Это он выкопал мои косточки?

– Ты даже вызнал его полное имя? – поразился Нинио.

– Косточки? – в ужасе и недоумении проговорил Дзисин.

– У нас так говорят о доказательствах, – отмахнулся Кармин, мазанул взглядом по заинтересованному Нинио, поднялся и сделал пару шагов прочь, но вернулся: – И когда они виделись?

– Ты... ревнуешь что ли? – опешил Нинио. – Кармин, очнись. Я советую тебе быть милашкой и вымолить прощение у Сармы, что делать, кстати, лучше без Шелли. И уж точно не закатывать сцены ревности.

– Нет, ты не понимаешь. Хэллис не успокоился. Он был въедлив настолько, что всё выяснил. Значит, он может придумать что-то ещё. Ему хватит воображения и предприимчивости. Я должен нанести превентивный удар в то время, пока он считает, что у меня проблемы.

– Так это не проблемы, по-твоему?! – поднялся Дзисин.

– Что касается Сармы, я знаю одно: мы хотим быть вместе. И пока это сильнее всего, мы не разорвём контракт. Что бы ни происходило.

– Звучит неплохо, – кивнул Нинио.

Кармин заметил, как братья Сармы почти разом вопросительно посмотрели на полукровку, который всё ещё стоял в нескольких шагах от Нинио и внимательно следил за всеми.

– А вот и господин Акаמידжи, – протянул Айрелл. – Наш феноменально умелый костоправ. Господин Акаמידжи!.. Сегодня вам предстоит тонкая работа!..

Хирургу объяснили, что надо делать, и тот занялся своим делом.

А Кармин сидел, наблюдал, и продумывал то, как лучше всего усмирить Хэллиса. Братья Сармы не стали его ни в чём убеждать. Если они и хотели от него чего-то, то не стали говорить. Кажется, они всего лишь очень любят свою сестру и хотят защитить её, но уважают её ум и хотят предоставить ей самой решать, что делать с тем, кто её обманывал.

Вскоре лицо Сармы на спине эскортесс перестало угадываться, сознание немного прояснилось, и в голове Кармина сверкнула первая разумная идея. Его затошнило от того, насколько она, эта идея, может разозлить Сарму. Но это был лучший из самых мирных вариантов. Оставалось только продумать детали.

– Я подберусь к Хэллису очень близко, – тихо пообещал Кармин, когда под утро возвращался с братьями Сармы в

предел, – и он получит всё, что должен.

Герцоги Рашингавы переглянулись.

Они недоумевали. Считали, что Кармин должен бояться их, паниковать, предчувствуя последствия гнева Сармы, а не обдумывать месть Хэллису.

И да, их можно понять. В случае, если Кармин хочет когда-нибудь получить Эю, его отношения с Сармой должны быть идеальны. Она должна быть всем довольна. Но Кармин был уверен, что легче убедить Сарму в своей любви, чем крепко и без насилия что-то внушить Хэллису. А разобраться с Хэллисом нужно немедленно, пока он не натворил чего-то ещё.

У Кармина в распоряжении осталось всего свеча на то, чтобы всё подготовить.

Кармин разбудил Сарму незадолго до рассвета. Она поздно легла и с трудом понимала, что происходит. Но уже через пару мгновений, взглянув на него и вспомнив всё, что наговорил ей Хэллис, полностью пришла в себя.

Кармин закутал Сарму в покрывало, при этом почти связав ей руки, специально или нет, звонко поцеловал в щёку, а затем, потеряв всякую весёлость, сказал:

– Это была непростая ночь. Я провёл слишком много времени с твоими братьями. И должен сказать, что впечатлён...

– Чем?

– Силой чувств Хэллиса к тебе. Ты уверена, что он тебе

не нравится?

Кармин знает, что именно Хэллис поведал ей в последнюю встречу. Знает ли он, что ещё вчера Дзисин предоставил ей биохимические доказательства?..

– Не закатывай, пожалуйста, сцен ревности, – спокойно проговорила Сарма. – Это как превентивный удар. А ты – как нашкодивший щенок. Тебе не идёт кусать меня вот так, сразу после гадости, которую сделал.

– Перестань, никаких гадостей я не делал, – Кармин развернулся и отошёл от неё на три шага в центр комнаты. – Если мы говорим о том, что я сознательно выбрал и выследил тебя, чтобы позволить твоим парням меня схватить, то...

– Да, именно об этом мы говорим! Я не верила в это до вчерашнего вечера, – Сарма выпуталась из покрывала и села на край кровати.

– Но ты не закрыла для меня ворота предела, – улыбнулся ей Кармин и сделал пару шагов к ней обратно. – Значит, ты хочешь, чтобы я был с тобой и Эю. А это самое главное для нас, если ты согласна, конечно.

Сарма внимательно посмотрела на него. Словно увидела его впервые. Теперь, спустя почти два года наблюдения за ним, Сарму не ослепляла красота молодого, не иссечённого в битвах алмазного варлорда. Теперь она заметила, как он бледен, какие мрачные тени залегли вокруг его глаз, как невесело опущены уголки губ. Его кожа как прежде сияет, его глаза всё такие же яркие, но в них беспокойство, подо-

зрение и осторожность. Ей захотелось успокоить его, приласкать, дать отдохнуть от своих обвинений. Ей захотелось этого так сильно, что она встала, сделала шаг к нему и протянула руки. И он доверчиво наклонился к ней, закрыл глаза, и его дыхание замедлилось, когда она взяла его лицо в свои ладони. Сарма ощутила, как счастье противоестественным образом вползает в её душу. А ведь так не должно быть. Он выследил её, красовался в небе над ней, выжидал, притворялся уязвимым, разыгрывал ярость и попытки выбраться, и никак не показал, что знает, что Леммай – это Сарма Дайиси. Он играл свою роль так хорошо!.. Удивительно хитрый и ловкий обманщик. Лучший из тех, кого она знала. Он ни мгновения не был обижен на неё за то, что она держала его в заточении целый год. И наверняка в тайне смеялся над ней. Всё, что прежде казалось доказательством его простоты, чистосердечности и любви к ней, теперь ничего не значило. А то, как скоро он успокоился от её ласкового прикосновения, значило лишь, что он уверился в её расположении. Хотя, быть может, она ему действительно нравится. Немного. Ровно настолько, насколько может понравиться любому мужчине, не знакомому с её навыками и статусом. Насколько, насколько нравится "женщина на одну-две ночи".

И никак не доказать обратного. Для этого нужно прожить вместе ещё два года, но что если отныне Кармин будет показывать только расчётливость и циничность?

– А что касается работы тренера и патрульного? – тихо на-

чала Сарма. – Ты ведь теперь уйдёшь от dospешников, правда?

– Ты хочешь этого от меня? – не открывая глаз, спросил он.

– Да. Больше не нужно ничего...

– Прости, Сарма, но нет, я не уйду от них. Ещё не время, – медленно проговорил он. Его светлые глаза казались совсем тёмными, когда он вот так медленно поднимал ресницы и смотрел из-под них, тщательно проговаривая каждое слово: – Я ещё не спас ни одной жизни. И меня это приятно удивляет. Я понимаю, что я не спасателем работать пошёл, но в действительно опасных для кого-либо ситуациях мне всё ещё не довелось побывать. В Ньюне очень спокойно в сравнении с общей статистикой по империи. Вероятнее всего дело в ясновидящем. Он же почти всё время здесь, так?

– Я была уверена, что ты захочешь загладить вину передо мной и согласишься больше не возвращаться туда.

– Не думаю, что это необходимо – заглаживать свою вину.

– Вот как? – отпрянула Сарма.

– Если бы не моя идея, ты бы не решилась заключить контракт в итоге.

– Решилась бы. Я готова была выйти за любого оборванца, покажи мне он любовь, приемлемое кинье и хоть немного решимости.

– Я не знал. Не мог этого знать. Сарма... ты... и за Хэл-лиса вышла бы?

– Вышла бы. Если бы только не... пытался указывать мне моё предполагаемое место... Нет, всё же не вышла бы. Воспоминания о его жестокости не позволили бы мне согласиться на контракт с ним. Но не в этом суть. Кармин, почему ты не попытался?..

– Ни у одного попытавшегося не выходило шесть тысяч лет. В определённых кругах ходят слухи, что твои сексуальные предпочтения не соответствуют стандартным. Ну и кроме того... Сарма... я совсем неопытен в любви. Я не мог рассчитывать на то, что сумею тебя соблазнить.

– Но объясни мне, прошу тебя, насколько ты хладнокровен со мной? Что из твоих слов было ложью, а что правдой?

– Всё, что я говорил тебе, было абсолютной правдой. Единственное, в чём я должен признаться... Сначала я с ума сходил лишь от твоей сексуальной доступности, от твоего тела, но не от тебя самой. Я узнавал тебя, был внимательным лишь для того, чтобы использовать нюансы твоего характера как рычаги для давления. Я всего лишь был снисходительно добр к тебе, как к тем жрицам Хенера, с которыми спал прежде. Я берёг тебя как свою собственность – в этом я ничуть не лучше большинства наследников принцев, женой которых ты так не хотела стать. Но мы с тобой делили одно жильё, вместе обожали Эю и... что-то во мне непоправимо изменилось, буквально перевернулось. Это случилось слишком скоро. Может быть, той ночью, когда ты мне принесла её и показала. А может быть и в самом первом доми-

ке. Я лишь не заметил, как и когда моя снисходительность превратилась в нежность. Одна жизнь на двоих позволила мне привыкнуть к тому, что мы и чувствовать можем одно и то же. У меня такого ни с кем не было. И это словно вложило часть моей души в тебя и Эю. Вы стали для меня ближе кого-либо на свете. Ты простишь мне дурное начало? Я хотел быть с тобой честным, но я рассуждал как большинство мужчин, и считал, что для того, чтобы произвести ребёнка на свет, серенам не нужны чувства – вам нужны лишь обходительность мужа, защита и комфорт. Лишь когда я увидел, как ты любишь Эю... я начал кое-что понимать.

– Ты и в пещеру меня приволок, чтобы проверить, насколько мне важен комфорт?

– Вообще-то нет. Я только хотел заставить тебя перестать лгать. Я хотел лучше узнать тебя. Но ты буквально обрушила мои представления о варледи, в том числе и по части вашей любви к комфорту. Я был в полной растерянности. Уже влюблён по самую макушку, но ещё пытался разбирать свои чувства на составляющие.

– ...И ты тоже обрушил все мои представления об алмазных варлордах. Рушил почти всё время нашего сосуществования. И теперь я хочу узнать тебя заново. Если такая явная доброта ко мне была снисходительностью, то, несмотря на все твои слова, я тебя почти не знаю. Какой же ты настоящий? Как мне лучше понять это?

Кармин вдруг развеселился:

– Не думай об этом. Будь всё так, как я хочу, я бы не позволил тебе узнать себя настоящего сейчас. Сарма, я всё ещё никто. Одна часть меня честолюбива и хочет многого добиться, чтобы ты узнала меня сильным и могущественным, но другая моя часть хочет искупления и простых семейных радостей. Эта моя часть верит, что ты можешь просто любить меня, не разбирая, достойны ли мои желания. Эта вера хрупка, она сродни вере в самую чистую любовь.

– Почему? Как ты можешь вот так, посмеиваясь, говорить о высоких чувствах и своих надеждах?

– Потому что я идиот, Сарма. При всех своих желаниях и устремлениях я просто идиот. Знаешь, что я сделал этой ночью? О нет, я не смею рассказывать тебе об этом. Мне так стыдно. Пусть тебе расскажут твои братья. Только пообещай, что посмеёшься, ладно? Потому что если тебе тоже будет за меня стыдно, то я этого не перенесу.

– Ты увёл в сторону моё внимание своими заверениями. Так мастерски! Что если и они – обман?

– Они – не обман. Но если и так, то... ты меня снова простишь.

– Что? Вот как?! Кармин!.. Как же ты самоуверен!.. Ты наговорил мне столько приятных слов лишь для того, чтобы продолжать обманывать?

– О нет, Сарма, милая, нет. Я больше ни в чём не собираюсь тебя обманывать. Нам это совсем не нужно. Но он, тот самый первый обман, был необходим. И я настаиваю на

этом. Твой и мой обман соединил нас так красиво и гладко, как могла бы соединить правда, но только в том случае, если бы мы верили в успех. Мы с тобой привыкли верить в силу и разум, но не в силу любви. Никто не воспитывал этого в нас. Среди защит территорий и восстаний, среди междоусобиц и постоянных соревнований с братьями, да и сёстрами, разве могли мы научиться ставить себе цель, такую непохожую на всё ранее виденное – достижение взаимной любви, неизмеримой, необъятной и такой сладкой? Потому будем откровенны сейчас. Ты не верила, что алмазный варлорд, сын убитого врага, согласится стать отцом твоего ребёнка, твоим возлюбленным и союзником, а я не верил, что сильнейшая варледи непокорённой планеты, до сих пор не заключавшая контрактов, когда-нибудь выберет меня. Меня – вовсе не самого впечатляющего из моих братьев. Так что хватит об этом. Точка.

Он сделал шаг и быстро коснулся её губ своими, но Сарма отступила. Она хотела возразить, но не успела.

– Ты не согласна? – с внезапной усмешкой спросил он, сделав ещё шаг к ней. – Совсем не согласна со мной? Или смысл моих слов не достиг твоего сердца? Я не смог смягчить его? Всё ещё не веришь мне?

Сарма не могла ответить на эти его вопросы. Все сказанные им слова были настолько чудесными, что не верилось. До сих пор он словно вливал ей в уши сладкий и пьянящий коктейль из пошлой лжи и эфемерной правды. И мысли пу-

тались, и доводов не находилось, и верных зацепок и уловок не осталось. Спорить не было сил.

– И сможешь вот так ругать меня и отстраняться? – продолжал предполагать Кармин и тут же сам отвечал для них обоих: – Не сможешь. Или ты хочешь выкинуть меня из предела? Нет, не сможешь. Нельзя повернуть назад. Ты сама пришла ко мне в руки, помнишь? А теперь наслаждайся мной, великолепным алмазным варлордом, потому что ты больше не сможешь ничего сделать против меня. Ты уже давно меня любишь.

Сарма, получив ещё один поцелуй, на этот раз уверенный и горячий, снова отступила, сразу же спросив:

– Но что ты будешь делать с моей затаённой злостью?

– Не обращаю на неё особого внимания, – почти легкомысленно, но очень проникновенно и тепло заявил Кармин. – Ты будешь злиться в моих руках. Злиться и наслаждаться. А я – наслаждаться и ждать, когда твоя злость пройдёт. Ты не могла и мечтать обо мне, помнишь? А теперь я твой. Не упusti момент. Впрочем... что я говорю? Я тебе обещаю, что ты его не упustiшь.

Сарма ощутила комод за спиной. Она поднырнула под руку Кармина, но он ждал этого. Он ухватил её и закружился с ней в воздухе. Она услышала его смех. По его лицу никак не понять, защищает ли он их союз или просто издевается, уверенный в своей ценности. Но его слова... Ах, как приятно и понятно то, что он сказал. И так хочется согласиться.

Но как обидно от того, что он прав!.. И зло берёт ещё круче, схватывает за горло именно от этого.

Кармин крепко обнял Сарму и поднял её в воздух. И выжигающая злость, ослепляющая до слёз и горечи во рту, вспыхнула, словно сверхновая звезда, только от ощущения его силы. И тут же, от прикосновения его рук и тела, потухла, оставив облако расширяющегося изнутри тепла.

– Ещё злишься? – полушёпотом спросил он через долю свечи.

– Уже меньше, – так же полушёпотом заверила она.

– Согласись, это потрясающе.

Он говорил о том, что теперь она наверняка простит ему любую гадость и ложь. Просто потому, что он – это он. Просто потому, что в его объятиях всё теряет значение. Даже то, что она понятия не имеет, какой он на самом деле. Кто её обнимает.

– Но ты ведь не знал, что так будет, что я окажусь такой мягкой?

– Не знал. Я почувствовал это... пожалуй... в пещере. Что-то было в тебе такое, отчего я подумал, что наши чувства именно настолько сильны.

– Как мило с твоей стороны, умолчать о моей фатальной слабости к тебе и объяснить происходящее силой чувств.

Кармин только рассмеялся в ответ.

– Я снова не понимаю, издеваешься ли ты надо мной или нет, – решила сказать Сарма.

– Я действительно думаю, что наши чувства сильны, – ошутимо серьёзное заговорил Кармин над её ухом, – но меня почти пьянит и впечатление власти над тобой. Я ощутил её почти сразу же, едва почувствовал твой взгляд там, в небе над столицей. Но только сейчас я готов упиваться этой властью. Потому что она гарантирует мне все формы желанной близости с тобой. И это делает меня увереннее и счастливее. Кстати, твои братья ночью чем-то накачали меня. И быть может я ещё не вполне пришёл в себя, а от того недостаточно точны мои слова и тебе может быть... О да, мне скоро возвращаться в казармы. Давай взглянем на Эю. Может быть, она уже проснулась?

– Ты совсем не спал этой ночью?

– Совсем. Ничего страшного. Не изменяй мне с Хэллисом, пожалуйста. Я этого не перенесу.

– О... тебе точно нужно поспать. Такую глупость сказал!.. Я пошлю в казармы сказать, чтобы тебя подменили.

– Мне нет замены. И... я справлюсь, не беспокойся. Надо всего лишь провести тренировку и побродить по городу вместо живого щита для других патрульных.

Но Сарма всё равно отпускала его с беспокойным сердцем. В лучах медленного, тяжёлого восходящего солнца Кармин казался совсем сонным и ужасно милым. А ещё в глазах Сармы он был лёгким и хрупким, что она отнесла к своей глупости. Алмазные варлорды не бывают лёгкими и хрупкими, особенно в броне.

Сарма с Эю вышли провожать своего любимого мужчину на поверхность. Эю тянула свои крошечные ручки к папе и обняла его за шею, едва получив такую возможность. Кармин не стеснялся улыбаться дочери и говорить ей, как любит её.

Их охраняли. Кармина теперь сопровождали инуэдо. Но чуть позже они вернулись в предел и снова отправились сопровождать его только вечером. Сарма снова вышла на поверхность, чтобы погулять с Эю и встретить Кармина. Сопровождаемый отрядом инуэдо, он наверняка будет похож на отца или братьев – такой же внушительный и красивый.

Но отряд вернулся без Кармина. Сарма сделала им знак приблизиться, почуяв неладное.

– Мы не знаем, где он, – осторожно сообщил явно обеспокоенный звеньевой отряда. – Он вышел из казарм за четверть свечи до нашего прихода и словно растворился в воздухе.

– Возможно, он всего лишь решил что-нибудь купить. Отдыхайте. Но будьте наготове.

– Да, но ваша милость, дело в том, что ваш эрцеллет-герцог не отвечает на наши шифры. Герцоги Нинио и Дзисин выдали нам и ему метакарты для связи, и он не отвечает. Его местоположение не раскрыто даже после запроса через внутреннюю сеть предела.

– Боги!.. Нинио приказал включить его метакарту во внутреннюю сеть? Он настолько ему не доверяет?

– Это приказ принца Рашингавы. Но это не всё. Едва вашему мужу выдали кредит, как нас предупредили и о датчиках слежения, вшитых под кожу эрцеллет-герцогу и... дело в том, что они перестали замерять пульс и посылать данные о движении буквально восьмью свечи назад, когда мы уже возвращались сюда. Прикажите начать масштабный поиск.

– Запросите последнее место по датчику, сообщите мне и начинайте поиски оттуда. Я передам дочку и начну поиски лично. Его могли снова похитить. Он совсем перестал маскироваться в последние дни.

Сарма сорвалась с места, чтобы как можно быстрее найти Фанги и вручить ему Эю. Но застала его в несколько ослабленной позе, полностью раздетого, в постели с сереной, очевидно эрцеллет. Прикрыла глаза и выпалила:

– Фанги, это срочно! Кармин исчез. Исчезли данные метакарты и даже вшитые под кожу датчики больше не работают. Он либо убит, либо ранен. Посиди с Эю, я займусь поисками.

– Подожди. Если вшитые датчики не работают... Да кто может убить алмазного варлорда? На это мало кто способен, Сарма!.. Успокойся и вдохни глубже. Дай себе время подумать.

– Нет времени.

– Если не подумаешь, то только зря потратишь время. Как считаешь, Кармин ведь мог знать о том, куда именно вшиты датчики?

– Мог. Дзисин говорит...

– Значит, он удалил их сам.

Из-под пальцев, которыми прикрывала глаза, Сарма увидела ступни Фанги на полу. Он принялся быстро одеваться, продолжая говорить:

– Мало кому удастся пробить доспех алмазного варлорда, да и кто мог знать об этих датчиках? Только Кармин, твои парни, да Нинио с Дзисинном. Я думаю, что Кармин решил, что проиграл. Ночью вы заставили его сознаться, правильно? Уверен, если проверить состояние его счёта, то окажется, что наш парень обналичил сегодня гору империалов и собирается купить на них наёмников и пару-тройку серен, чтобы за пару дней основать свой предел.

– Я не верю в это.

– Ты можешь не верить. А я проверю.

– Тогда сообщи мне о результатах, чтобы я смогла сосредоточиться на поисках без остатка. Как думаешь, Ю не сможет присмотреть за Эю?

– Зачем Ю? Оставь Эю мне и не беспокойся. Состояние счетов я могу проверять, не выходя из покоев.

– Пришли мне результат.

Эю перешла в руки уже вполне одетого дядюшки Фанги, всё ещё немного взъерошенного. И сразу же вцепилась ему в волосы. Но у Сармы не было времени спасти гриву брата. Она бросилась прочь. Возле своих покоев увидела малознакомого инуэдо со значками своего предела.

– Кто вы?

– Отряд Кармина Тахри, ваша милость. Последнее местонахождение господина – предел его высочества принца Хоакина.

– Хэллис!.. – зло прошипела Сарма.

Брат Хэллиса, Ветреный, однажды проник в лабораторию принца Рашингавы, чтобы найти там нечто по заданию своего отца, Классика. И Ветреный ненамного изворотливее и хитрее Хэллиса. Оба отвратительные мерзавцы, способные на что угодно, ради достижения своих целей... или ради того, чтобы повеселиться за чужой счёт. Хэллис мог узнать о датчиках под кожей Кармина. Хенер знает как, но мог!.. В пределах перевёртышей полно выходцев из других пределов. В конце концов, она, Сарма, только что ворвалась к Фанги и говорила с ним, не обращая внимания на его серену. Серен редко запоминают в пределах. Они приходят на пять лет, чтобы родить очередного наследника мужчине и снова исчезнуть. А как раз такая серена может оказаться сестрой Хэллиса или его дочерью. Хэллис может знать о Кармине абсолютно всё. Он мог узнать, что приказа закрыть ворота для Кармина не было, не смотря даже на то, что герцоги Рашингавы выяснили о Кармине всю правду.

Но какое ему дело? Настолько сильны его чувства, настолько ужасны гнев и ненависть к Кармину?

И если не Хэллис, то это может быть кто угодно из принцев-перевёртышей, задумавших получить внуков – наполовину алмазных варлордов. Почти все они действительно вли-

ательны и могущественны для этого. Даже сравнительно молодой Накханский принц способен на это.

Но прежде всего прочего следует проверить Хэллиса.

Сарма почти сразу же отправила запрос на проход в классический предел и собрала лучших своих бойцов.

Уже через полсвечи она стояла напротив Хэллиса в полном боевом вооружении. А он с усмешкой оглядывал её.

– С какой стати ты явилась ко мне в облачении из доспехов, Дайиси? Твой малыш наговорил тебе про меня какой-то нелицеприятной чуши? Он солгал тебе. Солгал, чтобы защититься.

– Очень мило с твоей стороны подумать о нём. Но совсем не мило похищать его, – прорычала Сарма, взращивая клинок. – Я хочу получить его назад, живого, целого и немедленно.

Тонкое чёрное лезвие удлинялось и крепло, словно вытекающая из её правого запястья.

– Подожди, Сарма!.. Что ты такое говоришь? Я не похищал его. Это какое-то безумие, – и Хэллис коротко и немного нервно рассмеялся. – Это же ты похитила его, правильно? Это какой-то концерт? Или ты с ума сошла? Парни, – Хэллис оглядел её воинов, стоящих по обе стороны от Сармы, – вашей герцогине что-то подсыпали в еду. Рекомендую послать за Нинио, чтобы он приказал расследовать этот инцидент и достать вашей взбесившейся девочке противоядие.

– Кармина нигде нет! – крикнула Сарма. – И ты – самый

первый из ряда больных ублюдков, способных украсть его.

– Нет, Сарма, я ничего не делал, – покачал головой Хэллис.

И он впервые в жизни, чтоб его, выглядел так, будто абсолютно честен. Но если это не он, то кто?

– Можешь отрицать, – рычала Сарма, ощущая, как от ярости и отчаяния начинает кривиться лицо. – Можешь сказать, что он случайно оказался в твоей темнице, но верни мне его. Верни, за какую угодно цену, верни живого и немедленно!..

– Какую угодно? – медленно проговорил Хэллис, немного отступив. – Разорви с ним контракт, заключи со мной, и я тебе отыщу твоего Кармина. Может быть даже целого. Но на счёт невредимого – этого не могу гарантировать.

– Ты что, играешь со мной? – внезапно разъярилась Сарма и бросилась на Хэллиса прежде, чем он смог взрастить клинок. Но он носил под одеждой какую-то броню и меч Сармы Хэллис уверенно остановил, приняв рубящий удар на тыльную сторону левого запястья. Мощное столкновение должно было отбросить Сарму и Хэллиса друг от друга, но противник всё же сознательно выдержал удар и только выстояв, отскочил и опустил руку. Из рукава со звоном ссыпались куски разрубленной брони, и струёй потекла чёрная кровь.

– Сарма? – удивлённо поднял брови Хэллис. – Ты скрывала свою силу до сих пор? И решила показать её по такому ничтожному поводу, как пропажа твоего наложника?

– Он не просто наложник. Он – отец моей дочери. И если

вы, мужчины, считаете, что без матерей ваши дети прекрасно взрослеют, то даже ты должен понимать, что без отца моей дочери не научиться самой чистой любви.

Хэллис вспомнил о своём ранении, извлёк из кармана широкую бархатистую ленту чёрного цвета и туго затянул ей своё запястье.

– Я мог бы заменить его, – после недолгого молчания сказал Хэллис.

– Разве можно заменить родного отца? Он любит её не так, как мог бы когда-нибудь ты. Он обещал никому её не продавать. Никогда. Не потому что она сильнее прочих. А потому, что она – наша любимая малышка. Ты способен на такое, скажи мне?

– Дайиси, это всё красивые слова. Они прекрасны и чудесно, что ты чувствуешь то, что говоришь, и веришь в это. Но что если Кармин не чувствует и не думает того же на самом деле? Что если Кармин просто бросил вас, решив, что ничего не добьётся в империи Бесцейна?

– Этого не может быть.

– Но ты не знаешь этого точно. Кармин – враг. Его ранили и заточили в клетку наши отцы всего пару лет назад. С какой стати ему оставаться здесь, в империи Бесцейна?

– Он не подчинён этой логике. Кармин – другой.

– Что если нет?

– Заканчивай увливать, Хэллис. Он у тебя или нет?

– Я пытаюсь понять, какого Хенера ты так сходишь с ума

из-за мальчишки! – вдруг вскричал Хэллис.

– А ты подумай. И назначь цену соответственно.

– Любишь его?

– Да.

– Полмиллиона империалов, – мрачно сказал Хэллис.

Сарма задохнулась. Даже ей не достать таких денег. Даже отец с трудом соберёт такую сумму. Это, пожалуй, цена нескольких пределов принцев империи.

– Это, Хенера тебе в душу, подходящая цена за чистокровную алмазную варледи? – подавленно проговорила Сарма, ощущая дикую усталость.

– Если хоть одна из них покинет адаптационный лагерь Бесцейна, то с такой суммы будут начинаться торги. И такова примерная цена тебе. Ты думаешь, у меня есть такие деньги? Нет. Никогда не было и не будет. И раз я не могу получить тебя – то, чего хочу больше всего, то и ты не получишь своего Кармина.

Сарма заглянула в глаза Хэллису. Он искренен. Да, он упрям. И он не отдаст ей Кармина, даже если алмазный варлорд где-то здесь. Но... почему складывается впечатление, что Хэллис всего лишь отчаянно блефует, скрывая какой-то страх?

Со спины к ней кто-то подходил. Остановился на безопасном расстоянии и доложил:

– Его милость герцог Фанги проверил: счёта Кармина Тахри в том же состоянии, что и в день передачи ключей –

деньги не сняты и не переведены. Ни одного матти.

– Ты и братьев заставила суетиться? – снова поднял брови Хэллис, показывая удивление. – Значит, Дайиси, ты очень сильно обеспокоена. Просто в панике. Впрочем, это и так заметно.

– Если тебе и удалось поймать его, то это только потому, что он не спал больше суток и мои братья опоили его. Едва он немного отдохнёт, как сломает все оковы, – пообещала Сарма. – И нет, он не бросил меня. Кто-то вроде тебя вырезал его датчики и... мать твою, Хэллис, давай всё решим с помощью меча. Если у тебя получится изуродовать меня похлеще, чем обычно, то Кармину я ещё очень долго не буду интересна, и ты сможешь отпустить его и рассчитывать, что я не получу его. Не с таким лицом. Если же...

– Хитро, Дайиси. Что же... я отпущу его после того, как посчитаю, что раунд закончен. И если ты будешь к тому времени изуродована до неузнаваемости, то пеняй на себя.

Хэллис не взрастил клинок, он достал его из-за спины. Посечённый, он уже знал противников, не менее сильных, чем Сарма, и она тяжело сглотнула, ободрав пересохшее горло. Но старого страха перед Хэллисом как ни бывало. Рука сама нацеливает меч, сама защищается. Да, вот он – первый удар в лицо, вот они – брызги её крови. Но как же легко биться без малейшего страха за себя!.. Сарма вдруг почувствовала в себе силу, которой раньше не было. И теперь она сражалась как никогда прежде. И только внезапное рычание

и крик Хэллиса остановили Сарму.

– К Хенеру тебя и твоего Кармина!.. – заорал, отскочив, Хэллис. – Я отказывался видеть это и понимать. Но ты не оставила мне ни одного шанса, сучка!.. Да, я понял, я понял!.. Я осознал и принял, стерва. Это конец – я понял. Я осознал.

– Что? Что ты осознал?

– Ты действительно любишь этого алмазного выродка. Ты стала в десять раз сильнее и быстрее только потому, что боишься его потерять. Любишь его сильнее, чем себя и что-либо ещё. Ты билась только что, зная, что я отпущу его и потому была так хороша. Но я вынужден, слышишь Дайиси? Вынужден сказать тебе, что у меня нет Кармина и никогда не было! Я хотел, чтобы ты потеряла время. Чтобы те, кто его похитил, спрятали его как можно надёжнее. Успели сделать это, пока ты ещё не вышла на его след.

– Ты знаешь, кто это?

– Нет. Но я был в адаптационном лагере и рассказал братьям Кармина о его контракте с тобой. Они ничего не знали и очень злы на него за то, что он обставил их, получив тебя быстрее всех. Возможно, это они выкрали его. Но это его родные братья. Они не обязательно убьют его. Скорее потребуют передать тебя одному из них после второго контракта.

– Ясно. Но как ты объяснишь то, что его датчики заглохли здесь, в этом пределе?

– Сарма, я не знаю. Я постараюсь выяснить это. Я сделаю

это, малышка, сделаю.

– Зачем? Почему? Какого?..

– Потому что ты мне нравишься, идиотка. Я помогу тебе его найти. Оставь мне пару своих парней для связи и лети прямо к Рэйли. Он поможет тебе с алмазными варлордами. Соберёт кого надо для разговора с ними. Умоляю, только не суйся к алмазным сама. Ты для них словно дар небес. Придёшь к ним в руки, и уже не отпустят.

– Я не такая дура, – проговорила Сарма. – Если Кармин во много раз сильнее меня, то и его братья опасны.

Она облизала губы, залитые кровью настолько, что даже говорить казалось сложно. Вытерла лицо рукой. Всё в крови.

– Иди сюда, – Хэллис достал порошок. – У тебя кровь из носа. Вдохни.

Сарма подошла ближе и поторопила:

– Быстрее.

– Наглая шлюха, – снова тихо плевался Хэллис.

Он ругался, осыпал её оскорблениями, но выражение его лица уже сказало Сарме о том, что он испытывает к ней почти то же самое, что и она к Кармину. Тогда, когда Кармин переживал её злость, держа в своих объятиях, он знал, что она настолько любит его, что не сможет злиться долго. И вот теперь Хэллис... оказывается, настолько любит её, что не может не злиться, но не может и не помочь. Не может видеть её кровь. Не смог изуродовать её. Всего лишь сломал нос, хотя прежде, дай ему волю, он без малейшего повода превратил

бы её лицо в окровавленное месиво и хирурги с трудом собрали бы его.

Скоро Сарма летела в казармы доспешников, не смотря на то, что уже стемнело. Кристиан Рэйли, наследник принца Санктуария, когда-то жил во дворце Три-Алле, но Классик подорвал его. Во время драки принцев прекрасный Три-Алле был проклят и уже около двадцати лет герцог Рэйли живёт в удручающе маленьких комнатках казарм доспешников. Сарму, с размазанной по лицу кровью, быстро впустили внутрь. И даже пропустили с ней троих звеньевых.

Рэйли не спал. Он сидел перед трансляторами и просматривал какие-то слепки.

Выслушав Сарму, он схватился за голову:

– Дайиси, сегодня я впервые отправил Кармина сидеть в засаде. В случае чего он имеет право вызвать своих или провести арест. Он сам вызвался. И ещё четверть свечи назад он должен был отчитаться своему старшему. Насколько я знаю, всё идёт по плану. Да, Кармина не должны были побеспокоить твои парни, потому наш гений-техник поставил кое-какие блоки на его метакарту. Но про вшитые датчики я впервые слышу. И они точно не должны были оказаться у предела Классика. Никоим образом. Маршрут Кармина совершенно иной. И Дайиси, могу лишь поискать кого-нибудь тихого и незаметного, чтобы проверил Кармина. Лететь к нему толпой или тебе лично нельзя – вы мне вспугнёте преступника. Что касается наследников Деказруа, то они действительно в

последнее время покидали и то и дело покидают адаптационный лагерь. Хэллис действительно был там и взбаламутил воду. Но это должно оставаться в ведении властей и только. Тебе и кому бы то ни было запрещено даже видеть алмазных варлордов, не то, что разговаривать с ними.

– Но если это я причина их передвижений, то почему мне нельзя попытаться всё уладить?

– Указ императора. Очень строгий. Не лезь, Дайиси. Это не такие же милые мальчики, как наш Кармин.

– Кармин не "наш", он мой!.. Только мой! Ты должен был меня предупредить, что отправил его на задание!.. Я чуть Хенеру душу не отдала в драке с Хэллисом. И всё из-за того, что ты и Кармин нашли, чем заняться вечерком!.. Мать твою, Рэйли, отправь кого-нибудь немедленно, чтобы проверили сохранность Кармина. Из алмазного варлорда вшитые датчики просто так не вытащить!..

– Ах, Дайиси. Вшивание в тело датчиков и наверняка без согласия? Это же противозаконная операция.

– Не в кости же мы ему их впаяли.

– Значит, мог и сам вытащить. Если знал о них. Знал?

– Да... возможно. Но вытащить сам? Ты когда-нибудь оперировал себя сам?

– Верно, такое далеко не каждый сумеет. Да, я уже тоже начинаю волноваться. Сейчас отправлю кого-нибудь за Кармином.

И Рэйли вышел из кабинета.

Сарма не стала ждать. Она пошла вслед за Рэйли и убедилась, что за Кармином действительно отправились.

– Уволь его! Уволь Кармина! – потребовала Сарма.

Её принялся отпускать страх, но она знала, что пока Кармин не обнимет её, она не успокоится.

– Что? – ошалел Рэйли. Хрупкий и милый, он всё равно оказался чуть выше Сармы и теперь с недоумением и почти возмущением посмотрел на неё сверху вниз: – Дайиси, ты чего говоришь? Я знаю, что ты злишься, Кармин допустил ошибку, не поставив никого в известность, но... он такая находка для меня, что я готов простить ему уйму грехов и нарушений, лишь бы он продолжал здесь появляться. Хотя бы появляться. Пусть даже ни черта не делает – он одним своим видом вводит моих парней в такое состояние, что у меня все показатели вверх летят!..

– Вот и запрети ему выходить из штаба!.. Пусть торчит здесь и охраняет что-нибудь. Но не выпускай его больше. Тем более без сопровождения и связи!..

– Я знаю, что ты переживаешь, но Кармин не младенец. Он владеет мечом так, что даже я, откровенно говоря, хочу просить его о тренировке...

– Таэрин! – обратился к Рэйли один из его офицеров. – Кармин Тахри вышел на связь. Судя по его отчёту всё в порядке.

– Передайте, что его сейчас сменят, и... пусть немедленно возвращается. Найдите того или тех, кто сможет его за-

менить.

– И побыстрее!.. – повысила голос Дайиси, не спуская глаз с командира доспешников. – Мой сахарный мальчик с какой-то стати проникся твоей работой, Рэйли. Подумай, не может ли он найти какую-то выгоду здесь? Он очень хитёр. Всё же допуск вчерашнего врага в структуру, которая сродни гвардии императора...

– Брось, Дайиси. Гвардия императора – это привилегированное подразделение, которое состоит из фанатиков, религия которых – это служба Эрику Бесцейну. Мы же на их фоне словно уборщики. Кармину здесь ничего не найти. А ты на самом деле тоже так не думаешь. Ты просто хочешь спрятать Кармина в своих покоях так же надёжно, как держала в прошлом году в оковах, так? Боишься, что он влюбится в какую-нибудь очаровательную мошенницу и уйдёт к ней?

– Заткнись. Я не собираюсь обсуждать с тобой свои мысли и тем более страхи.

– Боишься.

Вдруг неясные крики и грохот вдалеке, но явно в пределах штаба, заставили Рэйли напрячься и призвать меч. Он отдал несколько быстрых команд, и его парни начали блокировать помещение изнутри, комнату за комнатой.

– Что происходит? – спросила Сарма.

– Один из братьев Кармина здесь. Чёрт, он может ранить моих парней. Даже один может спровоцировать чёртову резню.

– Один? Надо впустить его, Рэйли. Ты и твои ребята ему не нужны. Сам должен понимать – он ищет либо меня, либо Кармина.

– Да, но есть правила. Сюда просто нельзя пускать всех, кто хочет зайти. Мы так защищаем власть императора. Чёрт, если чужак может проникнуть в казармы или штаб доспешников Ньона, то может решить, что ему и в покоях императора будут рады.

– Тогда я выйду к нему.

– Так нельзя. Кармин мне голову оторвёт, если узнает, что я тебя не защитил.

– Ты между двух огней.

– Между двадцатью-тридцатью, Дайиси. Каждый день. Арест пары пьяных принцев или десятка голодных эскортесс – вот что действительно сложно. Так что мне эта парочка алмазных варлордов? Но ты права, всё же надо пойти на встречу, которую он мне навязывает, чтобы он не покалечил больше моих парней.

По приказу Рэйли двери раскрывались, и командир доспешников шел вперёд, к шуму и крикам. Сарма пошла за ним вместе со своими звеньевыми.

И тут, наконец, они увидели, как толстую металлическую дверь гнёт алмазный варлорд. Шагнув между кусками покорёженного железа, варлорд поймал взглядом Сарму.

– Дайиси? – спросил он. Рассмотрел потёки крови у неё на лице и чуть наклонил голову: – Я попал прямо на праздник?

Сарма хотела ответить, но не смогла сразу. Она не думала, что может существовать алмазный варлорд, более впечатляющий, чем Кармин. Но её невероятно яркий, сверкающий красавец-муж показался бы слишком милым и безобидным рядом с этим варлордом. У этого сына Деказруа внешность, близкая к абсолютному совершенству, но уникальная для перевёртыша, носила отпечаток сильного, негибачеого характера мужчины, которому ни к чему интриговать и хитрить. Такие, как он, приходят, чтобы взять то, что им и так принадлежит. Они словно отстранены от всего и всех, но рассчитывают на беспрекословное подчинение и, что удивительно, им нет нужды его добиваться – лидерство в них крепко вшито.

И он пришёл за ней, за Сармой Дайиси. Это точно. Его взгляд, удивительно тяжёлый, малоэмоциональный, но словно бы расстилающий чуть томную дымку, направлен только на неё.

– Дайдрус! – услышали они голос Кармина. – Что это ты здесь делаешь?

Кармин вошёл вслед за братом, и Сарма увидела подтверждение своей догадке: её сахарный мальчик действительно кажется милым и безобидным. И скорее всего он такой и есть в сравнении со своим братом. Плохо, если Дайдрус пришёл за ней. Этот варлорд может и не пощадить своего брата.

– Это Дайиси? – только и спросил Дайдрус у Кармина.

– Да.

Сарма выругалась про себя. Дайдрус повернулся к брату, но не посмотрел ему в глаза. Такие, как он, не смотрят в глаза своим друзьям и родным, если собираются их убить. Таковы почти все первые герцоги пределов и первые князья царств перевёртышей. Во времена Великой междоусобицы на планетах группы Воя среди наследников Рашингавы так вёл себя именно Нинио. И потому не только остался жив, но и расчистил себе путь до первого наследника. Но Нинио ни к чему были лишние жертвы. Он не убивал больше, чем нужно. Возможно и Дайдрус такой же.

– Ты смог всех обмануть, Кармин. Удивительно хорошо сыграно, – произнёс Дайдрус. – Я думал, что всему у тебя научился и могу предвидеть твои действия, но этого не предвидел. Ты снова меня удивил.

Кармин только вздохнул:

– Таэрин, Сарма, позвольте представить вам моего младшего брата. Дайдрус Дэвлин Тахри. Дайдрус, это командир деспешников столицы империи, герцог Рэйли и герцогиня Дайиси, моя серена. Чуть было не сказал эрцеллет. Но это я теперь эрцеллет. Отнесись к ним с полагающимся уважением и перестань так пялиться, Дайдрус. Сарма, я должен был тебе о нём рассказывать, не помнишь? Брат, у которого разноцветные глаза?..

– Разве он твой младший брат?

– Да.

– Но тогда почему ты выглядишь настолько моложе?

– Наши матери совершенно разные внешне. Моя – хрупкая и нежная леди с маленьким личиком, а мать Дайдруса – рослая и статная полукровка.

– Точно, второе имя!.. – наконец заговорил Рэйли. – Второе имя означает...

– Да, мать передала мне веру в Единого бога, – не торопясь признался Дайдрус.

– Почему-то мне кажется, что я начинаю видеть в господине Дайдрусе кого-то очень известного. Кармин, ты не знаком с Мартином Рего? Это один из младших офицеров по СП. Тебе не кажется, что он... похож на твоего брата?

То ли от того, что сильно перенервничал, то ли от того, что расслабился после серьёзного, почти травмирующего напряжения, командир доспешников торопливо и как будто легко болтал на несколько отвлечённые темы, когда лучше бы сцепить зубы и думать о спасении. Впрочем, Сарма ощутила в себе то же самое. Может быть, сказалось вмиг успокоившее её присутствие Кармина, но только она ахнула и повернулась к Рэйли:

– Вы думаете, Дайдрус – потомок принца Вира?

– Но похож же... почти один в один. Почти идеальная копия. Разве что чётче и глаза разноцветные. Известно, что наши древнейшие где только не побывали до того, как решили отдохнуть на Клервинде.

– Я видел его, – произнёс Дайдрус. – Не надо никого звать. Да, этот парень – отец моей матери. И он уже сделал мне

предложение присоединиться к нему перед сражением. И ещё раз после того, как меня поместили в отдельную камеру.

– Почему ты не принял его? – изумился Кармин. – Этот парень – твоя семья.

– То, что я похож на него внешне и одну с ним религию исповедую, ещё не значит, что между нами возможны настолько хорошие отношения, что мы сможем не возжелать смерти друг другу в скором времени. Впрочем, именно этим вечером я решил снова обсудить с ним это. Ну а сюда заглянул, чтобы предупредить, что братья всерьёз разозлились на Кармина за то, что он решил в одиночку съесть герцогиню Дайиси и ни с кем не поделился.

– Съесть? – поморщилась Сарма.

– Советую немедленно обеспечить герцогине максимальную охрану. Братья говорили о том, что Кармин будет наказан, а множественное отцовство – забытая, но всё ещё приемлемая традиция. Лично мне религия не позволяет даже думать о таком, потому я сейчас здесь.

– Что он имеет в виду, Кармин? – полушёпотом спросила Сарма.

– Иначе говоря, мои братья решили, что заставят меня переоформить брачный контракт так, чтобы у тебя был не один муж, а несколько. Это такая глупость, что я уверен, что это шутка. Но на всякий случай стоит спрятать тебя.

– Такое действительно бывает? – поражённо спросил Рэй-

ли.

– У нас такие браки не запрещены, – кивнул Кармин. – И во многих царствах практикуются. Особенно у высокородных. Но... – он на мгновение зажмурился, но расслабился, и только морщинка между бровей выдавала его сосредоточенность, прежде, чем он яростно выпалил: – Убью к Хенеру!.. Спасибо, Дайдрус. Отправляйся к Виру.

Но Дайдрус не пошевелился. Он внимательно разглядывал лицо брата.

– С какой стати они решили, что им кто-то такое может позволить? – поинтересовалась Сарма, но её взгляд упал на сжавшиеся кулаки Кармина. – Нет, Кармин. Ты не должен даже думать об этом. Твоим братьям никто не позволит творить беспредел. Это империя Бесцейна. Здесь на любую силу найдётся большая. Тебе нет нужды встречаться с ними.

– Правда? Они успеют вытворить что угодно, Сарма, прежде чем сюда прилетит кто-нибудь достаточно сильный, чтобы их припугнуть. Значит, это я должен их остановить.

– Нет, я тебе не позволю.

– Каким образом? – Кармин усмехнулся. – Кстати, как драка с Хэллисом? Вижу, он разбил тебе нос. Дай угадаю: ты решила, что он выкрал меня? Откуда я знаю? Я специально подкинул датчики к пределу принца Хоакина. Ты должна была вытрясти из Хэллиса всю душу. А он должен был осознать, что ты готова для меня абсолютно на всё. Получилось? Да, я думаю, что сработало. Я хотел раз и навсегда вра-

зумить его так, чтобы мне не пришлось прибегать к насилию. Потому пришлось в который раз тебя обмануть. Я думал, ты немного позлишься на меня, и всё будет чудесно – нам больше никто не помешает. Но я не предполагал, что сразу же за этим появится слишком много копий Хэллиса и это будут мои братья. Здесь уже никакая хитрость не поможет. А тебя... тебя они просто утащат с планеты. И все похищения, о каких я здесь слышал... будут ничто по сравнению с этим. Я не смогу тебя отыскать. Потому сейчас ты должна спрятаться так глубоко, как это только возможно. Повезло, что Дайдрус сохранил веру.

Сарма молчала. Он снова обманул её. Неужели? В это поверить трудно!

И неужели он снова будет прощён? И на этот раз тоже?

– Остаётся надеяться, что Девайин делает это только ради разведки или чтобы припугнуть тебя, – не слишком громко сказал Дайдрус брату, кивнув Сарме и Рэйли, и шагнул через кусок покорёженной двери, чтобы направиться прочь из казарм доспешников.

Кармин молча последовал за ним.

– Кармин! – крикнул вслед Рэйли. – Не беспокойся о ней. Я обеспечу её сохранность.

– Спасибо! – отозвался Кармин.

– Я вызову Шесну Коли, – сказал Рэйли. – Уж если кто и сможет тебя спрятать, то это она. А потом она может захотеть и повозиться с кучей алмазных варлордов.

Подумал и добавил:

– Если только не напилась и не полезла снова к принцу Адмору.

– Боги... – вздохнула Сарма. – Наверняка уже у него в башне.

– М-м-м... – как от боли застонал Рэйли. – Нет, мы обречены... Но должны попытаться. Шесна и в самом невменяемом состоянии способна на большее, чем любой доспешник.

Кармин не снял формы доспешника, чтобы никто из своих не пытался его арестовать за полёты над столицей. Да и времени на это, как он считал, уже не было.

Дайдрус стоял на одной из крыш, неподалёку от зависшего в воздухе Кармина, и всё не уходил. Он не знал, где находится дом его деда, но даже после объяснений не торопился покидать Кармина.

– Я вовсе не хочу отдать жизнь за тебя или свою веру, – медленно объяснял Дайдрус. – Я всего лишь хочу посмотреть на то, как ты будешь изворачиваться. То, как работает в таких ситуациях твой мозг – это нечто удивительное для меня.

– Дайдрус... Прежде я был уверен в себе и своих силах. Против братьев и грубой силы, ты знаешь, мне нечего противопоставить. Угроза расправы сильно снижает способность к трезвому и быстрому мышлению. А она есть и немалая.

– Если вдруг тебя это заинтересует, то Крон в этом пла-

не упрямее всех. Девайин... не знаю. Он иногда кажется не слишком умным, но когда нужно... Я их чувствую! Дьявол, Кармин, дела твои плохи.

– Да. Пятнадцать.

Против пятнадцати братьев ему нечего противопоставить. Они уже близко.

– Ты понимаешь, что если они будут тебя изошрённо пытаться, я не смогу ничего сделать? – поинтересовался Дайдрус.

– Понимаю.

– Тогда последуй моему совету и спрячься.

– Сейчас надо дать время Сарме. Она должна спрятаться.

– Но они же её не убьют. Точно нет. А тебя – вполне возможно.

– Дайдрус, – немного укоряюще проронил Кармин.

– Молчу, – с усмешкой отозвался брат.

Кармин пытался унять дрожь. Он очень боялся расправы, но всё же не настолько, чтобы лететь прочь и пытаться спрятаться. И, что удивительно, даже не настолько, чтобы страх перекрыл нечаянные мысли и образы, мелькающие перед глазами. Он видел лицо Сармы. Её милые взгляды и улыбки, поворот головы. Он помнил какие-то вещицы, которые в разное время она держала в руках: платки, рубашки Эю, баночки и столовые приборы, заколки и предметы одежды, брикеты топлива, листья и даже хворостинки. Каждую вещь хотелось забрать из её рук, спрятать в тайном месте и сохранить – такими эти предметы стали для него оча-

ровательными, и только потому, что их держала она, когда поворачивала голову к нему и поднимала свои красивые глаза, всегда блестящие от неподдельных чувств радости, восхищения и любви.

И это чудо, эту милую и красивую серену, наполняющую волшебством всё вокруг, вздумали использовать в своих целях его братья?

Все эти образы и мысли так и не сложились ни во что определённое. Впервые Кармин бездумно созерцал безумие, которое творилось в его страдающем, напуганном внутреннем мире, одновременно удерживающем бурю из ярости и нетерпеливого ожидания малейшей возможности мстить братьям за одно только предположение, что с Сармой можно поступить так, как они задумали.

– Они близко, – вдруг нарушил тишину Дайдрус.

– Вот и отлично, – Кармин старался, очень старался, чтобы его голос оставался спокойным.

– Уже совсем рядом.

– Замечательно. Давно их не видел. Соскучился.

– Очень смешно.

В воздух рядом с Кармином будто ворвался Девайин:

– Кармин!.. Как поживаешь? Дайдрус меня опередил? И что ты ему пообещал? Нет, парни, так не пойдёт. Ладно бы Дайдрус взял подкрепление из Сола, Тамиджи и Канса, но нет...

– Моя религия разрешает определённую форму брака, со-

всем не похожую на то, что вы задумали, Девайин, – тут же уточнил свою позицию Дайдрус. – Но это не мои проблемы, а Кармина. Потому я немного понаблюдаю за вами и улечу.

– Но ты предупредил его.

– Да.

– Религия?

– Она.

– Какого Хенера, Дайдрус? Тебе религия никогда прежде не мешала. Ты как будто только что её придумал!..

– Я не очень хорошо помню все запреты. В некоторых я вообще не уверен. Но это запомнил. У одной женщины должен быть только один муж. У одного мужчины – только одна жена. Пусть только на пять лет – чёрт с ним – но только одна.

– Хорошо, ты предупредил Кармина, я это понял и простил, ну а теперь проваливай.

– Моё присутствие что, плохо повлияет на моральный настрой остальных братьев? – чуть насмешливо поинтересовался Дайдрус.

Вместо ответа Крон и Сол, ворвавшиеся в воздух рядом, негромко прокляли судьбу.

Остальные, появившись на мгновение позже, увидев Дайдруса, точно так же опешили, но собрались с духом и взрастили клинки вслед за уверенным в Дайдрусе Тамиджи. Девайин на всякий случай сообщил, что Дайдрус только наблюдает, и Кармин на деле один.

– Что же, мне, пожалуй, пора, – вздохнул Дайдрус и, маза-

нув по Кармину почти безразличным взглядом, упал в пространство южной части неба над городом.

– Я бы хотел избежать ненужного кровопролития, – с кривой ухмылкой и выдохом, выдавшим облегчение, "обнадёжил" Девайин. – Всё просто. Как тебе сказал Дайдрус, мы хотим, чтобы ты потеснился, малыш. Выбирай: либо твоя дочь будет объявлена нашей, либо твоей, но только с тем условием, что все следующие дети герцогини Дайиси будут принадлежать нам. И тебе тоже, конечно.

Кармин моргнул и посмотрел на своих братьев, будто проигнорировав Девайина. Они ждали.

Девайин не был самым старшим сыном Деказруа Шестого и не намного отличался по возрасту от Кармина, но он отлично сочетал в себе набранный воинский опыт, силу, скорость мысли и кое-какое умение понимать мотивы разумных, и до сих пор это делало его главным среди прибывших на Пенрин братьев. Чья бы ни была идея использовать Сарму, если Девайин за неё ратует, то это уже обеспечивает другим уверенность в том, что цель будет достигнута. Но именно Сол показался Кармину тем звеном, удалив которое можно будет рассыпать, или же значительно укоротить ту цепь, которая готова душиť любого сопротивляющегося. Потому Кармин обращался в основном к Солу и явно же разозлённому Кро-ну когда заговорил:

– Девайин умолчал о некоем факте. То, что ему прекрасно известно, а вам... быть может, и нет. Очень часто, очень-

очень часто дети в таких браках принадлежат... либо тому, кого выберет женщина. Либо... лидеру. Даже среди, казалось бы, одинаковых братьев... всегда найдётся более опытный или более влиятельный – кто-то, кто станет негласным лидером. И его детей окажется больше всего. И вы не скоро поймёте, что совершили ужасную ошибку, потратив большое количество времени на этот брак. Вероятность получить от герцогини Дайиси ребёнка, абсолютно точно своего, для некоторых из вас сведётся к нулю. А вот для Девайина вероятность явно будет настолько велика, что ему предприятие оказывается выгоднее всех. Он уверен в себе. И вы ему слишком доверяете.

– Но зачем только свой ребёнок, если мы планируем жить единым кланом, где все равны?

– Не будет равенства, Неррас. Я или Девайин – один из нас будет иметь больше прав на детей и потому станет лидером.

– Ты не станешь лидером, Кармин, – пообещал Девайин. – А мы, братья, всё уладим между собой.

– Смотри, если ты убьёшь меня, то никогда не получишь контракт с Дайиси, – быстро проговорил Кармин, теперь слишком явно ощутив, будто бы он не один из братьев и будто бы выкинут из какого-то внутренней общности, более глубокой, чем братские узы. – Она всё же находится под защитой своего отца и вольна вообще не выходить замуж.

– Нет, тебя мы не убьём, – мягко пообещал Девайин. – Ты прав, ты нужен нам для того, чтобы мы смогли получить

контракт с Дайиси.

– Что же, раз меня вы всё равно не убьёте, то... – Кармин остановился.

Ему больше не хотелось разговаривать. Он собирал силы и концентрацию на братоубийство. Взрастив клинок, он тут же бросился на первого же двинувшегося навстречу противника. Им оказался Крон. Самый крепкий, самый сильный из старших братьев. Теперь всё наверняка закончится плохо.

– Господа! – вдруг раздался ясный и чистый женский голос позади Кармина, и его сердце на миг замерло, потому что он подумал, что это Сарма. – Я предлагаю вам вернуться в адаптационный лагерь.

Крон и Кармин одновременно отступили. У Кармина уже были оцарапаны доспехи на шее и груди, но одежда в этом месте словно не была тронута – так надёжно её дополнительная броня и перевязи держали ткань. Крону повезло меньше – его одежду с одного плеча будто срезало, а на другом плече рукав уже начинал темнеть от крови. Но он не обратил внимания на ранение – лишь голодным взглядом скользил по фигуре обладательницы чистого голоса.

Но голос этот Кармин не знал. Хотя женщина... смуглая доспешница с белыми, словно седыми волосами, встречалась ему в казармах и штабе. А ещё он смутно припоминал её среди принцев, обрушившихся два года назад на группу наследников.

Сейчас она поравнялась с Кармином и повернула голову

в его сторону, чтобы сказать:

– Не забывай, что здесь и сейчас ты представляешь доспешников Ньюна и никакие личные дела не должны затмевать твой разум.

Кармин быстро сообразил, насколько неудачной для него будет тактика следования совету этой женщины.

– Я думаю, что нет. Я ещё не присягнул Бесцейну.

– Ещё нет – это так. Но если ты хочешь присягнуть ему, то самое время начать составлять о себе хорошее мнение императора.

– Присягнуть ему может и преступник, – парировал Кармин, сжимая рукоять меча и едва заметно, между словами переводя дыхание. – Суть не изменится.

– Ой, да перестань корчить из себя этакого словесного дуэлянта!.. У тебя в небе парни, которых здесь быть не должно. Ты их спустишь на землю или арестуешь?

Кармин вздохнул и предупредил братьев, что закон запрещает полёты над этим городом, а потом предложил им спуститься на улицы.

Но братья, естественно, отказались.

– Вызывай помощь, – с непроницаемым лицом сказала Кармину доспешница и обратилась к алмазным варлордам:

– Господа. Вы должны подчиняться законам империи Бесцейна, если находитесь на его территории. Единственное место на трёх планетах империи, где эти законы не вполне действуют – это адаптационный лагерь, созданный только

для вас в рамках дипломатической миссии. Это же касается и брака с герцогиней Дайиси. В империи чётко прописана форма брака, и она не соответствует вашей идее множественного отцовства. Потому я повторяю требование: спуститесь на улицу или возвращайтесь в адаптационный лагерь немедленно.

– А какого Хенера и она всё знает? – взорвался Крон. – Сдаётся мне, Дайдрус прилетел сюда раньше, чем мы думали, и у Кармина уже готова для всех нас костеломка в стиле его прежних выходов.

– Подкрепление прибыло, – трубно прозвучал ещё один голос за спиной Кармина.

И это снова был один из принцев и древнейших, выводивших из строя князей Деказруа два года тому. Разве что, кажется, в отличие от доспешницы, этот парень сразу же вызвал и других принцев. Они словно бы ждали, словно бы были наготове. А может быть это и так, если один из них ясновидящий. Но они не выглядели как принцы империи. Всего лишь несколько полуодетых крылатых и трое перевёртышей. Либо здесь не принято выставлять богатство напоказ, либо не все из них принцы и задача их только припугнуть алмазных варлордов, а в бою эти смельчаки не так уж и хороши.

Но Кармин всё равно ощутил, как внутренняя дрожь начала униматься. Не смотря на абсолютное недоверие к принцам и тем парням, которые прилетели, прикрываясь давлением узнаваемых лиц настоящих принцев, впечатление бы-

ло такое, что первый раунд выигран.

Крон принялся ругаться не стесняясь. Взгляд Девайина изменился, но он только крутанул меч в руке.

Однако слева подлетела пара ужасно похожих между собой парней. Это были Дайдрус и его дед-крылатый, принц Вир, очевидно маг, когда-то живший в империи Тахри.

В то же время со стороны озера, справа, к алмазным варлордам двигалась небольшая армия перевёртышей, и едва они подлетели ближе, как стало ясно, что это две волны бойцов пределов Классика и Рашингавы. Кармин узнал братьев Сармы, едва ли не всех, и... Хэллиса. Сперва было не слишком понятно, к какой группе примкнёт Хэллис, но он держался рядом с Нинио и о чём-то с ним переговаривался. И Кармин впервые ощутил что-то вроде надежды на то, что всё закончится без крови.

– Дайдрус? – с прохладцей заговорил Девайин. – Ты всё же решил сразиться за свою веру?

– Простите. Тамиджи, Сол, Айвер, я решил выйти из всех наших договорённостей, – чуть опустил голову Дайдрус.

– Ты и с Тамиджи договорился за моей спиной?! – вскричал Айвер.

Сол застонал, как от боли:

– И почему я верил ему?..

– Если вкратце, то я решил присягнуть Бесцейну как внук принца Вира, – пояснил Дайдрус.

– Решил только что? И веру придумал только что? –

немного повысил голос Девайин. – Думаешь, я в это поверю?

– Можешь верить во что угодно, мне это безразлично, – лениво проговаривал слова Дайдрус.

– Хэллис, а ты какого Хенера делаешь на той стороне? – продолжал недоумевать Девайин.

– Я не обещал вам поддержку, – громко ответил Хэллис. – Я не заверял вас в своих симпатиях. Лишь поделился информацией. И правильно сделал. Ваши действия после получения этой информации обнажили ваши истинные мысли – не смотря ни на что, вы не собираетесь становиться полноправными подданными Бесцейна, вы лишь хотите пользоваться благами империи и с их помощью построить своё богатство. Лично мне, учитывая все обстоятельства, в этом нет никакой выгоды.

– Что же... в таком случае мы отбываем с планеты, – объявил Девайин, – но только при одном условии: наши сёстры и дочери улетают с нами.

– Только те из них, которые захотят этого, – возразила беловолосая dospешница. – И то же самое касается ваших дочерей. Если одна из них откажется улетать с вами, то это значит, что она перестаёт считать себя вашей дочерью. Сомневаюсь, что такие найдутся, но всё же знать наверняка нельзя.

– Хорошо, – спокойно ответил Девайин. – Однако... вы должны знать, кто именно остаётся у вас. Вы считаете, что когда мы слетим с планеты, вы сможете вздохнуть с облегчением, но на деле с вами остаются худшие из худших. Дай-

друг и те четверо, что остались в лагере – носители воли Деказруа Шестого, исполнители самых жестоких его приказов. Случись Деказруа завоевать эту планету, именно эти четверо провели бы на ней резню, отделяя полезных разумных от бесполезных, уничтожая опасных самыми жестокими и коварными методами, разработанными Дайдрусом, который этому учился, кстати, у Кармина. И если вы думаете, что оставив у себя этих зверей в обличие разумных, вы сможете их как следует выдрессировать, то вы очень ошибаетесь. Они развернут ваших друзей против вас и, в конце концов, сделают вас рабами. Разве что не так явно и скоро, как сделали бы это, прикрываясь властью Деказруа Шестого и пользуясь его влиянием. Причина, по которой мне было бы не жаль убивать Кармина – в презрении и отвращении, которое все мы к нему испытываем. Потому что нормальные разумные не испытывают ничего хорошего к таким, как он. Подумайте, стоит ли его защищать, если даже братьям не жаль его, а родной отец запретил ему воспроизводить себя в детях.

Ответом Девайину было полное молчание.

Все собравшиеся напротив алмазных варлордов защищали закон Бесцейна и охраняли порядок на своей планете. Кармина, возможно, никто защищать и не собирался. Просто это так выглядело для Девайина и его братьев, внезапно оказавшихся в меньшинстве и под сильным давлением.

Кармин взглянул на Дайдруса.

Тот смотрел прямо перед собой и будто бы не чувствовал

ни стыда, ни раскаяния. Презрения и отворачивания к Кармину тоже не находилось. Дайдрусу отец тоже запрещал спать с женщинами, способными зачать. И как будто бы это было именно для того, чтобы вывести их, парней, выбранных отцом для грязной работы, в особую касту тех, кого не жалко, кто презираем, и тех, за кого никто и никогда не будет мстить.

Девайин, а вслед за ним и остальные, не сказав больше ни слова, упали на запад – в направлении адаптационного лагеря.

– Нужно усилить охрану сестёр, – первым делом сказал Дайдрус. – Они наверняка прямо сейчас летят туда.

– Они не должны знать, где находится их лагерь, – возразил один из перевёртышей, возможно принцев-древнейших, отдалённо напоминающий Хэллиса, и тут же принялся раздавать поручения: – Нинио, Айрелл, Ро и Хэллис, вы присматриваете за Кармином и Дайдрусом. Я услышал угрозу в их адрес и мне даже почти интересно, что за ней последует. Мы с Виром, Вайсварреном и Хантом займёмся усилением охраны варледи и организацией сопровождения партии Девайина прочь. Мы должны знать, что они отбыли и не вернуться, чтобы похитить какую-нибудь леди. К сожалению, я не имею ни малейшего представления о том, кого просить о сопровождении.

– Я могу последить за ними отсюда, – вызвалась беловолосяя деспешница.

Это значило, что это не просто храбрая леди-офицер. Эта женщина – могущественный маг. Отсюда и смелость для противостояния отряду алмазных варлордов.

– Я доложу Бесцейнам, – сказал один из пары черно-волосых крылатых, держащихся поодаль, и у Кармина при взгляде на него вдруг необъяснимо заколотилось сердце. – Они будут счастливы, что больше не нужно оплачивать досуг шестнадцати из двадцати князей... Дайдрус, Кармин. В этой империи полным-полно тех, кто в прошлом проявлял крайнюю жестокость. И в отношении друг друга тоже. Этот парень, – крылатый кивнул на перевёртыша рядом, отдалённо похожего на Хэллиса, – неоднократно вырезал всё моё потомство, включая женщин и детей. Но здесь мы с ним служим Бесцейну и пытаемся построить новое общество. Потому мы забыли о мести. Хотя бы на то время, пока работает наш эксперимент по созданию мирного убежища с идеальным обществом. Ради своей цели мы забываем о прошлом, пусть это и невозможно на деле. Ради нашей цели и мира вас никто не станет допрашивать и не осудит за прошлую жестокость. И как только Бесцейн примет вашу присягу, вы станете подданными империи, которых мы будем вправе защищать даже от вполне справедливой мести.

– Он ясновидящий, Кармин, – вдруг сощурившись, сказал Дайдрус. – Если он говорит это, то только потому, что видит, что в будущем ты будешь хорошим, милым мальчиком, который неплохо послужит империи Бесцейна. И целям

принцев.

– Скорее всего ты прав. Да, я уже полностью готов стать одним из подданных Эрика Бесцейна.

– В таком случае... – ясновидящий улыбнулся и послал в сторону Кармина загадочную волну света, после которой у варлорда зашипало кожу на шее возле ключицы. Предположительный ясновидящий тут же растворился в воздухе, словно исчез в тумане.

Это исчезновение будто послужило сигналом для партии принцев-магов. Они срывались с места или исчезали как ясновидящий, а братья Сармы и Хэллис и его сопровождающие окружили Кармина. Он дотронулся до чего-то щекочущего на шее и обнаружил кровь. Оказывается, Крон поцарапал ему шею, а Кармин этого даже не заметил.

А ясновидящий исцелил. Значит, Кармин стал для него "своим" сейчас, ещё до присяги Бесцейну.

– Пусть Сапфир и обещал, что тебя не будут допрашивать, – протянул Хэллис. – Но я должен знать, кому отдал Дайиси. Что такого ты натворил, Кармин Тахри, отчего тебя презирают родные братья?

– Как будто не достаточно делать то, что должен, чтобы родные братья тебя не возненавидели. Не так ли, Дайдрус?

– Совершенно верно, – спокойно, почти безэмоционально отозвался Дайдрус, и прибавил: – Ненавижу тебя, будь ты проклят.

– И всё же? – с придыханием интересовался Хэллис, почти

идеально скрывая надежду услышать нечто ужасное.

– Отец приказывал мне подавлять восстания на едва завоёванных территориях, – быстро сказал Кармин. – Подавление восстаний, быстрое и эффективное, всегда несёт отпечаток жестокости. Я выполнял приказы своего отца и повелителя снова и снова. Ничего больше. И если вдруг ты, Хэллис, ищешь выгоду в моих словах, то Дайиси я уже рассказал об этом.

– А то, что ты подбросил свои датчики ко мне?

– Это только для того, чтобы ты понял, на что она способна ради меня.

– О, она на многое способна, – издевательски затянул Хэллис. – Я сказал ей, что доставлю тебя ей живого и почти невредимого, если она заключит контракт со мной. И она почти согласилась.

– Ты её совсем не знаешь. Предложи ты такое любой другой серене, она, чувствуя бессилие против твоей воли, возможно и согласилась бы. Но Дайиси – боец. Она чувствует, сознаёт и готова воплощать свою силу, свою гордость и волю. Она всегда была и будет готова бороться за то, что выбрала. А она выбрала меня.

– Потому что понятия не имела, что ты представлял в прошлом.

– Она не отступится, – покачал головой Кармин, отвечая на пристальный, немигающий взгляд Хэллиса. – И правильно делает. Если, как сказал Дайдрус, ясновидящему всё рав-

но, каким было моё прошлое, то будущее я никак и ничем не запятнаю. Если это будет будущее с ней, то поверь мне, я не дам тебе ни одного шанса указать ей на мои недостатки.

Хэллис поджал губы и с неудовольствием отвернулся было, но тут вдруг сверкнул весельем в глубине глаз и сказал:

– Я буду присматривать за тобой, Кармин. Всё время. Нет, я не буду её расстраивать зазря. Но если ты думаешь, что тебе достаточно просто хорошо себя вести, то ты ошибаешься. Я буду следить за тобой очень внимательно. И если ты совершишь хоть один промах... всего один, любой!.. Я сделаю так, что этот промах станет катастрофой для тебя.

Кармин кивнул и повернулся в ту сторону, куда улети-ли его братья. У него не было ни малейшей уверенности в том, что принцы действительно проследят за дальнейшими маршрутами алмазных варлордов. С другой стороны, они действительно опасны и было бы гигантской глупостью просто отпускать их.

– Я бы на месте принцев просто отравил их, – сказал Дайдрус, уловив направление мыслей Кармина.

– При помощи эскортесс, к примеру, – пожал плечами Кармин и облизнул губы.

– Большая часть принцев – крылатые, – возразил Нинио. – У них такое считается чем-то сродни трусости. А она оскорбительна. Потому точно нет. Но даже если бы такого не было, принцы не стали бы нарушать закон Бесцейна даже в отношении опасных для империи личностей.

– Вы уверены?

– Нет. И всё же... И кстати, куда Шесна Коли дела Сарму?

– Я не знаю, – отозвался Кармин. – Но пока те пятнадцать

Тахри не уберутся как можно дальше... до тех пор я не хочу, чтобы она рассекретила своё убежище. Я предлагаю... спуститься всем на улицу, господа. Не стоит и дальше бесить допешников своим видом.

Вскоре все они стояли в каком-то переулке возле витрин магазинов, за которыми плотно набилась тьма. Стёкла теперь играли роль зеркал, и братьев Сармы с сопровождающими Хэллиса казалось много больше, чем их было на самом деле. Все они, даже их отражения, пытались задавать Кармину какие-то вопросы, но за него отвечал Дайдрус. Кармин же впал в такое же состояние, какое заметил однажды у Сармы, когда она не слышала плача Эю, даже сидя с ней рядом. Это состояние оказалось густо замешано на подавленности и попытках впустить в свою голову что-то, с большим трудом прорывающееся извне сквозь слои упрямства. Помолчав так какое-то время, Кармин промучился сам с собой и своими мыслями и всё же пришёл к болезненно-неприятным выводам.

Во-первых, оказалось, что попытки использовать Сарму кем-либо – это дикость и по форме и по содержанию, но себе он охотно прощал всё подобное. Во-вторых, едва прочувствовав эту дикость, он уже не сможет совершать то же самое в отношении Сармы. Не сможет настолько верно, насколько

теперь начал испытывать отвращение к себе за то, что послал любимую к сопернику, зная, что она его впечатлит. В третьих, он простил бы Сарму, если бы она использовала его таким образом, но кажется, потребуется что-то невероятное, чтобы он смог простить самого себя. Тем более, после того, как обещал ей больше не обманывать её.

Кармина долго не пытались отвлечь от мыслей. И он смог внутри себя добраться до простейшей идеи просить прощения у Сармы.

И когда ночью её доставили в предел, он поднёс ей Эю и принялся извиняться, Сарма оборвала его и сказала:

– Оставим это на потом. Мы все устали... Ты снова говоришь милых глупостей, я тебе поверю и прощу, чтобы забыть. Но я не хочу. Я хочу примерно наказать тебя чуть позже. А для этого замолчи и ложись спать. Ты не спал пару суток. Тебе точно нужен сон, а не моё прощение.

– Наказать... Сарма, я приму любое наказание. Хотя звучит это, конечно, не слишком серьёзно.

– Быстро спать, я сказала!

Следующим утром более или менее выспавшийся Кармин Тахри стал Кармином Коварным. Новое имя выбрал ему император Эрик Бесцейн, прервав торжественный процесс принесения присяги алмазным варлордом. Его новое имя должно было постоянно напоминать Кармину о его обещании служить Бесцейну со всем милосердием и всей честностью, на какие только способен перевёртыш. Со своей сторо-

ны Бесцейн впервые принёс клятву своему подданному. Он поклялся Кармину Коварному, что никогда не отправит его на подавление восстания в какой бы то ни было форме. Кармин Коварный, даже находясь в составе войск или доспешников, будет отозван в случае нужды в умирении бунтующих подданных императора так, чтобы устраниваться от всего, что связано с бунтом или восстанием.

Одна из принцесс крови поднесла ему венок из цветов, сплетённый собственными руками и познакомила, наконец, с Накханским принцем. Оказалось, что этот парень, которого все называли Колином Хантом, прибыл с другими принцами в качестве подкрепления, чтобы остановить алмазных варлордов – Кармин узнал его лицо. И Кармин не забыл выразить ему свои чувства по поводу его смелого выступления против Деказруа Шестого. Накханский принц первым скрестил меч с отцом Кармина, очень долго держался с ним на равных и едва-едва не погиб.

А теперь, стоя на площади возле дворца под говорящим названием "Точка Соглашения" Кармин в который раз нервно облизнул губы. Они горели. Горела и щека, по которой только что врезала ему Сарма. Она ударила алмазного варлорда не жалея сил, и теперь её рука чудовищно болела. Сарма громко проклинала своего эрцеллет-герцога и собиралась врезать снова, как только её рука придёт в норму. Другая щека Кармина запылала тоже. Отчасти потому, что на Кармина сейчас смотрели Дайдрус и его новая семья, сам принц

Рашингава и целое полчище титулованных и принцев.

Сарма была уверена в том, что Кармин не стремится проявлять нежность к ней на виду у других разумных и потому решила дать волю гневу здесь и наказать его прямо перед дворцом Точки Соглашения, в котором Кармин Коварный только что обрёл своё имя. Она решила, что здесь он не посмеет обнять её так, чтобы она забыла свой гнев. И потому ругалась и планировала колотить своего мужа и дальше.

Какую наивную слабость перед ним она снова проявила, выдумав такое!..

Но Кармин шагнул к ней и поднял в воздух, чтобы прижать к своей груди как можно крепче. Сарма тут же смолкла. Отлично. Объятия как прежде работают.

Соскользнувший с гладких волос венки принцессы крови Кармин подхватил и аккуратно надел на голову Сармы. Ей необыкновенно сильно шли пунцовые и пурпурные цвета.

Вот и всё. Хэллис будет завидовать молча, угрозы сохранности Сармы больше нет. О том, что Дайдрус будет интриговать, можно больше не беспокоиться – его дед за ним присмотрит. Пусть Дайдрус и не уверен в силе родственных связей, но общая вера, воспоминания о матери одного и дочери другого свяжут этих двоих, таких похожих внешне.

Братья Сармы неплохие ребята, принц Рашингава не изъясил недовольства ни по одному из дел Кармина, а Эю совершенно здорова и радуется каждому дню и своему папе. Дела алмазных варлордов как подвиды возьмёт на себя млад-

ший брат Тэй. И Крис Рэйли, кажется, совсем не против того, чтобы Кармин исполнял обязанности деспешника и даже больше того...

– Это всё? Ты меня наказала?

Сарма что-то согласно промычала, полуприкрыв глаза.

– Мне бы сегодня ночью в засаду... есть дело о похищении ребёнка... – нерешительно начал Кармин, почти всем телом ощущая, как медленно тело Сармы покидает дрожь.

– Не-ет... – простонала она. – Только не это. Я скучала по тебе все эти дни. Что я буду делать без тебя ещё и этой ночью?

– Хорошо, этой ночью я не пойду. Может... завтра?

– Завтра мне будет слишком тяжело тебя отпускать. Послезавтра, хорошо?

– Хм...

Сарма упёрлась ладонью в его грудь:

– Ты можешь отпустить меня, я куда лучше себя чувствую и контролирую.

– Точно? – Кармин осторожно отстранился и посмотрел в глаза своей возлюбленной: – Сарма, я хочу, чтобы ты была уверена в том, что я искупил вину и усвоил урок. Я же прекрасно понимаю, что тебе в тягость считать себя слабой хоть в чём-то, даже если эта слабость исходит от силы твоей любви ко мне. Я думаю, что тебе просто необходимо назначить мне серьёзную кару за твоё вынужденное путешествие к Хэллису.

– Хорошо, я... придумаю что-нибудь. Ах да... отлично. Никаких засад целый период!..

– Что?.. Не может быть. Это слишком жестоко!..

– Кармин Коварный, и это ты говоришь мне о жестокости?

– Да и ещё раз да. Потому что не дать преступнику испить другую вину – это то же самое, что не дать воды изнемогающему от жажды. Разве не жестоко?

– Ты можешь заниматься этим днём, когда я на тренировке или с Эю. А ночью точно, абсолютно точно должен быть со мной.

Кармин ощутил приятную волну, поднявшуюся внутри. Он не смог сдержать улыбки. Ему, алмазному варлорду, не смотря ни на что, всё ещё льстило приглашение в спальню от обычной, пусть и очень-очень сильной варледи – Сармы Э Дайиси.

– Это слишком приятно, чтобы быть правдой, – пробормотал он, касаясь своей горячей кожей её, сейчас такой прохладной.

Внутри него словно заиграла мелодия, и он принялся тихонько напевать её. Сарма улыбалась ему. Солнечные лучи золотили её волосы и заставляли светиться кожу. Разумные вокруг почти перестали обращать на Кармина внимание, расходились и разъезжались, и он ощутил некоторую свободу. Наверное, можно даже поцеловать Сарму.

– Ты знаешь, что ты очень красива? – спросил он, медленно и плавно проговаривая слова.

– Нет, Кармин, ни днём раньше.

– Что?

– Я отпущу тебя в твои ужасные засады только через лунный период, и ни днём раньше.

– Я не об этом. Ты подумала, что я лщу тебе? В этом нет никакой необходимости. Дайиси, почему никто в этой империи до сих пор не сказал тебе, как ты красива?

– Вопросай так ежедневно, но я всё равно никогда не поверю в то, что ты действительно так думаешь.

– Представь себе, пройдут сотни, а потом и тысячи лет, и я не разлюблю тебя. Тогда ты согласишься, что ты до невероятного хороша собой?

– Нет. Но мне ещё сложнее поверить в то, другое, что я сейчас услышала. В то, что ты вот так естественно признаёшься мне в своей любви как в самом сильном чувстве, словно бы я и так это знала. Или я неверно поняла тебя, и ты вкладываешь в слово "любовь" смысл равный влюблённости?

– Я думал, из-за того, что я намного моложе, ты видишь меня насквозь хотя бы в моём отношении к тебе и решил, что ты давно всё поняла, раньше меня самого. Но, похоже, это не так?..

– Не так. Объяснись.

– В какой-то момент, когда Дайдрус убеждал меня спрятаться от братьев... я подумал, что впервые слишком злюсь, чтобы внимать голосу разума. Что хочу убить Девайина и Крона за их намерения на твой счёт. Впервые я так безрас-

судно желал кому-то смерти. Впервые я не пытался ничего придумать, чтобы вывернуться, и хотел лишь драки. И тем вечером головой, кажется, думали абсолютно все, кроме меня. Я лишь выбирал наилучший момент для удара. Это очень на меня не похоже. Но потом моё стремление разрешить всё без крови возобладало и постепенно я понял, что для мужчины, который просто очень любит свою серену, кровожадность... почти нормальна в той ситуации. Знаешь, я думаю, что ты начинаешь влиять на меня настолько положительно и серьёзно, что скоро я не смогу измыслить абсолютно ничего коварного и жестокого, даже если от этого будет многое зависеть.

– Я не уверена в том, что такое возможно, но мне нравится такая мысль. Я полюбила тебя чистосердечного и открытого, способного прощать, видеть и держать на прицеле самое главное, такого молодого, но при этом удивительно мудрого. Я хочу, чтобы ты был таким и впредь. Пусть твоё прежнее коварство помогает тебе в будущем видеть побуждения врагов и предупреждать их действия... и только. И больше не используй меня в своих махинациях, ты понял?

– О, конечно. И не собирался. Нужно было только впечатлить Хэллеса. Кстати, если этот негодяй даже одним глазом посмотрит на Эю, я сделаю его жертвой всех возможных неприятностей.

– Об этом не беспокойся. Я тоже не слишком хочу, чтобы Эю стала объектом его интереса. И чьего-либо вообще до тех

пор, пока она не станет старше, чем ты сейчас.

– А лучше... старше, чем ты сейчас.

Сарма рассмеялась:

– Шесть тысяч лет в одиночестве? Нет, это слишком. Я была измучена.

– Достаточно измучена, чтобы принять решение прийти ко мне в руки. Это было восхитительно с твоей стороны, – улыбаясь, говорил Кармин.

– Восхитительно с твоей стороны будет никогда не задерживаться в штабе деспешников, ясно?

– Ясно, эрцеллет... то есть... любимая.

Довольно долгое время Кармин Коварный служил империи рядовым деспешником, но без него редко обходились сложные операции по аресту групп преступников. Он летел на них с азартом, каким заражал всех своих товарищей. Своим примером он привлёк в службу деспешников множество сильных и смелых разумных, и именно к тому моменту, когда это стало необходимо, Крис Рэйли обладал отборными отрядами, не страшась и алмазных варлордов. К тому моменту Кармин Коварный стал офицером, и принц Рашингава предложил ему работать в столице первой колонии. Сарма была этому только рада. Ей больше не нужно было тренироваться со своим отцом, чтобы поднимать навык и уже давно не было нужды тренироваться с другими наследниками, потому как Кармин сам тренировал её, прекрасно

понимая, что заботы о детях не позволят ей удержаться в рейтинге предела на первом месте. Но Сарма могла чаще видеть своего отца, и с тех пор стала ещё счастливее прежнего.

Через десять лет ни одна из дочерей принца Рашингавы, кроме Сармы, не вышла замуж – дела принца в колонии теперь шли так хорошо и богатства его с такой скоростью умножались, что он потерял нужду продавать дочерей в пятилетние браки. Многие из серен теперь искали себе работу по интересам и склонностям, а некоторые продолжили совершенствовать искусство меча. Однако, при отмене правила Рашингавы "восемь сильнейших не будут проданы замуж" титул для сильнейшей из его дочерей отменён не был. Сарма Э так и осталась герцогиней Дайиси. Несколько раз сёстры заставили Сарму понервничать. Впрочем, она готова была с радостью передать свой титул одной из сестёр – Кармин и дети стали настоящим её богатством.

Хэллис стал преданным другом Сармы, не больше и не меньше. Да, он ещё мучительно долго любил её, каждый четвёртый день ругая себя, её и весь свет за то, что она не с ним, однако настало время, в которое новая любовь принялась исцелять Хэллиса от прежней страсти, но не от дружеских чувств.

От двух отрядов инуэдо и кредита Кармин нашёл способ отказаться. И пусть Нинио сказал ему, что и не собирался оставлять ему такие богатства надолго, все остальные восприняли отказ Кармина как проявление высокого уровня

кинье, находя в его поступке одни достоинства.

Подрастая, Эю оказалась далеко не самой желанной невестой для варлордов империи. Несколько сестёр и племянниц Кармина, чистокровных алмазных варледи, приняли предложение Бесцейна поселиться в империи и совсем не торопились с замужеством, сводя с ума перевёртышей-мужчин. К тому же Эю слишком скоро показала свободолюбивый характер, какой мало кто из варлордов мог бы пожелать для своей жены. Иначе говоря, Эю слишком часто делала, что хотела, уповая на то, что из-за унаследованных от родителей способностей она практически неуязвима. На деле же её защищала скорее дурная слава отца и авторитет деда, принца Рашингавы. Подробности рассказов о том, как именно Кармин Коварный подавлял восстания, всё же постепенно распространились в виде слухов, и, как положено слухам, они обрастали немислимыми кровавыми подробностями. Многие открыто говорили, что убивать нужно было не Деказруа Шестого, а Кармина Коварного. Но кровожадные успокоились, когда Сапфир сказал: «Иным тёмным душам необходимо наслаждаться властью над миллионами разумных, тогда как этот мужчина удовлетворился властью над одной лишь Сармой Дайиси. Каждому мужчине, которому не пришлось ещё делать выбор между одной женщиной и миллионами, стоит поклониться Кармину Коварному».

И всё же дурная слава Кармина заставляла преступников трястись перед ним, но вовсе не помогала ему удерживать

глупостей подчинённых, считавших его слишком изнеженным герцогиней Дайиси. Так Кармин стал чем-то вроде копии милого и почти безобидного внешне Кристиана Рэйли в первой колонии. Положение подправили некоторые из подросших детей Кармина, когда вошли в состав его подразделения и взялись за службу со всей прямоотой и преданностью делу, какие уже много лет показывал Кармин.

Время шло, а самый сильный состав группы захвата, в которую входил Кармин во времена своей службы в столице, стали называть легендарным.

Р.С. Я – больше не коварный. Если только чуть.

– И кто тебя пригласил, Кармин? – нервничая, Сарма шагала вместе с супругом по каменистому берегу, первым встретившему небольшую группу герцогов Рашингавы у Накханского предела на Пенрине.

– Вообще-то ясновидящий, – принялся объяснять Кармин. – Я шёл в патруле и вдруг вижу его. И он прямо на ходу, на улице мне заявил, что принц Ли снова приведёт к Ханту наследников на тренировку, и хочет встретиться со мной там. То есть потренироваться со мной хочет Сапфир. Но хочет, чтобы это случилось у Накханского принца.

Сарма нахмурилась. Кармин буквально прочитал в её взгляде мысль "Сапфир измыслил какую-то интригу".

– Даже если он решил, что пора вскрыть мой навык... – тихонько прошептал ей Кармин. – Сарма, не бойся за меня. Моё положение в империи уже вполне надёжно. И я не единственный доступный алмазный варлорд.

Но в тренировочных залах предела Накханского принца Кармин обнаружил, кроме ожидаемых принцев и их наследников, ещё и принцев-перевёртышей Классика и Адмора, а кроме них и близнецов Си – ту пару крылатых, которые сменили Накханца и продолжали изматывать Деказруа Шестого

перед тем, как один из них разбил ему доспех и взорвал.

Присутствующие сразу же принялись заинтересованно поглядывать на всех участников того сражения и на Кармина. Пусть он не раз заявлял, что фактически благодарен им, здесь, в империи Бесцейна, считалось естественным то, что сын убитого, кто бы он ни был, должен желать сразиться с убийцами отца.

Однако едва Сапфир предложил провести тренировочный бой с одним из близнецов, Кармин отказался. Один из них после ранения ещё не догнал себя прежнего в искусстве меча. А другой – губернатор столицы и непосредственный начальник Криса Рэйли, то есть один из высокопоставленных шефов Кармина. Тренироваться с этим парнем может быть опасно для внутреннего климата штаба доспешников... и карьеры Кармина. Но Накханским принцем Кармин открыто восхищался и перед тренировочным боем с ним устоять не смог.

Однако вскоре выбил меч из руки противника. И широко распахнул глаза. А потом прикрыл рот, чтобы не ругнуться. Кажется, он не смог себя проконтролировать, не смог рассчитать силу, скорость и навык противника. Но теперь Накханец настороже и будет выкладываться как следует. А раз так, то и Кармину придётся соображать очень хорошо. Справившись со сложными финтами будет глупо пойти навстречу простому выпад. Но на скорости Кармин не сообразит, когда лучше поддаваться, а вот опытные бойцы вокруг заме-

тят идиотскую попытку нарваться на удар. И если даже сразу не сделают выводов, то запомнят настораживающую серию и верно оценят её позже. А значит играть в поддавки уже нельзя и в этом бою не удастся скрыть свои навыки. Интересно, насколько хорош Накханец?

Кармин поднял раскрытую ладонь и опустил на одно колено. Это значит, что ему нужна пауза.

Кармин попытался предельно замедлить дыхание. Это должно было помочь.

Но вскоре бой начался, и Кармин чуть испугался скорости Накханского принца – она напомнила ему почти неповторимую внезапность принцев-древнейших. Из-за испуга кровь ударила в виски, и Кармин прыжком с быстрым финтом отвлёк внимание и тут же, на новом финте, выхватил меч из руки принца.

Он вернул меч, извинился, долго тёр лицо и принял решение больше не пытаться скрывать навык. Просто потому, что его вынуждают.

Накханский принц впоследствии обезоружил его всего один раз.

– Это ты хотел мне рассказать, Сапфир? – громко спросил Накханский принц у ясновидящего, не сводя глаз с Кармина.

– Не совсем. Ты и близнецы должны были, конечно, узнать правду. Но это послание тебе, Хоакин, – и Сапфир повернулся к принцу Классику. – Ведёт войска не самый сильный воин. Ведёт войска тот, кто большего хочет добиться от войны.

– Считаешь, меня может убить кто попало? – спокойно поинтересовался Классик.

– Считаю, что и тебе пора подумать о манёвре Рашингавы. Рэй Рашингава вовсе не сильнее Дайиси, и уж тем более Нинио, но амбиции Рэй так велики, что она результативна и потому поведёт пенринскую часть предела Рашингавы в следующую Защиту.

– Я подумаю об этом, – с неудовольствием сказал Классик. – А теперь хочу увидеть, как Кармин собьёт спесь с Валери. Хочу, чтобы и твои близнецы усвоили урок.

– Какая спесь, ваше высочество? – укоряюще протянул губернатор столицы и вышел вперёд, призвав меч, удивительно светлый, словно бы с шипением роняющий капли раскалённого добела металла.

– Я не хочу обнажать меч против шефа моего командира, – сразу же сказал Кармин. – Я не хочу проблем в работе.

– Нет, Кармин, этот парень почти святой, – громко сказала Сарма. – С ним проблем не будет.

– Мы все в этом городе... просто делаем свою работу, – с лёгкой усмешкой сказал губернатор, медленно приближаясь. – И делаем то, о чём просят старики. Кармин Коварный, ты уважаешь старость? Ты посмотри... Они же совсем одряхлели – в тощих ручонках меча им уже не удержать, вот и надеются развлечься за наш счёт. Ах да, ещё они любят помериться рейтингами наследников. Мол, а у меня выше, а у меня длиннее.

Кармин, глядя то на губернатора, то на принца Классика, тихонько ужасался продолжающим звучать словам. Они были чуточку оскорбительны, но если это правда, и Классик уже не раз уничтожал потомков Сапфира, то и Валери не пощадит. И да, Классик принялся не торопясь возвращать меч. Глаз Кармина едва успел увидеть момент, когда Классик кинулся к Валери, и что-то ещё бросилось ему наперерез. Со вспышками света и оглушительно громким звоном сталкивались клинки Классика и Сапфира.

Кармин заорал было об общих целях и мире, но Валери тронул его за плечо и сказал:

– В первый раз я тоже пытался их остановить. Но теперь мне уже почти всё равно. Пока есть Бесцейн и хотя бы пара каких-нибудь древнейших на его стороне, империя будет стоять. А вот эти двое на самом деле обожают подраться, но убивать друг друга не собираются. Это для них идеальная тренировка. И нам действительно есть чему поучиться у них. Давайте же наслаждаться зрелищем и учиться.

– Но...

– Здесь все могут в кровь передрасться, но это будет несерьёзно. Никто в итоге никого не убьёт.

– А...

– Потому что они чтут закон Бесцейна.

– Но...

– Да, иногда они напиваются и нарушают закон, но до убийств ещё не доходило.

– А...

– Просто сохраняйте невозмутимость, что бы ни происходило – здесь так модно.

– Так Сапфир, выходит, пригласил меня и вас для того, чтобы, кроме урока вам и Ханту, в итоге подраться с Классиком?

– О да, несомненно.

– Всенити ткани, как же вы так живёте?

– В постоянном ожидании таких вот развлечений и тех, что любезно предоставил нам ваш почивший папочка.

– И вы хотите, чтобы и я так жил?

– Нет, дорогой друг, ваша жизнь – жизнь доспешника и супруга Дайиси, куда запутаннее и сложнее. Потому просто не обращайтесь внимания на что-либо, если территория не ваша или не ваша смена, в конце концов. Однако... могу я попросить... о тренировке?

– Прямо сейчас? – ужаснулся Кармин.

Мимо них, иногда совсем близко от лиц, словно снаряды, то и дело проносились древнейшие, и Кармин чувствовал себя словно под обстрелом.

– Можно немного отойти в сторону, – пожал плечами Валери.

– Вы настолько к этому привыкли?

– Нее-ет. На самом деле я просто выделяюсь перед своим братом.

– Я на такое, пожалуй, не способен, – дрогнув, покачал

головой Кармин.

Древнейшие ощути́мо пугали его.

– Способны, господин Коварный. Да и... неужели не хочется немного покрасоваться невозмутимостью и победами перед Дайиси? Насколько я знаю, мужчины-перевёртыши точно так же практикуют подобное, как и все остальные представители нашего пола.

Кармин заставил себя не оглядываться на Сарму. Да, уже не один год брака прошёл, но как же хочется ещё больше её любви и восхищения!..

– Я согласен, – быстро выпалил Кармин.

И после всего он получил свою награду – Сарма с восторгом нахваливала и его навык, да и выдержку, которую он проявил в тот момент, когда все присутствующие, разве что кроме принцев, боялись даже почесать носы.

Но его инуэдо окликнул его по данной Бесцейном фамилии, и Кармин тут же вспомнил о том, что все, и прежде всех Сарма, ждут от него чистосердечия. И чуть было не рассказал Сарме о том, что изо всех сил старался преодолеть себя только для того, чтобы вызвать её восторг.

Но так и не смог сказать. Странная штука – любовь.